

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES

2022. Том 8. № 4 (32)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

И. М. Чубаров, д. филос. н., проф.

Заместители главного редактора:

Е. В. Михалькова, к. ф. н., доцент; *Е. В. Новокрепленных*, к. ф. н.;
Вяч. С. Кулешов, к. и. н., доцент; *А. А. Медведев*, к. ф. н., доц.

Контактная информация:

Главный редактор Чубаров И. М.:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Ленина, 23, каб. 405
i.m.chubarov@utmn.ru

Издатель:
ТюмГУ-Press

Адрес издателя и редакции:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Володарского, 6
☎ +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Печатная версия журнала
распространяется по подписке:
Каталог Российской прессы (индекс ПА252)
Журнал выходит 4 раза в год

Прием статей:

vestnik-humanities-r@utmn.ru

Публикация статей для авторов бесплатна

Информация для авторов:

<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:

<http://www.e-library.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель:

ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

© Вестник Тюменского государственного университета.
Гуманитарные исследования. Humanitates, 2022
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чубаров Игорь Михайлович	доктор философских наук, профессор, проректор, Тюменский государственный университет
Белозёрова Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Вирдис Даниела Франческа	Ph.D., профессор, Университет Кальяри (Италия)
Гартон Сью	Ph.D., профессор, Университет Астон (Англия)
Дрожаших Наталья Владимировна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Лабунец Наталья Вадимовна	доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Марийо Пьер	хабилированный доктор лингвистики, профессор, Университет Тулузы имени Жана Жореса (Франция)
Хомутова Тамара Николаевна	доктор филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет
Хшановска-Ключевска Эльжбета	хабилированный доктор наук (лингвистика), профессор, Ягеллонский университет (Польша)
Медведев Александр Александрович	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Арустамова Анна Альбертовна	доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный научно-исследовательский университет
Викторова Татьяна Владимировна	доктор филологических наук, профессор, хабилированный доктор наук (HDR), Страсбургский государственный университет (Франция)
Зырянов Олег Васильевич	доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Комаров Сергей Анатольевич	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Кононова Алла Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Саббатини Марко	доктор филологических наук, хабилированный ординарный профессор по славистике, ассоциированный профессор, Пизанский университет (Италия)
Эртнер Елена Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Еманов Александр Георгиевич	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Вюнш Томас	доктор истории, профессор, Университет Пассау (Германия)
Кинг Рональд	Ph.D., профессор, Государственный университет Сан-Диего (США)
Нефёдкин Александр Константинович	доктор исторических наук, Белгородский национальный исследовательский университет
Парфентьев Николай Павлович	доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южно-Уральский национальный исследовательский университет
Пашин Сергей Станиславович	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Чая Роман	доктор истории, профессор, Торуньский университет имени Николая Коперника (Польша)
Новокрещенных Екатерина Владимировна	кандидат филологических наук, Тюменский государственный университет
Михалькова Елена Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Кулешов Вячеслав Сергеевич	кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Костомаров Владимир Михайлович	кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Кузнецова Наталья Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Чижов Николай Сергеевич	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Пупышева Ирина Николаевна	кандидат философских наук, доцент, Тюменский государственный университет, ответственный секретарь

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

HUMANITIES RESEARCH. HUMANITATES

2022. Vol. 8. No. 4 (32)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No. F77-72166 issued on 29 December 2017
(prev. PI No. FS77-60411 on 29 December 2014) by RF Press Committee

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

EDITOR-IN-CHIEF:

I. M. Chubarov, Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Deputy Editors-in-Chief:

E. V. Mikhalkova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.; **E. V. Novokreshchennykh**, Cand. Sci. (Philol.);
V. S. Kuleshov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.; **A. A. Medvedev**, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.

EDITORIAL BOARD

N. N. Belozero, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
D. F. Viridis, Ph. D., Prof. (Italy)
S. Garton, Ph. D., Prof. (UK)
N. V. Drozhashchikh, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
N. V. Labunets, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
P. Marillaud, Dr. of Ling., HDR (France)
T. N. Khomutova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
E. Chrzanoska-Kluczevska, Dr. Sci. (Ling.), Prof. (Poland)
A. A. Arustamova, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
T. V. Viktorova, Dr. Sci. (Philol.), HDR (France)
O. V. Zyryanov, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
S. A. Komarov, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
A. V. Kononova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
M. Sabbatini, Dr. Sci. (Philol.), Prof. Ordin. (Italy)
Ye. N. Ertner, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
A. G. Yemanov, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
T. Wünsch, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Germany)
R. King, Ph. D., Prof. (USA)
A. K. Nefedkin, Dr. Sci. (Hist.), Lead. Researcher
N. P. Parfentiev, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
S. S. Pushin, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
R. Czaja, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Poland)
V. M. Kostomarov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.
N. V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
N. S. Chizhov, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
I. N. Pupysheva, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.—
exec. secretary

Contact information:

Editor-in-chief Igor Chubarov:
of. 405, 23 Lenina St., Tyumen, 625003, Russia
i.m.chubarov@utmn.ru

Publisher:
UTMN-Press

Publisher and editorial address:
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia
vestnik-humanitaries-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Subscription to the printed edition of the journal:
No. IIA252 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges

For article submission or any requests contact:
vestnik-humanitaries-r@utmn.ru
<http://vestnik.utmn.ru>

E-version of the journal can be accessed at:
<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Founded by the University of Tyumen:
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

© Tyumen State University Herald.
Humanities Research. Humanitates, 2022
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:**ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Долгих А. И.

Виртуальный образ арктического города на примере Салехарда 6**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Курило С. А., Новикова Е. Г.

Образ Сибири как российского колониального Востока в травелоге И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» ...22

Никулина Н. А.

Правдивые сны Андрея Аржиловского из расстрельного дневника 1936-1937 годов 41

Дроздова А. О.

Мандрагора в райском саду: растительные образы в повести В. Набокова «Волшебник».....60**ИСТОРИЯ**

Хрусталёв Д. Г.

«Феодорь Грекъ митрополичь отъ папы из Рима». К истории отношений Руси с папским престолом в конце XI века 77

Байдуж Д. В., Медведева В. О.

Образ Другого: отличительный знак евреев в средневековой Германии (XIII-XVI века) 110

Костомаров В. М., Крестьянников К. Ю.

Пространственная характеристика системы расселения русских первопоселенцев Сибири XVII-XVIII вв. бассейна р. Тобол в контексте ландшафта (оптика ГИС).....134

CONTENTS

LINGUISTICS

- Dolgikh A. I.
**A virtual image of an Arctic town
(the case study of Salekhard) 6**

LITERATURE STUDIES

- Kurilo S. A., Novikova E. G.
**Image of Siberia as Russian Colonial
Orient in Ivan Goncharov's Travelogue
the Frigate Pallada 22**

- Nikulina N. A.
**Truthful dreams of Andrey Arzhilovskiy:
from a 1936-1937 diary of a man
sentenced to death 41**

- Drozdova A. O.
**Mandrake in the Paradise Garden:
plant images in V. Nabokov's story
"The Enchanter" 60**

HISTORY

- Khrustalev D. G.
**Theodorus the Greek, the Pope's
mitropolich' of Rome. Revisiting
the relations between Rus
and the Papacy in the late 11th century ...77**

- Baiduzh D. V., Medvedeva V. O.
**The image of the Other: the distinctive
sign of the Jews in medieval Germany
(XIII-XVI centuries) 110**

- Kostomarov V. M., Krestyannikov K. Yu.
**Spatial characteristics of Russian
pioneers' settlement system in Siberia
of the 17th — 18th centuries of Tobol river
basin in the context of landscape (GIS
optics) 134**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Анастасия Игоревна ДОЛГИХ¹

УДК 81'27

ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ АРКТИЧЕСКОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ САЛЕХАРДА*

¹ аспирант кафедры английского языка,
Тюменский государственный университет
stud003943892@study.utmn.ru; ORCID: 0000-0002-3108-5073

Аннотация

Статья посвящена исследованию виртуального образа арктического города на примере Салехарда. Арктический дискурс широко представлен в современных гуманитарных и социальных исследованиях. Арктика осмысливается как уникальный регион циркумполярной цивилизации, а обеспечение его устойчивого развития представляет стратегически важный национальный интерес в том числе и для процветания непосредственно самих арктических городов, в брендинг и формирование узнаваемого образа которых вкладываются значительные ресурсы. Упомянутые тенденции обуславливают актуальность данной работы. Однако в отечественной научной литературе на данный момент мало представлены исследования, касающиеся изучения формирования, сохранения и развития уникальной идентичности арктических городов России и ее репрезентации в виртуальном пространстве. Это определяет научную новизну исследования.

---

* Данная статья была представлена как доклад на восьмой молодежной научно-практической конференции «Множественность интерпретаций: анализ данных в социальных и гуманитарных науках» (17 июля 2022 г., Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета).

Цитирование: Долгих А. И. Виртуальный образ арктического города на примере Салехарда / А. И. Долгих // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 6-21. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-6-21

Соответственно, цель работы заключается в выявлении ключевых характеристик виртуального образа арктического города на примере Салехарда, столицы Ямало-Ненецкого автономного округа, входящего в Арктическую зону РФ. В качестве метода исследования виртуального образа Салехарда выбран контекстный анализ материалов, полученных из официальной группы администрации города Салехарда в социальной сети «ВКонтакте» методом парсинга с использованием библиотеки VK API за период января — июня 2022 г. В рамках полученных результатов представлены характерные компоненты, формирующие образ арктических городов; дано определение понятию «виртуальный образ города»; с помощью контекстного анализа выявлены ключевые темы, наиболее популярные хештеги и наиболее употребляемые лексемы, определены оценочные и функциональные доминанты сообщений, влияющие на виртуальный образ Салехарда; на основе всего вышеперечисленного сформулированы аутентичные характеристики Салехарда как арктического города. В заключении сделаны выводы об особенностях репрезентации арктического дискурса в виртуальном пространстве на примере исследованных данных, рассмотрены контекстные условия создания, развития и продвижения виртуального образа исследуемого города, а также описаны основные компоненты, конструирующие этот образ.

Ключевые слова

Эколингвистика, медийный дискурс, социальные сети, контекстный анализ, виртуальный образ города, российская Арктика, Салехард.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-6-21

Введение

Исследование аутентичных образов города, транслируемых в виртуальном пространстве, позволяет изучить особенности восприятия жителями городского ландшафта, выявить закономерности в процессах самоидентификации и самопрезентации населения, отследить наиболее востребованные объекты городской инфраструктуры и самые популярные туристические маршруты, а также определить наиболее и наименее благоприятные районы для формирования стратегии управления городом [9, с. 734]. Данная тенденция затрагивает и арктические поселения, являющиеся конструктами с уникальной исторической, географической и социокультурной идентичностью, в которых создание и продвижение запоминающегося виртуального образа является еще и ресурсом для непосредственного выживания города, сохранения населения и привлечения специалистов в конкурентной борьбе с другими городами и регионами, имеющими менее суровые условия жизни. При этом устойчивое развитие российской Арктики, защита ее экосистем и обеспечение арктических городов новейшей наукоемкой инфраструктурой являются стратегически важными национальными интересами нашей страны, которые активно транслируются в том числе через виртуальные каналы [7]. Соответственно, весьма актуальным представляется изучение формирования и репрезентации виртуального образа арктических городов, в нашем случае — на примере Салехарда, расположенного на севере Ямало-Ненецкого автономного округа.

Таким образом, цель данной работы заключается в выявлении ключевых характеристик виртуального образа арктического города на примере Салехарда, столицы ЯНАО, входящего в Арктическую зону РФ. В рамках исследования были поставлены и решены следующие задачи:

- 1) выявить характерные компоненты, формирующие образ арктических городов;
- 2) дать определение понятию «виртуальный образ города»;
- 3) проанализировать отличительные черты виртуального образа Салехарда как арктического города.

Обзор литературы

Значительный вклад в исследование формирования и репрезентации образа города внес Кевин Линч, признанный классик урбанистики. В книге «The Image of the City» на примере Бостона, Джерси-Сити и Лос-Анджелеса он описывает, как люди воспринимают и запоминают особенности городских пространств [14, с. 19]. Наиболее характерные элементы городского ландшафта, классифицированные как пути, границы, районы, узлы и ориентиры, формируют ментальное представление людей о городе. Подход Линча стимулировал исследования в области пространственного познания, городского дизайна и умной урбанистики и по-прежнему составляет важную основу для анализа городской динамики. Так, Линч собирает образ города из отдельных представлений и ассоциаций, от частей к целому, «снизу вверх».

Альтернативный путь формирования образа города представлен в книге «The City after Chinese New Towns: Spaces and Imaginaries from Contemporary Urban China» за авторством Микеле Бонино, Франчески Говерны, Марии Паоло Репеллино и др. [11, с. 95]. Авторы рассматривают процесс централизованного создания и популяризации образа городских районов Тунчжоу, Чжэндун и Чжаоцин (которые объединяют множество общин разной культуры, вероисповедания и занятий) «сверху вниз», от вышестоящей власти к местным администрациям, от них — непосредственно к жителям и гостям города через различные каналы, в том числе виртуальные, с привлечением локальных блогеров-инфлюенсеров. Здесь жители имеют небольшой вес в принятии градостроительных решений, так как главной целью правительства является максимизация пользы логистического планирования для работы городской инфраструктуры и продуманного расселения жителей.

В статье Цзяньсяня Хуана и его соавторов виртуальный образ тройной агломерации Гданьска, Сопота и Гдыни исследуется на материале сообщений, фотографий и геотегов в социальных сетях [13, с. 17] с последующей интерпретацией в рамках классификации, предложенной Линчем. Авторы выяснили, что анализ публикаций в соцсетях способен обеспечить надежную оценку презентуемых и воспринимаемых образов города. Данные, собранные в виртуальном мире, способны раскрыть особенности восприятия какого-либо места в реальном мире. Активное освещение городской жизни в виртуальном пространстве игра-

ет большую роль в формировании привлекательности города, а также в воссоздании и интерпретации его образов в сознании жителей.

Габриэль Филомена и коллеги рассматривают ключевые элементы Бостона как единицы синтаксиса пространства, формирующие связный контекст [12, с. 15]. Утверждается, что взаимосвязь между внешним пространством и социальными феноменами города является движущей силой пространственного синтаксиса, который формирует когнитивное представление о городе. Сопоставляя информацию об образе города, полученную из книги Линча, современных онлайн-карт (ГИС) и ментальных карт (созданных жителями Бостона) авторы приходят к выводу, что виртуальный образ Бостона должен служить не только практическим логистическим целям, но и отражать современную социальную, культурную, ценностную, потребительскую, досуговую и экологическую динамику развития города.

Что касается исследования образа конкретно арктического города, его можно рассматривать с точки зрения семиотики как «совокупность национальных, социальных, стилевых кодов и текстов», что представлено в работе Е. Ю. Терещенко и З. Ю. Желниной «Визуальный текст арктического города: методы анализа и варианты интерпретации» [5, с. 88]. Авторы рассматривают формирование арктической идентичности города на примере Мурманска, в том числе анализируя интервью с его жителями, а также тематические публикации в социальных сетях и на страницах сайтов. Они приходят к выводу, что в формировании, осмыслении и интерпретации визуального образа города важное значение имеет как целенаправленная политика муниципальных властей, так и вовлеченность самих жителей города.

В целом работы перечисленных авторов раскрывают виртуальный образ города как мультимодальную совокупность языковых, визуальных, аудиальных, культурных, когнитивных и т. д. кодов, опосредованных виртуальными платформами, геоинформационными системами и другими цифровыми технологиями. Используемые авторами методы помогли сформулировать теоретические и методологические рамки для исследования подходов к формированию и анализу виртуального образа арктического города.

Материалы и методы

Исходя из ключевых идей вышеописанных авторов были сформулированы основные подходы к формированию образа города и методы его анализа. К основным способам формирования образа города относятся:

- Формирование образа города из отдельных представлений и ассоциаций горожан и туристов, от частей к целому, «снизу вверх».
- Формирование образа, с одной стороны, городскими сообществами и городским фольклором, с другой стороны — муниципальными и вышестоящими властями.
- Формирование образа города из официальных каналов, «сверху вниз», от вышестоящей власти к местной администрации, от них — к жителям и гостям города.

К наиболее популярным методам анализа виртуального образа города и материалам его исследования можно отнести:

- Анализ Big Data: геотеги, маршруты, чекины, демографическая статистика и т. д.
- Анализ Social Media Data: тексты, хештеги, фотографии, дискурсы, реакции, социальные графы и т. д.
- Анализ Small Data: ментальные карты, видеодневники, пешие экскурсии, интервью, анкетирование и т. д.

В качестве метода исследования виртуального образа Салехарда был выбран контекстный анализ данных, полученных из официальной группы администрации города в социальной сети «ВКонтакте» [2] методом парсинга с использованием библиотеки VK API за период января — июня 2022 г. (проанализированы материалы 1182 публикаций с 01.01.2022 по 25.06.2022).

Изучение путей создания, репрезентации, ассоциации и воспроизведения ключевых аспектов образа города в социальных сетях помогает выявить социально-пространственные паттерны, которые определяют виртуальный образ города и его окрестностей через экстралокальные отношения с людьми и местами из реального мира [15, с. 13].

Кроме того, анализ постов в социальных сетях помогает оценить и понять социальный и культурно-исторический контекст, в котором протекает современная жизнь города, а также объяснить многомерный характер социально-пространственных отношений, формирующих сложную композицию образа города в виртуальном пространстве и его влияние на реальный городской облик и его трансформацию [16, с. 2]. Анализ репрезентации городских пространств и городских сообществ в социальных сетях может стать ключевым фактором в разработке муниципальной политики и реализации проектов, направленных на долгосрочное планирование развития города [15, с. 3].

Метод контекстного анализа позволил нам оценить текст виртуальных публикаций с точки зрения его культурно-исторической укорененности, а также с точки зрения характерных и функциональных особенностей, сформированных, с одной стороны, самими авторами публикаций, а с другой — спецификой виртуальных платформ, на которых размещается текст [18]. Контекстный анализ позиционирует текст в конкретных временных и социокультурных рамках, позволяет выделить оценочные и функциональные доминанты и ответить на ряд ключевых вопросов, среди которых:

- каковы языковые, стилевые и т. д. особенности текста публикаций?
- что текст публикаций говорит о предполагаемой целевой аудитории?
- каковы основные цели создания текста исследуемых публикаций?
- можно ли выделить общие контекстные условия и события, которые значительным образом повлияли на создание и восприятие текста?
- как вышеперечисленные характеристики влияют на формирование виртуального образа города?

Исследование постов в официальной группе администрации города Салехарда в социальной сети «ВКонтакте» подразумевало анализ двух основных типов виртуальной коммуникации:

- 1) от общественного отправителя к общественному получателю. Сюда относятся сообщения, опубликованные от имени группы администрации города, а также репосты из других групп для всех потенциальных читателей (подписчиков и других заинтересованных пользователей социальной сети);
- 2) от личного отправителя к общественному получателю. Сюда следует отнести сообщения публичных лиц (мэра города, политиков и общественных деятелей региона), которые они публикуют на своих личных страницах, а затем эти публикации репостят в официальную группу администрации города Салехарда.

Салехард можно рассматривать как типичного представителя арктических городов, расположенного на Северном полярном круге. В формирование положительного образа, виртуальный брендинг города и поддержание имиджа Салехарда как административного, образовательного, культурного, экономического и логистического арктического центра ЯНАО муниципальными властями, инвесторами и представителями корпораций вкладывается много сил и ресурсов [6, с. 122], в том числе с помощью активного ведения социальных сетей, SMM-продвижения и привлечения местных блогеров [1, 3, 4, 17].

Стоит отметить, что на основе анализа публикаций в группе администрации Салехарда можно получить представление лишь об официальном, идеалистическом образе города, транслируемом «сверху вниз», формируемом в большей степени не горожанами, а местными управленцами для непосредственно жителей, потенциальных гостей и туристов, инвесторов, компаний и вышестоящей власти. Тем не менее данный образ в достаточной мере способен отразить основные закономерности виртуальной репрезентации арктических городов в социальных сетях на конкретном примере Салехарда.

Результаты

К специфическим чертам арктических городов можно отнести следующие географические, экономические, административные, социальные, урбанистические и культурные характеристики [10, с. 5]:

- 1) небольшое по размерам и/или численности население города с ограниченными административными возможностями;
- 2) относительная молодость города;
- 3) особенности планировки и застройки, обусловленные соответствующими строительными стандартами для данных климатических условий;
- 4) географическая изолированность, территориальная компактность;
- 5) инфраструктура опирается на доступность воздушного сообщения и цифровых технологий;
- 6) экономическая зависимость от природных ресурсов;
- 7) основной процент занятого населения и получаемых доходов связан с добычей невозобновляемых ресурсов;

- 8) акцент на краткосрочных выгодах и текущих инвестициях, а не на долгосрочном потенциале;
- 9) необходимость постоянного мониторинга климатических, биоресурсных и других экологических проблем;
- 10) наличие вечной мерзлоты, особенной и/или эндемичной флоры и фауны;
- 11) мультикультурное население, активный приток мигрантов;
- 12) поддержка целостности региональной экосистемы, культурной интеграции коренного населения города и региона.

Сопоставив перечисленные компоненты с реалиями исследуемого города (большинство из которых согласуется с представленным перечнем), можно заключить, что данные черты действительно формируют образ Салехарда как типичного представителя арктических городов. Однако это сопоставление практически не затрагивает специфические социально-пространственные характеристики Салехарда. Более конкретные данные, отражающие его уникальные арктические и урбанистические черты, можно получить, например, из контекстного анализа публикаций в локальных виртуальных сообществах, исследуя текстовые и внетекстовые единицы, опираясь на экстралокальные связи виртуального и реального образа города. В нашем случае проведен контекстный анализ постов из официальной группы администрации города Салехарда в социальной сети «ВКонтакте» [2].

Хештеги можно рассматривать как внетекстовый элемент публикации, служащий не только для продвижения постов и их связи между собой, но и для выделения краткого содержания сообщения, отражения его основной темы и ключевых слов. Наиболее популярными уникальными хештегами в группе администрации Салехарда за период исследования стали следующие (в скобках указано число использований): #АдминистрацияСалехарда (84), #СпортНормаЖизни (49), #СалехардСпорт (42), #ЯмалПомнит (34), #ГодЭкологии (28), #ЧистыйЯмал (23), #Деньоленовода_на_Полярномкруге (26), #ЯНАО (22), #МыВместе (20), #Ямал (20), #Салехард_выходит_на_субботник (19), #ГрантыОтГубернатора (18), #Салехард (16), #Городаменяютсядлянас (15), #Городскаясредавприоритете (14), #ДеньПобеды (11), #ОбразованиеСалехарда (10), #Уютныйямал (9), #Уютныйямал2022 (9), #Yamalsport (8).

На основе использованных хештегов можно выделить несколько основных тематических компонентов репрезентации жизни города, которым уделяется наибольшее внимание: спорт и поддержка здорового образа жизни населения, экология и формирование экологического сознания у горожан, традиции и культура коренных народов города и региона, поддержание исторической памяти и преемственности поколений, благоустройство города и создание уютной и удобной городской среды в северных условиях, а также образование и поддержка молодежных и гражданских инициатив.

Среди перечисленных компонентов, формирующих образ города в социальных сетях, наибольшее число публикаций посвящено образованию и культуре. Транслируется образ Салехарда как активно развивающегося, инновационного,

культурного и образовательного арктического центра. Множество сообщений посвящено национальным и международным исследовательским и культурным проектам в области развития города и региона, например, Школе межэтнической журналистики, Форуму молодых лидеров стран арктического совета ICE, IV Арктическому культурному форуму и конкурсу образовательных кадров ЯНАО «Инновационные технологии в современной образовательной организации».

Также большое количество публикаций освещает тему спорта и здорового образа жизни — активно обсуждается трансформация спортивной инфраструктуры города, жителей города привлекают к участию в спортивных мероприятиях, таких как арктический экстремальный забег «Северный характер. Лето» и сдача норм ГТО, сообщается о проведении международных и локальных спортивных турниров, таких как I Всероссийские Арктические игры.

Неотъемлемой частью образа Салехарда как арктического города является акцент публикаций на экологической обстановке города и региона, защите окружающей среды, экологичном потреблении, добыче невозобновляемых ресурсов, воспитании экологического самосознания населения и т. д. Сообщения посвящены созданию экокласов в школах и проведению экологических проектов (таких как «Будущее Арктики», премия «Экология — дело каждого», различные субботники и мастер-классы) и мероприятий по решению проблем, связанных с добывающей и перерабатывающей отраслью экономики (активно обсуждается заседание комиссии по вопросам охраны окружающей среды, инициативная сессия по сохранению природных достопримечательностей Ямала, таких как мерзлотник под Обдорским острогом).

Также публикации формируют образ Салехарда как мультикультурного города, в котором заботятся о сохранении и развитии национальной культуры малочисленных народов Севера, их языка и наследия. Множество постов рассказывает о мероприятиях, посвященных традиционным занятиям и досугу коренных народов Ямала — праздник День оленевода, выставки изделий традиционных промыслов, смотры национальных ямальских костюмов, гастрономический фестиваль блюд ямальской кухни и т. д. Административно-образовательная сфера представлена такими мероприятиями, как диктант на языках коренных малочисленных народов, кампания по включению жителей округа в список коренных народов РФ, гранты для представителей коренных малочисленных народов Севера и национальных творческих коллективов.

Много внимания уделяется информации о развитии и благоустройстве Салехарда — планам по созданию комфортной городской среды, привлечению участников регионального проекта «Уютный Ямал», продвижению портала «Живем на Севере», ремонту городской инфраструктуры и объектов социально-культурного назначения, сохранению исторических достопримечательностей и формированию современного облика города.

Что касается не представленных популярными хештегами тематик постов, сюда можно отнести публикации, посвященные темам поддержки семьи и организации семейного досуга, здоровьесбережению населения, трансформации

транспортной инфраструктуры и логистики в арктических условиях, экономическому развитию и добыче полезных ископаемых и т. д.

Самыми часто употребляемыми лексемами (единицами, включающими все формы конкретного слова) в виртуальных публикациях стали следующие: год (929), город (897), быть (858), Салехард (856), рубли (629), Ямал (518), билет (478), стоимость (446), работа (436), место (416), проект (412), окружающей (367), сегодня (321), дети (320), школа (300), библиотека (298), Алексей (293), глава (291), снег (278), Титовский (273). При анализе не учитывались предлоги, местоимения и слова короче трех букв.

В постах группы наиболее часто встречаются лексемы со следующими оценочными компонентами: интересный (113), лучший (111), уютный (92), активный (87), чистый (76), веселый (67), комфортный (52), безопасный (30), любимый (30), успешный (29), яркий (27), уникальный (27), полезный (23), красивый (21), отличный (20). В большинстве случаев данные оценочные доминанты использованы в контексте создания виртуального образа Салехарда как

- 1) досугового, образовательного и в целом самого передового центра российской Арктики и российского Севера с активным населением и насыщенной городской жизнью, в котором происходит постоянный приток экономических и профессиональных ресурсов;
- 2) комфортного и приятного для проживания и создания семьи города, который активно развивается и в трансформации которого может принять участие любой заинтересованный человек благодаря поддержке гражданских инициатив;
- 3) столицы арктического региона с выдающимся природным, культурным и историческим наследием, богатствами которого являются не только полезные ископаемые и уникальные экосистемы, но и человеческий капитал его жителей.

Также можно выделить три основные группы функциональных доминант, присутствующих в публикациях группы:

- 1) репрезентативная — освещение жизни города и горожан, информирование о происходящих в ней изменениях;
- 2) экспрессивная — формирование у читателя благоприятного отношения к городу сообщениями, в которых преобладают положительные оценочные доминанты относительно Салехарда, его инфраструктуры, населения, муниципальных властей, мероприятий и т. д.;
- 3) апеллятивная — выражена обращениями управленцев, политиков и общественных деятелей к подписчикам группы (горожанам, туристам) с целью повлиять на их поведенческие установки и стратегическое управление городом.

Стоит упомянуть о топонимической идентификации Салехарда. Так, среди всех рассмотренных публикаций встречаются следующие топонимические единицы принадлежности города к определенному региону: Ямал и производные от него (430), Север и его производные (165), Полярный круг и производные от

него (107), Арктика ее производные (83). Географическая принадлежность Салехарда к данным регионам отражена в тематике и названии мероприятий, в названиях проводящих их организаций (эргонимах), а также в названиях внутригородских объектов (урбанонимах).

Также узнаваемый для восприятия, представления, ассоциирования и репрезентации образ Салехарда формируется такими широко используемыми в виртуальных публикациях топонимическими эпитетами и перифразами, как «Наш город на Полярном круге», «Северный характер», «Память Севера», «Столица Ямала», «Живем на Севере», «Уютный Ямал», «Будущее Арктики», «Арктический вызов», «Зеленая Арктика», «Семья Арктики» и т. д.

Активная трансляция положительного имиджа города и популяризация локальных брендов налажена через официальные социальные сети и публикации местных и региональных блогеров, что также вносит вклад в мультимодальную совокупность кодов, формирующих виртуальный образ Салехарда.

Обсуждение

Анализируя пути формирования образа Салехарда в группе администрации города, можно говорить о смешанном подходе к данному процессу. С одной стороны, как и в работе М. Бонино и др. [11], мы видим, что основные компоненты конструирования необходимого привлекательного образа спускаются муниципальным управленцам от вышестоящей власти и других заинтересованных лиц, отражая их личные, корпоративные и национальные интересы в развитии и обогащении города и всего ямальского региона. При этом нельзя отрицать ключевое влияние главного — экономического — фактора на продвижение локальных брендов, поддержание положительного имиджа города и сохранение его идентичности. Неудивительно, что при анализе наиболее употребляемых лексем в постах группы в десятку самых популярных вошли две, связанные с финансами и инвестициями. Н. Г. Федотова предполагает, что

«...высокий уровень жизни будет определять и степень привязанности к городу», а «с точки зрения экономики, городская идентичность призвана продуцировать привлекательный образ, способный влиять на развитие туризма и улучшение инвестиционного климата» [8, с. 13].

С другой стороны, как и в исследовании Е. Ю. Терещенко и З.Ю. Желниной [5], мы видим репрезентацию элементов городской идентичности и локального культурного наследия через официальные виртуальные каналы. При таком подходе образ Салехарда формируется, с одной стороны, муниципальными и вышестоящими властями, а с другой стороны — местным фольклором и городскими сообществами.

В дальнейшем при исследовании идентичности арктических городов и ее репрезентации в виртуальном пространстве хотелось бы изучить более комплексную картину, в том числе относительно Салехарда, с привлечением мультиплатформенных данных, созданных самими горожанами и туристами. Информация,

полученная из совокупности отдельных субъективных восприятий через фотографии городского ландшафта, селфи, комментарии и посты пользователей расширит сложившийся образ арктического города, конструируемый муниципальными властями, которые зачастую в официальных группах избегают публикации негативных новостей и освещения локальных проблем. При таком подходе многие значимые урбанистические доминанты не находят отражения в интернет-пространстве, ограничивая виртуальный образ города относительно его реального образа. Представление Салехарда в официальных социальных сетях можно назвать нарочито идеализированным, привлекающим и интригующим туристов, балансирующим на грани между современным развитым городом и наследником непокорной арктической природы и аутентичной культуры.

В целом междисциплинарный подход в исследовании образа арктических городов и трансформации их идентичности с применением лингвистических и компьютерных методов вносит значительный вклад в арктический дискурс.

Заключение

На основе результатов контекстного анализа данных, полученных из официальной группы администрации Салехарда «ВКонтакте», были сформулированы следующие выводы:

- Несмотря на то, что в сообщениях преобладает официально-деловой и публицистический стиль, в текстах активно используются средства художественной выразительности (эпитеты, метафоры, перифразы), формирующие у читателей устойчивые ассоциации с конкретными характеристиками Салехарда. Регулярное упоминание локальных топонимических идентификаторов вносит вклад в продвижение бренда города и повышает у туристов степень узнаваемости города, а у горожан — степень привязанности к месту их проживания.
- Что касается целевой аудитории публикуемых сообщений, то в большинстве случаев тексты адресованы именно горожанам, так как их содержание затрагивает информацию о внутренней жизни города, актуальной для местного населения. Также достаточно много постов, в которых формируется положительный для привлечения потенциальных туристов, инвесторов и специалистов образ Салехарда. Все перечисленные группы могут считаться целевой аудиторией публикаций.
- Проанализировав основные оценочные и функциональные доминанты сообщений, можно заключить, что ключевыми целями публикаций являются: освещение новостей о повседневной жизни городских сообществ, о трансформации городской инфраструктуры и о других значимых событиях; формирование положительного имиджа города и продвижение локальных брендов; сохранение самобытного историко-культурного городского наследия и поддержание различных форм локальной идентичности, являющейся движущей силой в развитии Салехарда. Всё перечисленное создает фундамент для формирования запоминающегося виртуального и реального образа города.

- К общим контекстным условиям, которые значительным образом повлияли на создание и восприятие сообщений группы, можно отнести затрагиваемые в публикациях арктические, экологические, культурные и др. дискурсы и их взаимосвязи, а также широкий круг политических, социальных, экономических и географических идентификаторов, характеризующих социально-пространственные и этнолокальные реалии города Салехарда. Также к контекстным условиям можно отнести возможности и ограничения функционала социальной сети «ВКонтакте», данные из которой были использованы для исследования.
- Все вышеперечисленные аспекты репрезентуют арктический дискурс и арктическую идентичность города в виртуальном пространстве, а также формируют виртуальный образ Салехарда, с одной стороны, опираясь на общие неспецифичные черты арктических городов, среди которых можно выделить географические (изолированность, компактность, особенности климата, флоры и фауны), экономические (сфокусированность на природных ресурсах), социальные (особенности самоидентификации населения и его социальные паттерны), урбанистические (специфика логистики, планировки) и культурные (мультикультурность, полиэтничность и многоконфессиональность населения); а с другой стороны, основываясь на совокупности уникальных элементов локальной идентичности города, определяющих его как преемника наследия Ямала, российского Севера, Полярного Круга и российской Арктики. Реальный образ исследуемого города зачастую глубже раскрывается через элементы его виртуального образа, который представляет собой открытую для восприятия и интерпретации систему кодов, опосредованных цифровыми технологиями. В случае Салехарда формирование необходимого виртуального образа города позволяет муниципальным властям влиять на стратегическое управление регионом и поведенческие установки населения, развивать локальный туризм, привлекать в город новые инвестиции и компании. В виртуальном пространстве Салехард предстает как активно развивающийся научный, экономический, культурный и образовательный арктический центр, при этом сохраняющий и продвигающий местное историческое и культурное наследие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О жизни молодежи на Крайнем Севере // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/yamal-sergeyserotetto> (дата обращения: 25.06.2022).
2. Официальная группа Администрации Салехарда // ВКонтакте. URL: https://vk.com/salekhard_adm (дата обращения: 25.06.2022).
3. Первый фуд-блогер Ямала // ВКонтакте. URL: https://vk.com/djafar_saitov (дата обращения: 25.06.2022).

4. Региональный бренд «Сделано на Ямале» зарегистрирован в Роспатенте // Официальный сайт правительства ЯНАО. URL: <https://old.yanao.ru/presscenter/news/91546/> (дата обращения: 25.06.2022).
5. Терещенко Е. Ю. Визуальный текст арктического города: методы анализа и варианты интерпретации / Е. Ю. Терещенко, З. Ю. Желнина // Общество: философия, история, культура. 2020. № 4 (72). С. 87-93. DOI: 10.24158/fik.2020.4.16
6. Тиханова Е. В. Динамика границ региона как основа конструирования идентичности малого города / Е. В. Тиханова // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции (28-29 марта 2013, Россия, Екатеринбург) Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 118-123.
7. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003050019> (дата обращения: 15.07.2022).
8. Федотова Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты / Н. Г. Федотова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20 (3). С. 32-49.
9. Al-Ghamdi S. A. Rethinking Image of the City in the Information Age / S. A. Al-Ghamdi, F. Al-Harigi // Procedia Computer Science. 2015. No. 65. Pp. 734-743. DOI: 10.1016/j.procs.2015.09.018
10. Berman M. Measuring Progress toward Urban Sustainability: Do Global Measures Work for Arctic Cities? / M. Berman, R. W. Orttung // Sustainability. 2020. No. 12 (9): 3708. Pp. 1-14. DOI: 10.3390/su12093708
11. Bonino M. The City after Chinese New Towns: Spaces and Imaginaries from Contemporary Urban China / edited by M. Bonino, F. Governa, M. P. Repellino. Basel: Birkhäuser, 2019. 240 p.
12. Filomena G. A computational approach to “The Image of the City” / G. Filomena, J. Versteegen, E. Manley // Cities. 2019. No. 89. Pp. 14-25.
13. Huang J. The image of the City on social media: A comparative study using “Big Data” and “Small Data” methods in the Tri-City Region in Poland / J. Huang, H. Obracht-Prondzynska, D. Kamrowska-Zaluska, Y. Sun, L. Li // Landscape and Urban Planning. 2021. No. 206 (3): 103977. Pp. 1-19. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2020.103977
14. Lynch K. The image of the city / K. Lynch. Cambridge: MIT Press, 1960. 208 p.
15. Shelton T. Social media and the city: Rethinking urban socio-spatial inequality using user-generated geographic information / T. Shelton, A. Poorthuis, M. Zook // Landscape and Urban Planning. 2015. No. 142. Pp. 198-211. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2015.02.020
16. Shen Y. Crowd-Sourced City Images: Decoding Multidimensional Interaction between Imagery Elements with Volunteered Photos / Y. Shen, Y. Xu, L. Liu // ISPRS International Journal of Geo-Information. 2021. No. 10 (11): 740. Pp. 1-22. DOI: 10.3390/ijgi10110740
17. Syrovatskiy | Проямал // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/syr0vatskiy> (дата обращения: 25.06.2022).
18. Using Contextual Analysis to evaluate texts // University of Nebraska-Lincoln Official Website. URL: <https://english.unl.edu/sbehrendt/StudyQuestions/ContextualAnalysis.html> (дата обращения: 15.07.2022).

Anastasiia I. Dolgikh¹

UDC 81`27

A VIRTUAL IMAGE OF AN ARCTIC TOWN (THE CASE STUDY OF SALEKHARD)*

¹ Postgraduate Student, Department of English, University of Tyumen
stud003943892@study.utmn.ru; ORCID: 0000-0002-3108-5073

Abstract

The paper is concerned with a virtual image of an Arctic town as exemplified by Salekhard. Arctic discourse is extensively researched in contemporary humanities and social studies. The Arctic is being conceptualized as a unique region of circumpolar civilization, and its sustainability is considered a national issue of strategic importance, particularly in terms of the prosperity of Arctic towns, which have received a significant investment to shape their brands and identities. The above-mentioned trends are key to understanding the relevance of the study. However, few Russian researchers have previously dealt with the issues of shaping, preserving, and developing Russian Arctic towns' unique identity and representation in a virtual space. This paper seeks to contribute to this area of research.

Hence, the paper is aimed at identifying key characteristics of an Arctic town's virtual image as represented by Salekhard, the administrative centre of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug located in the Arctic zone of the Russian Federation. To explore Salekhard's virtual image, the author has adopted a contextual analysis of data retrieved from January to June 2022 through parsing the official community of Salekhard's municipality administration on the social networking service VK (VKontakte) facilitated by VK API. In terms of the study's findings, the specific components shaping the image of Arctic towns are presented; the notion of 'a town's virtual image' is defined; key topics, most popular hashtags and most frequent

---

* This article was presented as a paper at the 8th Research Conference "Conference on Text Interpretation: Data Analysis in the Social Sciences and Humanities" (17 July 2022, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen).

Citation: Dolgikh A. I. 2022. "A virtual image of an Arctic town (the case study of Salekhard)". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 4 (32), pp. 6-21. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-6-21

---

lexemes are revealed by means of contextual analysis; evaluative and functional dominants of VK posts that affect Salekhard's image are identified; building upon this, authentic features of Salekhard as an Arctic town are outlined. In conclusion, emphasis is placed on peculiar features of the representation of Arctic discourse in a virtual space based on the explored data, contextual conditions of shaping, developing and promoting the town's virtual image, and major components that constitute this image.

Keywords

Ecolinguistics, media discourse, contextual analysis, a town's virtual image, Russian Arctic, Salekhard.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-6-21

REFERENCES

1. Youth's Life in the Far North. <https://vk.com/yamalsergeyserotetto> [In Russian]
2. The Administration of Salekhard: official community. https://vk.com/salekhard_adm [In Russian]
3. The First Yamal Food Blogger. https://vk.com/djafar_saitov [In Russian]
4. The Regional Brand 'Made in Yamal' registered at Rospatent. <https://old.yanao.ru/presscenter/news/91546/> [In Russian]
5. Tereshchenko Ye. Yu., Zhelning Z. Yu. 2020. "A Visual Text of an Arctic Town: Methods of Analysis and Variations of Interpretation". *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, no. 4 (72), pp. 87-93. [In Russian]
6. Tikhanova Ye. V. 2013. "The Dynamics of Regional Borders as a Basis for the Constitution of a Town's Identity". In: *Brending malykh i srednikh gorodov v Rossii: opyt, problrmy, perspektivy. Materials of the international research and training conference, 28th — 29th March 2013*, pp. 118-123. Ekaterinburg: UrFU.
7. Decree of the President of the Russian Federation No 164 of 3 March 2020 "On Basic Principles of Russian Federation State Policy in the Arctic to 2035". <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003050019> [In Russian]
8. Fedotova N. G. 2017. "Shaping a Town's Identity: Factor and Institutional Aspects". In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no. 20 (3), pp. 32-49. [In Russian]
9. Al-Ghamdi S. A., and Al-Harigi F. 2015. "Rethinking Image of the City in the Information Age". *Procedia Computer Science*, no. 65, pp. 734-743.
10. Berman M., and Orttung R. W. 2020. "Measuring Progress toward Urban Sustainability: Do Global Measures Work for Arctic Cities?". In: *Sustainability*, no. 12 (9), 3708, pp. 1-14.
11. Bonino M. 2019. *The City after Chinese New Towns: Spaces and Imaginaries from Contemporary Urban China*. Ed. by M. Bonino, F. Governa, M. P. Repellino. Basel: Birkhäuser.
12. Filomena G., Verstegen J., and Manley E. 2019. "A computational approach to "The Image of the City"". *Cities*, no. 89, pp. 14-25.
13. Huang J., Obracht-Prondzyska H., Kamrowska-Zaluska D., Sun Y., and Li L. 2021. "The Image of the City on Social Media: a comparative study using "Big Data" and "Small Data" methods in the Tri-City Region in Poland". *Landscape and Urban Planning*, no. 206 (3), art. 103977, pp. 1-19.

14. Lynch K. 1960. *The Image of the City*. Cambridge: MIT Press.
15. Shelton T., Poorthuis A., and Zook M. 2015. "Social Media and the City: Rethinking Urban Socio-Spatial Inequality Using User-Generated Geographic Information". *Landscape and Urban Planning*, no. 142, pp. 198-211.
16. Shen Y., Xu Y., and Liu L. 2021. "Crowd-Sourced City Images: Decoding Multidimensional Interaction between Imagery Elements with Volunteered Photos". *ISPRS International Journal of Geo-Information*, no. 10 (11), 740, pp. 1-22. DOI: 10.3390/ijgi10110740
17. Syrovatskiy | ProYamal. <https://vk.com/syrOvatskiy>. [In Russian]
18. Using Contextual Analysis to Evaluate Texts. University of Nebraska-Lincoln Official Website. Retrieved from: <https://english.unl.edu/sbehrendt/StudyQuestions/ContextualAnalysis.html>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Светлана Алексеевна КУРИЛО¹

Елена Георгиевна НОВИКОВА²

УДК 82-311.8

ОБРАЗ СИБИРИ КАК РОССИЙСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ВОСТОКА В ТРАВЕЛОГЕ

И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“»

¹ соискатель кафедры русской и зарубежной литературы,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
менеджер Отдела по работе с иностранными обучающимися,
Томский политехнический университет
coureelosvetlana@gmail.com

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Национальный исследовательский Томский государственный университет
elenov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изображению Сибири в последних частях книги И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“». Цель работы — реконструировать целостный образ Сибири как восточной колонии Российской империи во «Фрегате „Паллада“». Материалом стала книга «Фрегат „Паллада“», а также публицистическое и эпистолярное наследие писателя. Методологической основой данного исследования являются имагологический и культурологический подходы к изучаемому материалу. Указанная цель и использованная методология обусловили многоаспектную научную новизну исследования.

Цитирование: Курило С. А. Образ Сибири как российского колониального Востока в травелоге И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» / С. А. Курило, Е. Г. Новикова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 22-40. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-22-40

Результаты исследования состоят в следующем. Во «Фрегате „Паллада“» Гончарову удалось создать целостный образ Сибири, для реконструкции которого плодотворным представляется имагологический подход к материалу и концепция Г. Д. Гачева о национальной картине мира, выраженной посредством трехсоставного авторского термина «Космо-Психо-Логос». Основным особенностям сибирского Космоса — пустынным пространствам и суровому климату — Гончаров противопоставляет гуманное Психо Сибири, обусловленное гармоничным сосуществованием русских переселенцев и коренных сибирских этносов, что убедительно реализуется и в сибирском Логосе — живом взаимодействии русского языка и языков коренных сибирских народов. В современной имагологии в травелогах активно исследуется взаимодействие категорий «свое/чужое». В «чужой» Сибири постоянны писательские сравнения со «своими» русскими реалиями: специфика гончаровского подхода — воспринимать чужое пространство сквозь призму своего, таково его авторское и человеческое мироощущение.

Таким образом, сделаны следующие выводы: в статье показано, что позиция Гончарова, приверженца идей гуманизма и одновременно с этим чиновника, официального лица дипломатической экспедиции, обусловила идиллически положительное изображение сибирского края как восточной колонии, эффективно осваиваемой Российской империей.

Ключевые слова

И. А. Гончаров, фрегат «Паллада», Сибирь, травелог, ориентализм, колониализм, пост-колониализм, имагология, Космо-Психо-Логос.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-22-40

Введение

Книга И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» (1855-1856), в которой описано его кругосветное морское путешествие с сухопутным возвращением в Санкт-Петербург через Сибирь, ознаменовала собой новый этап в творчестве писателя, значительно отличаясь от остальных его произведений как своей жанровой природой, так и содержанием. Ее тематика и проблематика весьма обширна: автор наблюдал и описывал различные страны и народы, осмысливал их жизненные уклады и национальные особенности, постигал чужое пространство, сопоставляя его со своим. Центральной в произведении выступает проблема познания чужих миров: Гончаров создает свои собственные оригинальные, субъективные и многоаспектные образы Англии-метрополии и ее африканских и азиатских колоний; также писатель предлагает и собственный образ Сибири как российской колонии. Такая авторская позиция позволяет отнести произведение к жанру травелога [7].

Гончаров имел возможность составить представление о современной ему колониальной проблематике еще до своего кругосветного путешествия: пробыв приблизительно двадцать лет на государственной службе в должности чиновника Департамента внешней торговли министерства финансов, он мог наблюдать

и оценивать различные события и процессы в России и в мире. Писатель был также знаком и с художественными произведениями, описывающими жизнь коренного населения колонизированных Европой регионов (произведения Ф. Купера, романы В. Гюго «Бюг-Жаргаль», Э. Сю «Атар-Гюль», Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» и др.). Но, как верно отмечает исследователь Н. К. Пиксанов, именно во время дипломатической миссии фрегата «Паллада» в Японию «в продолжительном путешествии перед Гончаровым раскрылась та сторона международной жизни, которая была недоступна наблюдениям многих русских писателей — Тургенева, Достоевского, Толстого: картины колониального угнетения и мировой торговли» [14, с. 29]. Во время этой экспедиции Гончаров как секретарь дипломатической миссии лично постигал и оценивал социально-экономические, политические и культурные стороны колониальной деятельности европейских империй (Великобритании, Северо-Американских Соединенных Штатов, Испании, Голландии и др.) на Востоке, а также Российской империи в Сибири.

В настоящее время в литературоведческих исследованиях, посвященных «Фрегату „Паллада“», отсутствует целостный анализ гончаровского образа Сибири. Такие известные гончароведы, как Е. А. Краснощекова [6], Ю. М. Лоциц [8] и В. И. Мельник [9], отмечали специфику писательского восприятия Сибири; тем не менее их исследовательский интерес фокусировался в основном на отдельных аспектах сибирской действительности. Литературовед О. Г. Постнов [15] обращается к сибирским главам гончаровского травелога в аспекте философско-эстетических воззрений Гончарова и творческого пути писателя в целом, рассматривая «свое», русское освоение Сибири, но специально не обращаясь к колониальной проблематике. Исследователь полагает, что именно в Сибири Гончаров находит тот человеческий идеал, который он стремился отыскать в своем кругосветном путешествии: в нем гармонично соединяются два противоположных человеческих начала, духовно возвышенный героический романтизм с одной стороны, и обыденный деятельный реализм с другой. С точки зрения О. Г. Постнова, именно в сибирских поселенцах воплощен «идеал Гончарова <...> человек бескорыстного, творческого, духовного труда» [15, с. 53]. В свою очередь, С. С. Лим и Р. Д. Кларк [18], обращаясь к гончаровским образам Востока, анализируют писательские взгляды на Китай, Японию, Корею и Ликейские острова, в то время как Сибирь в данной работе описана в общих чертах и взаимосвязана прежде всего с образом Японии, поскольку Сибирь и Япония отнесены исследователями к собственно российскому Востоку. Помимо этого, в работе проанализированы воззрения романиста на исторический прогресс и развитие мировой цивилизации, а также на актуальную международную обстановку, сложившуюся в период его кругосветного путешествия. Это обусловлено тем, что, с точки зрения исследователей, образы Востока в гончаровском травелоге самым непосредственным образом связаны с репрезентацией в нем Западной Европы;

однако в данном исследовании колониальная проблематика, в сущности, не рассматривается.

В современных постколониальных и ориенталистских исследованиях особую актуальность приобрели проблемы изучения взаимоотношений имперского центра с окраинными регионами. С позиций работ Э. Саида и его идейных последователей восприятие Российской империи как азиатской империи представляется крайне актуальным: Сибирь, с точки зрения Гончарова, предстает в роли собственного «чужого» российского Востока, не являющегося исконно русским пространством и населенным лишь частично ассимилировавшимися коренными сибирскими этносами. Поэтому актуальность исследования обусловлена как изучением специального вопроса колонизации Сибири, поставленного Гончаровым, так и общей проблематикой активного обращения русской классической литературы к описанию политических и геополитических процессов [12]. Материалом исследования стала книга «Фрегат „Паллада“», а также публицистическое и эпистолярное наследие писателя. Цель — реконструировать целостный образ Сибири как российской восточной колонии в травелоге Гончарова «Фрегат „Паллада“». Данная цель и обусловила научную новизну исследования, которая определяется также тем, что в нем были впервые использованы такие методологические подходы к изучаемому материалу, как имагологический и культурологический.

Важным направлением современной имагологии является изучение «воображаемого пространства», созданного на основе опыта реального путешествия. Традиция осмысливать и создавать собственный образ географического пространства, наделяя его определенными признаками и качествами, выступает неотъемлемым свойством творческого сознания авторов травелогов. Посещение автором-путешественником нового географического и незнакомого культурного пространства влечет за собой стремление смоделировать его субъективный образ и представить этот образ читателю. С точки зрения Д. Н. Замятина, реальное географическое пространство именно в художественном произведении претерпевает значительные трансформации: «В данном случае уместно говорить об автономном существовании географических образов, которые как бы живут и развиваются внутри художественных произведений по собственным законам» [4]. Как верно отмечают Е. Г. Милюгина и М. В. Строганов, именно «текстуализация пространства» выступает специфической формой «репрезентации культурной и локальной идентичности» [10].

Писатель-путешественник, физически перемещаясь в чужое пространство, одновременно имеет возможность совершить духовное погружение в другую национальную культуру, иной менталитет и образ жизни. В этом аспекте плодотворной представляется культурологическая концепция Г. Д. Гачева: «Каждая национальная целостность: народ, страна, культура — имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей». На этом основании он сформировал специальный емкий и содержательный термин «Космо-Психо-Логос» [1, с. 9]. Сама конструкция этого термина обусловлена тем, что он репрезентирует един-

ство трех базовых составляющих каждой нации: «Космо» — природный мир, «Психо» — душа народа, национальный характер, «Логос» — язык и логика нации. И именно посредством такого комплексного анализа географических и климатических условиях, местной природы, национального менталитета и характера, а также языка и склада мышления нации, писатель-путешественник создает в своем травелоге целостный и гармоничный образ другой страны.

В современной имагологии также активно исследуются категории «свое/чужое» в их взаимодействии между собой. Каждая нация осознает свою уникальность и формирует собственную картину мира. При контакте различных культур их представители постигают и осмысливают чужие нравы, обычаи и менталитет, тем самым моделируя свои субъективные представления о других нациях. Поэтому «при описании пространства реализуются все краеугольные мыслительные оппозиции человека, в том числе и столь важная для мышления оппозиция, как свое/чужое» [10, с. 10], при этом категория «свое» выступает эталоном для определения категории «чужого». Такие авторитетные мыслители, как Г. Д. Гачев [1], Э. Саид [19] и др., подчеркивали, что репрезентация образа «Другого» воспроизводит и демонстрирует культурную идентичность и того, кто формирует данный образ. Справедливым представляется утверждение В. М. Гуминского о том, что путешественник в чужом осмысляемом им мире остается представителем мира своего, своей локальной и культурной идентичности: «именно этот локальный, знакомый с рождения мир, иначе говоря, родина, определяет точку зрения, масштаб и подход для понимания, оценки и т. п. иного, чужого мира путешествия и позволяет выявить его особенности (природные, бытовые, культурные и т. д.)» [3, с. 5]. Основой всякого путешествия является сопоставление своего, близкого, привычного (первоначального опыта) и чужого, нового, неизведанного (нового опыта), а писатель-путешественник становится по отношению к чужому миру в зафиксированную позицию внешнего наблюдателя, описывающего иные миры через призму своего мира. На наш взгляд, такая писательская позиция адекватна и травелогу Гончарова «Фрегат „Паллада“».

Результаты исследования и их обсуждение

Общая позиция Гончарова как автора травелога

Сибирь для европейской России первой половины XIX в. так же, как Восток для Европы в XVIII в., оставалась практически неизвестным пространством, своеобразной *terra incognita*, о которой было предельно мало точной информации, что рождало благодатную почву для появления различных субъективных репрезентаций и разнообразных имагологических образов региона.

«Центральная тема всего гончаровского кругосветного путешествия — экзотичность, „инаковость“ описываемых им локусов и пространств» [13, с. 93], и она организовала авторское восприятие сибирского края как экзотического восточного пространства.

Сибирь XIX в. предстает такой же колонией Российской империи, как Сингапур и Гонконг или африканская Капская колония для Британской империи. «Си-

бирь во «Фрегате „Паллада“» — это экзотический «чужой» мир, который России, по примеру других западных стран на Востоке, надлежит эффективно колонизовать и цивилизовать» [13, с. 98]. Описывая российскую колонизацию сибирских территорий, Гончаров проводит параллели с английскими колониями: «Туда стекается народ: предметов потребления надобится всё больше и больше, обозы идут чаще из Иркутска на прииски и обратно — и формируется центр сильного народонаселения и деятельности. Та же история, что в Калифорнии, в Австралии» [2, т. 2, с. 702]. Это сопоставление с британскими колониальными Австралией и Калифорнией, которые в XIX в. были прежде всего локусами каторги и ссылки, выявляет важные общие, хотя и противопоставленные друг другу особенности названных регионов: с одной стороны, это край, изобилующий золотом и богатством, с другой — пространство каторги и ссылки.

Но при этом следует подчеркнуть, что Гончаров, в отличие от Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, С. В. Максимова, Н. М. Ядринцева, П. Ф. Якубовича и др., описывает Сибирь совершенно вне каторжной и ссыльной парадигмы. Размышляя о причинах переселения русских в Сибирь, автор дипломатично указывает на их некие «проступки», добавляя при этом: «Сибирь гостеприимна, Сибирь замечательна <...>» [2, т. 2, с. 642].

Гончаровский образ Сибири в целом организован отмеченным выше принципом взаимодействия категорий «свое/чужое». Погружаясь в менталитет других наций и рефлексировав над иными культурами, писатель в сопоставлениях и отличиях выявляет и представляет читателю свойства собственно русской идентичности.

«The Russian traveler's encounters with various others — English, African, Japanese, Chinese, American, Ryukyu, Korean — ultimately lead to contemplation of the self: Goncharov's *Frigate Pallada* highlights the extent to which a sense of Russian national identity is possible only when reflected and measured against these others» [18, с. 37].

(«Русский путешественник встречает других: англичан, африканцев, японцев, китайцев, американцев, корейцев, жителей островов Рюкю и это, в конце концов, приводит к размышлениям над собой. «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова подчеркивает степень, в которой чувство русской национальной идентичности возможно только в том случае, если оно отражено и оценено с учетом вышеперечисленных других»)¹.

В его описаниях сибирского края постоянно проводятся сопоставления чужого пространства со своим родным. Так, это наглядно проявилось в подробном рассказе о якутской юрте: «Я думал хуже о юртах, воображая их чем-то вроде звериных нор; а это та же бревенчатая изба, только бревна, составляющие стену, ставятся вертикально <...> она <...> с двумя каминами; дым идет в крышу» [2, т. 2, с. 641]. Путешествуя по сибирской реке Мае, он сравнивает ее с Окой: «Река здесь широка, будет с нашу Оку» [2, т. 2, с. 653]. Чужие, непри-

¹ Здесь и далее перевод мой — С. К.

вычные пейзажи Сибири писатель также сопоставляет с русскими, и засеянные пшеницей сибирские поля напоминают автору его родные берега Волги: «Подъезжая к реке Амге <...> я вдруг как будто перенесся на берега Волги: передо мной раскинулись поля, пестреющие хлебом» [2, т. 2, с. 683].

Таковой представляется основная позиция Гончарова как автора травелога: воспринимать чужое пространство сквозь призму своего, родного и знакомого; при этом важно подчеркнуть, что сам писатель свой способ описания «чужого» отчетливо осознавал:

«Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уж сказал вам, что искомый результат путешествия — это параллель между чужим и своим» [2, т. 2, с. 66-67].

Космос Сибири

Представления о Космосе Сибири складывались у Гончарова постепенно в процессе его перемещения с Востока на Запад, от берегов Татарского пролива через Якутск и до Иркутска. Главными темами гончаровского описания сибирского Космоса становятся бескрайность и пустынный характер пространства в совокупности с суровым климатом.

Погода Сибири воспринимается Гончаровым, особенно после его пребывания в теплых странах, холодной, ветреной, туманной. Природу Сибири он характеризует как «мертвую» [2, т. 3, с. 56] и «ледяную» [2, т. 3, с. 56], неоднократно называя Сибирь «ледяной пустыней» [2, т. 3, с. 59].

Отмечая огромные, необозримые пространства Сибири, автор подчеркивает их необитаемость, сибирский край представляется писателю совершенно незаселенным: «Нигде ни признака жилья, ни встречи с кем-нибудь» [2, т. 2, с. 641]. Впечатление о необжитости сибирских пространств усиливается авторскими размышлениями о птицах: даже они находятся в Сибири только временно, «мимолетом» [2, т. 2, с. 644].

В самом начале своего путешествия по Сибири при описании ее бескрайних пространств романист регулярно прибегает к эпитетам «унылый», «пустынный», «глухой», «скучный», «печальный»: «Пустыни, пустыни и пустыни, девственные, если хотите, но скучные и унылые» [2, т. 2, с. 642]. Излюбленный писательский прием лексического повтора (троекратный повтор лексемы «пустыня») усиливает впечатление читателя о пустынности и бескрайности пространства Сибири. И к концу своего путешествия Гончаров не может отделаться от впечатления пустынности и незаселенности Сибири. Примечательно использование того же авторского приема в троекратном повторении названия сибирской реки и детерминирующее ее прилагательное «пустой»: «Лена, Лена и Лена! Но всё еще пустая Лена <...>» [2, т. 2, с. 708]. Тем не менее пустынные сибирские пейзажи не вызывают у него ощущения опасности или страха, но лишь печаль.

При этом описания сибирских пейзажей под пером Гончарова не статичны, в процессе путешествия они становятся веселее и жизнерадостнее, а пред-

ставление о необитаемости Сибири постепенно сменяется темой сибирского гостеприимства. При приближении к Иркутску окружающая природа все более начинает напоминать писателю знакомые с детства типичные картины провинциальной русской жизни: «Слава Богу! всё стало походить на Россию: являются частые селения, деревеньки <...> Всем знакомые картины Руси!» [2, т. 2, с. 709-710].

В целом в процессе движения Гончарова по краю сибирский Космос постепенно у него трансформируется от совершенно «чужого» — к «своему», более понятному и привлекательному.

Психо Сибири

Ведущие специалисты по творчеству Гончарова указывают на просветительскую основу мировоззрения писателя и связь его творчества с гуманистическими идеями эпохи Ренессанса [6, 8, 11, 14]. Это определяет общее гуманное отношение писателя к человеку вообще, безотносительно к его этнической или социальной принадлежности. Как пишет В. А. Михельсон, «путешественник измеряет все, что он видит, мериллом гуманиста, и на этой основе строит свои выводы» [11, с. 94]. В «диких» коренных сибирских этносах Гончаров видит людей, пусть и находящихся в стадии «младенчества» [6]. Так, первое впечатление от встречи с коренным населением восточных окраин России на побережье Татарского пролива описано следующим образом: «Мимо фрегата редко и робко скользят в байдарках полудикие туземцы» [2, т. 2, с. 626].

В целом гончаровское Психо Сибири определяется тем, что ее населяют различные этносы и что здесь происходит своеобразное смешение разных национальностей: «Вообще здесь смесь в народе. Жители по Лене состоят и из крестьян, и из сосланных на поселение из разных наций и сословий; между ними есть и жида, и поляки, есть и из якутов» [2, т. 2, с. 703]. Именно на этом принципе «смешения» разных народов и национальностей в Сибири и строится базовое представление писателя о колонизаторской деятельности России в сибирском крае, при этом колонизация Сибири ему в целом представляется деятельностью цивилизационной.

С. А. Комаров и О. К. Лагунова, обращаясь в своем исследовании к проблеме взаимодействия малочисленных народов севера Сибири с советской цивилизацией [5], выделяют десять подходов современного гуманитарного знания к интерпретации проблемы постколониального периода «цивилизационный вызов / правильный ответ», посвященной взаимоотношениям цивилизующих и цивилизуемых субъектов: имперско-экстенсивный, государственно-проективный, ревизирующий ложноимперский выбор-ответ, внутриколониационный, регионально-освободительный, альтернативно-проектный, цивилизационно-классификаторский, философско-социальный, политико-технологический, гуманитарно-описательный.

На наш взгляд, наиболее адекватными позиции Гончарова и специфике сибирского региона являются следующие интерпретационные подходы: регио-

нально-освободительный, базирующийся на идеях лидеров духовной культуры Сибири — «областников» (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др.) с их представлениями о самодостаточности региона, необходимости его просвещения и признания исторического и социально-политического факта ее колонизации; цивилизационно-классификаторский (А. Тойнби, Л. Гумилев), рассматривающий цивилизации «в привязке к особенностям территории планетарного сегмента и способности давать на высшие вызовы правильные ответы, что обеспечивает выживаемость и устойчивость цивилизации» [5, с. 59]; гуманитарно-описательный (представлен в работах таких сибирских ученых, как К. В. Анисимов, Н. В. Ковтун, И. И. Плеханова), в определенной степени оправдывающий русскую имперскую экспансию, поскольку данный подход предполагает сохранение Сибири как материального и духовного ресурса с последующим включением региона в целостность страны на основе категорий евроцентричного инструментария (традиционализм, геопространство, утопическое сознание, православие, русская духовная традиция и т. д.). Как отмечают С. С. Лим и Р. Д. Кларк, органичный, гуманный и человеколюбивый вариант русской колонизации Сибири, по мысли писателя, обусловлен нравственными идеалами русского православия [18].

В свою очередь, В. А. Слугина характеризует русскую колонизацию Сибири следующим образом: «активное политическое освоение территорий вместе с проживавшими на ней этносами осуществлялось как силовыми методами, так и путем выстраивания мирной коммуникации с коренными народами» [17, с. 172]. Гончаров при осмыслении процесса колонизации Сибири сосредотачивается исключительно на «мирной коммуникации». В тексте практически нет упоминаний о военных столкновениях или насильственных методах в ходе российской колонизации края. Лишь однажды при описании сибирских пейзажей автор как бы вскользь, без каких-либо конкретных фактов упоминает военные столкновения между русскими казаками и якутами: «Я ехал мимо старинной <...> крепости, уцелевшей от времен покорения области <...> Якуты пробовали нападать на крепость, но напрасно» [2, т. 2, с. 673]. При этом в своих письмах писатель гораздо более подробно описывает взаимоотношения якутов и русских казаков, говоря о «притеснениях» коренного населения Сибири: «Крепость построена казаками <...> для защиты от набегов якутов, которых казаки сами же и притесняли» [2, т. 15, с. 234].

Вероятно, гончаровское Психо Сибири объясняется не только гуманистическими убеждениями писателя, но и его официальной позицией чиновника в должности секретаря дипломатической миссии в Японии. В связи с этим важна мысль Э. Саида, что содержание текста и авторское отношение к описываемым фактам и событиям всегда подвержены влиянию личных обстоятельств и окружающей обстановки, в которых создается произведение; поэтому видение писателя и его оценочные суждения непременно субъективны:

«Everything one does is constrained by physical circumstance. <...> We are not disembodied brains or poetry machines. We are involved in circumstances of physical existence <...>» [19, с. 81].

(«Всё, что совершает человек, обусловлено внешними обстоятельствами. <...> Мы не бездушные существа и не машины, создающие поэтические произведения. Мы вовлечены в обстоятельства физического существования <...>»).

Целью экспедиции фрегата «Паллада» было установление дипломатических отношений с Японией, поскольку в этот период между Российской и Британской империями происходило активное геополитическое соперничество за усиление влияния в различных регионах: на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Представляется, что Гончаров в качестве официального лица экспедиции вполне сознательно формирует несколько идеализированный и гармоничный образ Сибири как русского колонизируемого Востока в противовес описанной им колонизаторской деятельности Британской империи в ее азиатских и африканских колониях.

Психо Сибири Гончарова во многом определяет противопоставление «ледяной» природы и «теплых», душевных сибиряков.

Русских переселенцев Гончаров описывает как красивых, рослых, трудолюбивых, выносливых, неприхотливых людей, способных благодаря своим лучшим качествам и чертам характера выживать в суровых условиях Сибири. Например, один из героев травелога Петр Маньков:

«На Батанге живет очень смысленный старик, Петр Маньков, с женой, в хижине. Всё это переселенцы. Они стараются прививать хлебопашество, но мало средств, и земля не везде удобна. Отчасти промышляют зверями» [2, т. 2, с. 649].

При этом, как уже было сказано выше, автор совершенно не касается каторжной и ссыльной проблематики «переселенцев» из центральной России, и при характеристике русского населения Сибири называются только географические регионы, откуда они прибыли: «Все из-за Байкала, отчасти и с Лены» [2, т. 2, с. 653]. В этих авторских зарисовках ощущается искренний писательский гуманизм по отношению к русским переселенцам, романист посещает дома сибиряков, вслушивается в их нужды и проблемы, дарит подарки их детям, за что переселенцы ему искренне благодарны.

Гончаров также остро чувствует важную социально-политическую особенность Сибири, коренным образом отличающую ее от европейской России: в сибирском крае никогда не было крепостного права и системы взаимоотношений крепостного крестьянина и барина-помещика. Этим он объясняет сильный характер русских сибиряков, их внутреннюю свободу и чувство собственного достоинства, и в этом он видит одно из главных отличий Психо Сибири от Психо европейской России.

Именно русские переселенцы, в изображении писателя, своей жизнью в Сибири подаются положительный пример колонизируемым коренным народам, которые

перенимают у них земледелие, хлебопашество, привычку к систематическому труду.

Представители коренных этносов Сибири находятся, с его точки зрения, на самом низком уровне цивилизованности, в этом смысле характерно неоднократное сопоставление их с животными, насекомыми:

«Тут <...> дикари всех родов, звери, начиная от черных и белых медведей до клопов и блох включительно» [2, т. 2, с. 633]; «<...> по дороге нигде нет ни волков, ни медведей, а есть только якуты <...>» [2, т. 2, с. 668].

На этом фоне в травелоге разворачивается масштабная картина цивилизаторской деятельности Российской империи. Она отправляет русских миссионеров в суровых природных условиях Сибири к дальним местам проживания тунгусов, алеутов, якутов и др. сибирских этносов, чтобы обратить их в православие. Зачастую подобные поездки включают ночевки под открытым небом в трескучие сибирские морозы. Автор искренне восхищается их тяжелым и добросовестным трудом; он упоминает огромные расстояния, преодолеваемые миссионерами к местам, где «не живет никто, а кочуют якуты, тунгусы, чукчи» [2, т. 2, с. 686]. Такая самоотверженная деятельность сибирских миссионеров имеет ощутимые положительные результаты. Например, якуты получают в травелоге следующую авторскую характеристику: «Все они христиане, у всех медные кресты; все молятся» [2, т. 2, с. 652].

Не только духовные лица, но и русские купцы также ездят на огромные расстояния в холодном сибирском климате для торговли с коренным населением. Автор подробно описывает процесс торговли и товары. Русские купцы снабжают туземцев действительно полезными вещами: тканями, рабочими инструментами, продуктами питания. При этом отмечается отсутствие спиртных напитков, оказывающих пагубное влияние на здоровье туземцев. В этом отношении очень показателен описанный Гончаровым и действительно существовавший в XIX в. законодательно закрепленный запрет продажи спиртных напитков представителям коренных сибирских народов. Писатель подчеркивает, что сибирские туземцы цивилизуются постепенно и осторожно при активном содействии русского правительства.

Ярким выражением Психе Сибири стало у Гончарова описание Якутска, которое представляется несколько идеализированным, но поэтому прекрасно укладывается в общую картину гончаровского идиллического описания Сибири:

«Обычай здесь патриархальные <...> живут все в больших ладах <...> я нашел много живости и разговоров на обедах; недоверия не заметил <...> общество в том виде, как оно теперь в Якутске, право, порядочное» [2, т. 2, с. 679-680].

С его точки зрения, жизнь якутского общества существенно отличается от бездеятельной жизни русской глубинки своей деятельной энергией:

«Я узнал, что жизнь их не неподвижная, не сонная, что она нисколько не похожа на обыкновенную провинциальную жизнь; что в сумме здешней деятельности таится масса подвигов, о которых громко кричали и печатали бы в других местах, а у нас, из скромности, молчат» [2, т. 2, с. 685-686].

Показательно, что в данном авторском высказывании оппозиция «свое-чужое» реализуется в утверждении сибирского как «своего»: «у нас», т. е. в Сибири) и «в других местах», т. е. других странах.

«Мирная» колонизация Сибири Российской империей приносит свои плоды: писатель приводит примеры социального, экономического, в некоторых случаях культурного равенства русского населения и коренных сибирских этносов, в травелоге — значительное количество описанных ситуаций совместного проживания, общей деятельности, совместного досуга русских поселенцев и представителей коренных сибирских этносов.

Но особенно ярко эта формирующаяся сибирская общность проявляется в Логосе Сибири.

Логос Сибири

Характеризуя сибирский Логос, Гончаров отмечает, что практически все население Сибири, русская администрация и миссионеры, русские переселенцы и представители коренных народов, в той или иной степени являются билингвами, говорят одновременно на русском языке и на языках коренных этносов Сибири (якутском, тунгусском, алеутском). Чиновники и миссионеры при необходимости разговаривают с представителями сибирских народов на их родном языке; «все духовные лица здесь знают якутский язык» [2, т. 2, с. 688]; на местные языки переводится религиозная литература и административные документы.

Русификация коренного населения и изменение их национальной, культурной и языковой идентичности предопределили социально-экономическое и культурное развитие колонизируемых окраинных территорий. Но этот процесс не был односторонним, как указывал В. Сандерленд [16], который наряду с историческими, географическими и этнографическими материалами, обращается и к «Фрегату „Паллада“» И. А. Гончарова. Непростые и многогранные взаимоотношения между русскими сибиряками-переселенцами и коренными сибирскими этносами приводили к тому, что русское население региона отказывалось от собственной национальной, культурной и языковой идентичности и усваивало идентичность коренного населения края [16].

Указанная специфика процесса российской колонизации Сибири проявлена в описаниях персонажей-сибиряков гончаровского травелога. В качестве примера приводится семья русского колонизатора Егора Петровича Бушкова: Егор работает на колонизируемого якута и делит с ним проживание в одной юрте, вместе со своей семьей; а дети Бушкова (русские по происхождению) используют в речи лишь якутский язык. Описание образа жизни этого персонажа и его

семьи убедительно доказывает представленную в травелогe авторскую концепцию гармоничного совместного существования и смешения русской культуры с культурами колонизируемых коренных сибирских этносов. В своих письмах писатель также отмечает широкое распространение якутского языка среди русского населения Сибири: «Всего замечательнее мне показалось, что здесь якуты не учатся по-русски, а русские по-якутски говорят до непозволительной степени» [2, т. 15, с. 235]. В связи с этим автор предлагает такой тип самоидентификации переселенцев Сибири, как «русский якут»: «<...> он русский родом, а по языку якут» [2, т. 2, с. 662]. Но при этом Гончаров рассказывает и о «настоящих якутских якутах» [2, т. 2, с. 662], по его определению, т. е. об этнических якутах. Он описывает свой ночлег на Крестовской станции в доме этнических якутов, отмечая, что хозяйский сын, «настоящий якут» [2, т. 2, с. 663], говорит по-русски. Так, в соответствии с авторскими наблюдениями можно говорить о взаимовлиянии и взаимозависимости русской и якутской национальной идентичности.

Как отмечали многие путешественники и этнографы, на восточных окраинах Российской империи им часто встречались русские люди в значительной степени ассимилированные местным населением. При этом в наибольшей мере «обынородившиеся» русские проживали на Севере Сибири. Это выражалось в перенятом от местного населения языке, языческих верованиях, обычаях, культурных чертах, пище, одежде и т. д. Важнейшими причинами этого процесса, по мнению исследователей, являлись смешанные браки, суровые климатические условия, изолированность русских, проживающих на окраинах империи, от центральных губерний. Утрата русскими переселенцами на севере родного языка была, по мнению многих исследователей XIX в. (когда язык наиболее тесно отождествлялся с национальностью), одним из самых ярких доказательств ассимиляции.

Гончаров использует в травелогe исконные сибирские наименования коренных народов края: «Мы успели войти кое в какие сношения с бродячими мангунами, ороча, или, по-сибирски, тунгусами» [2, т. 2, с. 626]. Кроме этого, он приводит в тексте целый ряд услышанных им во время путешествия сибирских диалектизмов, помогающих ему понять и донести до читателя чужие сибирские реалии и локальный экзотический колорит: сохатый (лось), черемша (дикий чеснок), нарты (сани), сары (якутские сапоги из конской кожи), пурга (вьюга), исправный (богатый), ушкан (заяц), азойно (тяжело), юрта (ураса), кислица (смородина), кухлянка (меховая рубашка), торбасы (сапоги), чижи (чулки), хиус (холодный зимний ветер), малахай (меховая шапка), поварня (нежилая изба или юрта для ночлега охотников), шибко (очень), обнатуренный (привыкший, приспособившийся к новому месту), чувал (пристенный очаг с нависающим дымоходом), пристать (устать), гаркнуть (позвать), заимка (одноворное поселение с прилегающим земельным участком вдали от освоенных территорий) и др. Он приводит примеры исключительно сибирских диалектизмов, отмечая в них своеобразное смешение русского и якутского языков: «<...> еду в телеге, или

скате, как ее называют здесь и русские, и якуты, не знаю только, на каком языке» [2, т. 2, с. 658]. С помощью просторечных неправильных форм русских слов автор фиксирует определенные социальные особенности описываемых им персонажей травелога: например, сибирский ямщик называет резиденцию золотоискателей «разведенцией» [2, т. 2, с. 706].

Гончаров полагает, что русский язык, на котором говорят сибирские переселенцы, претерпевает определенные трансформации (большое количество диалектизмов, фонетические особенности, неправильные грамматические формы) и становится непохожим на привычный писателю русский язык.

Вместе с тем он отмечает, что якуты за неимением собственных слов и обозначаемых ими понятий перенимают русские наименования, которые входят в словарный состав якутского языка. Писатель приводит в пример слово «хлеб», поясняя, что русские научили якутов выращивать хлеб, и данное русское слово «навсегда» [2, т. 2, с. 689], по авторскому мнению, вошло в якутский язык. Автор также добавляет, что в связи с отсутствием письменности в якутском, тунгусском и алеутском языках для письменной грамоты в них используются русские буквы.

Писатель с ласковой иронией описывает фонетические особенности языков коренного населения Сибири, якутского, тунгусского и колошенского: «Что значат трудности английского выговора в сравнении с этими звуками, в произношении которых участвуют не только горло, язык, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы!» [2, т. 2, с. 690]. Также он описывает речевые особенности коренных сибирских этносов, когда они говорят на русском языке: например, проводник-якут «пренежно» произносит русское слово «пешком» на свой манер — «пешкьюем» [2, т. 2, с. 656].

В тексте травелога писатель приводит фразы на якутском языке, с помощью которых он разговаривает с проводниками-якутами. «<...> сделаешь заученный по-якутски вопрос: «Кась бироста ям?» («Сколько верст до станции?»). Он <...> или «гра-гра» ответит («далеко»), или «чугес» («скоро, тотчас») <...>» [2, т. 2, с. 645]. Очень показательным это стремление самого Гончарова говорить с якутами на их родном языке и фиксировать особенности языков коренных этносов Сибири в своем произведении.

В целом Гончаров описывает продуманную, дальновидную политику российского правительства и православного духовенства, направленную на обучение коренных сибирских народов грамоте, чтобы они могли самостоятельно читать переводы священных текстов и приобщаться к российской культуре.

Заключение

Образ Сибири в травелоге Гончарова «Фрегат „Паллада“» формируется ориенталистской и колониальной проблематикой, заданной всем контекстом путешествия писателя по странам Азиатско-Тихоокеанского региона, и сибирский край предстает в произведении восточной колонией Российской империи. Общая позиция Гончарова как автора травелога определяется принципом взаимодей-

ствия категорий «свое/чужое», и на этой основе писатель организует целостный образ Сибири, его Космо-Психо-Логос.

Основные особенности сибирского Космоса — бескрайние пустынные пространства и суровый климат. При этом по мере продвижения писателя от Дальнего Востока к Восточной Сибири его сибирский Космос постепенно трансформируется от совершенно «чужого» до более понятного «своего». В противоположность суровому и холодному сибирскому Космосу Психо Сибири, обусловленное гармоничным сосуществованием русских переселенцев и коренных сибирских этносов, представляется писателю душевным и теплым. Гуманное отношение представителей России к коренному населению Сибири демонстрирует идиллически-гармоничный тип колонизации: не доминирование русской культуры, но мирное сосуществование с культурой колонизируемых народов. Это ярко проявляется в сибирском Логосе, представленном Гончаровым как плодотворный живой диалог русского языка и языков коренных сибирских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. 480 с.
2. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / И. А. Гончаров; под ред. В. А. Котельникова, Е. А. Краснощековой, Т. И. Орнатской, М. В. Отрадина, К. Савады, Н. Н. Скатова, П. Тиргена, В. А. Туниманова. СПб.: Наука, 1997-2017.
3. Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте / В. М. Гуминский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.
4. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов / Д. Н. Замятин // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html> (дата обращения: 28.04.2021).
5. Комаров С. А. Проблема «Цивилизационный вызов / правильный ответ» и художественная словесность малочисленных народов севера Сибири: случай А. П. Неркаги / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 57-72.
6. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества / Е. А. Краснощекова. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.
7. Курило С. А. Жанровая природа «Фрегата „Паллада“» И. А. Гончарова / С. А. Курило // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 34-37.
8. Лощиц Ю. М. Гончаров / Ю. М. Лощиц. М.: Молодая гвардия, 1977. 352 с.
9. Мельник В. И. Гончаров / В. И. Мельник. М.: Вече, 2012. 432 с.
10. Милюгина Е. Г. Русская культура в зеркале путешествий / Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с.
11. Михельсон В. А. Гуманизм И. А. Гончарова и колониальный вопрос / В. А. Михельсон. Краснодар: [б. и.], 1965. 282 с.

12. Новикова Е. Г. Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / Е. Г. Новикова, А. И. Щербинин, С. В. Вировец и др.; под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск: Издательство Том. гос. ун-та, 2021. 288 с.
13. Новикова Е. Г. Образ Сибири в «очерках путешествия» Гончарова «Фрегат „Паллада“» / Е. Г. Новикова // Гончаров и время: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 89-98.
14. Пиксанов Н. К. Гончаров и колониализм / Н. К. Пиксанов // Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963. С. 23-53.
15. Постнов О. Г. Сибирские главы «Фрегата “Паллада”»: (К проблеме положительного героя в творчестве И. А. Гончарова) / О. Г. Постнов // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. № 10. Вып. 2. С. 50-55.
16. Сандерленд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870-1914 / В. Сандерленд // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 199-227.
17. Слугина В. А. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI-XVII вв.: Шертовальные записи и процедура шертования: дис. канд. ист. наук / В. А. Слугина. ИИ СО РАН, 2017. 200 с.
18. Lim S. S. Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East / S. S. Lim, R. D. Clark // The Slavic and East European Journal. 2009. Vol. 53. No. 1. Pp. 19-39.
19. Said E. Power, politics and culture: interviews with Edward W. Said / E. Said; edited and with an introduction by G. Viswanathan. New York: Random House, Vintage Books, 2002.

Svetlana A. KURILO¹
Elena G. NOVIKOVA²

UDC 82-311.8

**IMAGE OF SIBERIA AS RUSSIAN COLONIAL ORIENT
IN IVAN GONCHAROV'S TRAVELOGUE *THE FRIGATE PALLADA***

¹ Applicant, Department of Russian and Foreign Literature,
National Research Tomsk State University (Tomsk),
Manager, International Student Department,
National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk)
courelosvetlana@gmail.com

² Dr. Sci. (Phylol.), Professor, Department of Russian and Foreign Literature,
National Research Tomsk State University (Tomsk)
elenov@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the image of Siberia in the last chapters of Ivan Goncharov's book *the Frigate Pallada*. The aim of the article is to reconstruct a comprehensive image of Siberia as an eastern colony of the Russian Empire in *the Frigate Pallada*. *The Frigate Pallada* text and the writer's publicistic and epistolary heritage are the material for the study. The imagological and cultural approaches to the studied material are the methodological basis for this study. The specified aim and used methodology have determined the multidimensional scientific novelty of the study.

We have obtained the following study results. Goncharov managed to create the comprehensive image of Siberia in *the Frigate Pallada*. The imagological approach to the material and G. Gachev's concept of the national picture of the world expressed by the author's threefold term Cosmo-Psycho-Logos are adequate to reconstruct the created writer's image of Siberia. Goncharov contrasts the main features of the Siberian Cosmos (empty spaces and harsh climate) with the humane Siberian Psycho that is due to the harmonious coexistence of Russian settlers and indigenous Siberian ethnic groups. Siberian Logos also convincingly proves this

---

Citation: Kurilo S. A., Novikova E. G. 2022. "Image of Siberia as Russian Colonial Orient in Ivan Goncharov's Travelogue *the Frigate Pallada*". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 4 (32), pp. 22-40. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-22-40

---

harmonious coexistence depicted by the writer, in particular, the living interaction of the Russian language and the languages of the indigenous Siberian people. Today specialists actively research the *us-them* category interaction in modern imagology and in literary travelogues in particular. The writer's comparisons with his own Russian realities are frequent in *foreign* Siberia. Goncharov's approach particularity is to perceive foreign space in the light of his own space, this is his human and writer's worldview.

Thus, we have come to the following conclusions. The article demonstrates that Goncharov's position (an adherent of the humanist ideas and an official, a secretary of the diplomatic expedition at the same time) has resulted in an idyllic positive image of the Siberian region as the eastern colony effectively mastered by the Russian Empire.

Keywords

I. Goncharov, *Frigate Pallada*, Siberia, travelogue, orientalism, colonialism, post-colonialism, imagology, Cosmo-Psycho-Logos.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-22-40

REFERENCES

1. Gachev G. D. 1995. National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos. Moscow: ProgressKultura. [In Russian]
2. Goncharov I. A. 1997-2017. Complete Works and Letters in 20 Vols. Edited by V. A. Kotelnikov, E. A. Krasnoshchekova, T. I. Ornatskaya, M. V. Otradin, K. Savada, N. N. Skatov, P. Tirgen, V. A. Tunimanov. St. Petersburg: Nauka. [In Russian]
3. Guminskiy V. M. 2017. Russian Travel Literature in the Global Historical and Cultural Context. Moscow: IMLI RAN. [In Russian]
4. Zamyatin D. N. 2000. "Phenomenology of Geographical Images". NLO, no 6. Accessed 28 April 2021. <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html> [In Russian]
5. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2021. "The 'Civilizational Challenge / Correct Response' Problem and the Artistic Literature of the Small-Numbered Peoples of the Siberian North: the Case of A. P. Nerkagi". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no 3 (27), pp. 57-72. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72 [In Russian]
6. Krasnoshchekova E. A. 1997. I. A. Goncharov: The World of Creativity. St. Petersburg: Pushkinskiy Fond. [In Russian]
7. Kurilo S. A. 2016. "Genre Nature of the Frigate 'Pallada' by I. A. Goncharov". Proceedings of Voronezh State University, no 4, pp. 34-37. [In Russian]
8. Loshchits Yu. M. 1977. Goncharov. Moscow: Molodaya gvardiya. [In Russian]
9. Mel'nik V. I. 2012. Goncharov. Moscow: Veche. [In Russian]
10. Milyugina E. G., Stroganov M. V. 2013. Russian Culture in the Mirror of Travel. Tver: Tver State University. [In Russian]
11. Mikhelson V. A. 1965. Humanism of I. A. Goncharov and the Colonial Question. Krasnodar. [In Russian]

12. Novikova E. G., Shcherbinin A. I., Virovets S. V., et al. 2021. F. M. Dostoevsky's Geopolitical Map and his Picture of the World. Edited by E. G. Novikova, A. I. Shcherbinin. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. [In Russian]
13. Novikova E. G. 2014. "The Image of Siberia in the Travel Essays of I. A. Goncharov *The Frigate Pallada*". In: Novikova E. (ed.). *Goncharov and Time*, pp. 89-98. Tomsk: Tomsk State University. [In Russian]
14. Piksarov N. K. 1963. "Goncharov and Colonialism". Materials of the Anniversary Goncharov Conference, pp. 23-53. Ulyanovsk. [In Russian].
15. Postnov O. G. 1988. "Siberian Chapters of *the Frigate Pallada*: (On the Problem of the Positive Hero in the Works of I. Goncharov)". *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR, Seriya istorii, filologii i filosofii*, no. 10 (2), pp. 50-55. [In Russian]
16. Sanderlend V. 2005. "Are Russians Transforming into Yakuts? 'Foreignization' and Problems of Russian National Identity in Northern Siberia, 1870-1914". In: Vert P., Kabytov P. S., Miller A. I. (eds). *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*, pp. 199-227. Moscow: Novoe Izdatelstvo. [In Russian]
17. Slugina V. A. 2017. "Legal Registration of the Russian Citizenship for the Siberian Peoples in the 16th-17th Centuries: Sherting Records and Sherting Procedure". Cand. Sci. (Hist.) diss. Novosibirsk: Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
18. Lim S. S., Clark R. D. 2009. "Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East". *The Slavic and East European Journal*, vol. 53, no 1, pp. 19-39.
19. Said E. 2002. *Power, Politics and Culture: Interviews with Edward W. Said*. New York: Random House, Vintage Books.

Надежда Александровна НИКУЛИНА¹

УДК 930.2(2)

ПРАВДИВЫЕ СНЫ АНДРЕЯ АРЖИЛОВСКОГО ИЗ РАССТРЕЛЬНОГО ДНЕВНИКА 1936-1937 ГОДОВ*

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры межкультурной коммуникации,
Тюменский индустриальный университет
nadya-nika2006@yandex.ru

Аннотация

Основу публикации составили описания сновидений, представленные в личном дневнике 1936-1937 годов жителя сибирской глубинки А. С. Аржиловского. Андрей Степанович Аржиловский (1885-1937) был ярким представителем крестьянской интеллигенции периода поздней империи, круг его интересов не ограничивался исключительно добыванием пропитания: занимаясь делами волостного делопроизводства, сочинял статьи и фельетоны в местные газеты, описывал народные обычаи и обряды и периодически вел личные дневниковые записи. За участие в работе уездного земства в 1920 г. был осужден, в 1922 г. амнистирован, в 1929 г. осужден во второй раз и более семи лет провел в лагерях. Период жизни на свободе — чуть более года. В этот период А. С. Аржиловский вел дневник, фиксируя там свои наблюдения над бытовой жизнью, переживания относительно воспитания детей, сомнения по поводу нового установившегося в стране уклада жизни. Описания сновидений — важная особенность этого эго-документа, которая принесла его автору скандальную известность (фрагментарная публикация в Америке 1995 г.) и одновременно открыла возможность для интерпретации ключевых знаков и символов личной и общей истории. Примечательно, что

---

* Автор материала благодарит за годы сотрудничества и за идею публикации этого материала своего коллегу и доброго друга Владимира Яковлевича Темплинга, безвременно ушедшего из жизни в январе 2020 г.

Цитирование: Никулина Н. А. Правдивые сны Андрея Аржиловского из расстрельного дневника 1936-1937 годов / Н. А. Никулина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 41-59. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-41-59

именно этот дневник стал основанием для обвинительного приговора, в соответствии с которым в сентябре 1937 г. жизнь Андрея Степановича Аржиловского оборвалась в застенках НКВД.

Ключевые слова

Андрей Степанович Аржиловский, эго-документ, личный дневник, человек и государство, сны, репрессии 1937 года, жертва репрессий, стратегии выживания.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-41-59

Введение

Личные дневники известных и неизвестных людей нередко содержат описания снов, многие из которых способны заинтересовать исследователей. В известной работе И. Паперно «Сны сталинизма (сон как источник для истории сталинизма)» встречаются ссылки на дневники Л. Чуковской, художника М. Гробмана, писателя М. Пришвина, критика Я. Друскина, Н. И. Бухарина и его жены. Исследователь сопоставляет тексты сновидений под углом исторической тематики, пытаясь выйти на архетипы реакций людей на тоталитарный режим [14]. Среди дневниковых записок известных людей, имеющих непосредственное отношение к литературе и искусству, ценным объектом этого исследования становятся дневники репрессированного тюменца Андрея Степановича Аржиловского. В работе упоминаются два наиболее известных и даже скандально известных фрагмента дневника: первый — сон о Сталине, где вождь насилует соседа, а второй — сон с Максимом Горьким (собственно не сон, а образные размышления автора о социальной справедливости и литературе). Эпатажный фрагмент записок со сном о Сталине в настоящее время стал своеобразной визитной карточкой сибирского эго-документа: был замечен американскими издателями [19], а ныне открывает публикацию дневника Аржиловского на странице проекта «Прожито» [3].

В настоящей статье осуществляется описание всех сновидений Андрея Степановича Аржиловского, представленного в сохранившейся дневниковой рукописи, датированной последним годом его жизни (1936-1937), что определяет очевидную актуальность и новизну нашего материала, поскольку интерес к этому трагическому периоду российской истории продолжает расти на фоне не менее драматичных событий текущей действительности. Дополнительным аргументом в пользу актуальности нашего материала является тот факт, что источниковедческий потенциал рукописи А. С. Аржиловского не исчерпывается цитируемыми фрагментами (например, сон о Сталине), содержит описания других сновидений, важных для ретроспекции опыта человека, который вошел в число жертв советской эпохи по воле случая и по складу своей натуры. Кроме того, анализ текстов, содержащих пересказ сновидений, позволяет выйти к осмыслению лейтмотивов и даже ключевых символов времени, представленных здесь в наиболее сконцентрированном виде.

Методы и материалы

Изучение сновидений является давней и перспективной областью научных поисков и наблюдений со стороны фольклористов, этнографов, антропологов, психологов и даже философов, поскольку «рассказы о снах представляют особую область вербальной культуры», их нередко относят к «жанровой разновидности устной несказочной прозы» [18, с. 143] и считают важным элементом народного культурного опыта. Главным направлением таких исследований можно считать изучение образно-символического фонда сновидений под углом снотолковательной традиции, начало которой было положено еще в XIX в. (Е. Романов, Н. Никифоровский, С. Дерунов и др. [9, 10, 15-17]). Важно отметить, что методология большинства работ опирается на представление, которое является принципиально значимым и для нас: «текст, в котором дается описание сна не является в традиционном смысле первичным, а представляет собой текст-надстройку» [12, с. 6], поскольку является в некотором смысле результатом вербализации визуальных образов, имеющих пограничную природу. В частности, М. Лурье пишет, что

«содержание сновидения и содержание соотносимого с ним события (кстати, не всегда принадлежащего будущему по отношению ко сну времени, но иногда — прошлому и «неизвестному настоящему») можно геометрически представить как две непараллельные плоскости, снотолкование — как линию их пересечения, принадлежащую третьей (ментальной) плоскости» [11, с. 40].

Соответственно, и наша попытка толкования снов Андрея Аржиловского с акцентом на «неизвестном настоящем» есть плоскость допустимого поиска, основанного на научном подходе к тексту. Особой оговоркой в нашем случае является не изучение символических универсалий, а поиск следов реальной истории. Тем более что имеет смысл допустить тот факт, что в разные эпохи людям могут сниться не только похожие сны, но и разные, навеянные теми обстоятельствами, в которых они оказались. В этом случае эго-документ, вмещающий рассказ о сновидении, превращается в источник исторического и антропологического исследования. При этом мы осознаем, что такое свидетельство не является прямым, безусловно объективным, а требует осторожных оговорок и бережного комментария.

В настоящее время общим местом становится герменевтика сновидений под углом психоанализа, а соответственно, и понимание того, что сны являются опосредованным отражением опыта человека, в том числе и опыта анализа действительности, опыта выживания в кризисных обстоятельствах. При этом сон часто не воспринимается человеком как продукт личного творчества: человек, рассказывающий о сне, выступает в роли своеобразного посредника между миром явным и иным пространством, а внутренняя цензура сновидений отличается от той, которая может сопутствовать прямому рассказу человека о собственной жизни. Всё это в значительной степени повышает эффективность

методики мотивного анализа, которая широко используется в современных когнитивных исследованиях и в психиатрической практике, в терапевтических целях и в изучении текстов различной природы, которая позволяет за частными мотивами и мотивными комплексами распознавать болевые (семантически значимые) точки общества в определенные периоды его истории. Именно такой выход от снов отдельного человека к символам и знакам времени кажется нам не только интересным, но и перспективным.

Дополнительным источником и контекстом для осмысления сновидений являются исследования историков, посвященные изучению знаков и символов советской эпохи, и в частности, монография Б. И. Колоницкого «Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года» (2012). Историка интересует процесс трансформации ценностей уходящей эпохи и собственно конфликт политических символов в первые годы советской власти. Примечательно, что объектом внимания ученого становится не только государственная атрибутика (герб, флаг), но и праздничные ритуалы, песни, «живые символы революции» (например, А. Ф. Керенский) [7, с. 298]. Такой научный контекст актуализирует тему нашего исследования в русле исторических и антропологических изысканий, определяющих взаимосвязь исторических эпох и социальных конфликтов.

Результаты и обсуждение

Сохранившийся дневник Аржиловского (мы допускаем, что он мог вести дневниковые записи и раньше) открывается записью от 28 октября 1936 года, а последняя запись датирована 27 июля 1937 года. За этот небольшой период сделано 89 подневных свидетельств, а в 16 из них Аржиловский записывает сновидения, которые в разной степени занимательны, но все вместе стали отражением истории, что сложилось на пересечении сна и яви, факта и фантазии в потоке мыслей и переживаний человека, переживающего последний год своей жизни.

Здоровый полноценный сон, наряду с едой и одеждой, — одна из естественных потребностей человека, которая в критические периоды жизни и истории актуализируется в качестве ценности. Проблемы со сном, едой, одеждой часто проникают в личные дневники и письма советского периода, превращаются в знаки качества жизни, этими мотивами наполнены и дневниковые свидетельства А. Аржиловского. Нехватка сна или бессонница становятся основаниями для жалоб и сожалений, а в масштабах эго-документа образуют связки с мотивами беспокойства, тревоги, утраты места и свободы. В некотором смысле для Аржиловского сон со сновидениями — знак того, что жизнь входит в привычный уклад, тем более что за плечами у автора дневника опыт бессонницы периода лагерной жизни, который он описал в рукописи (названной им же) «Голос бывшего человека». Рукопись на 10 листах, посвященная описанию жизни в лагерях, писалась Аржиловским параллельно с дневником в последний год его жизни. Здесь содержится несколько подобных замечаний относительно сна. Например, такое:

«Думал, что в тюрьме хоть отосплюсь после малосонного лета, но ошибся. В тюрьме оказалось душно и тесно до ужаса, т. к. против нормы набили тюрьму мужиками до отказа. Спали в растяжку только счастливы. Многие сидели в обнимку с грязной и вонючей парашей...» [2, 4].

Возможно, отсутствие условий для спокойного сна в период заключения стало дополнительным основанием того, что после освобождения А. Аржиловский так часто в своем дневнике говорит о тишине в доме, о спящих детях:

«Около горячей печи разморило меня и не хочется подниматься; старческая лень и упадочность энергии порой дают себя знать. Малыши спят; в хате пусто (3 ноября 1936 г.)»¹.

Таким образом вокруг мотива сна формируются смысловые полюсы, основанные на антиномиях: тюрьма (лагерь) — дом, холод — тепло, теснота — простор («в хате пусто»), чужие люди («мужики») — дети, вонь — запах еды и, наконец, отсутствие сна — сон со сновидениями.

Хотя о событиях лагерной жизни Аржиловский пишет в отдельной рукописи, а в дневнике почти не вспоминает об этих годах, но именно в связи с мотивом сна в ноябре и в середине января он делает следующие записи:

«Первую ночь я не спал: волнение гнало сон и все казалось сном. Страшно было забыться, а вдруг опять лагерь?» (7 ноября 1936 г.); «...Теперь я совсем забыл лагерь: всё кажется каким-то давно снившимся сном. А между тем — сколько там оставлено сил и мыслей? Какой это был ужасный плен! Ну, был — да сплыл, будем жить по-иному» (19 января 1937 г.).

О лагере в связке с мотивом сна вспоминает и в феврале:

«Быстро время идет. Теперь часто кажется, что никогда я в лагере и не был, что просто сон снился; а между тем...» (2 февраля 1937 г.).

Метафорическое упоминание о сне как забвении событий лагерной жизни — значимая деталь, которая указывает на присутствии прошлого в сознании и в подсознании автора дневника. В таком контексте сон — это явь, которую хочется забыть и не допустить в реальность будущего.

Некоторые сны Андрей Аржиловский прописывает подробно, об иных только упоминает, что естественным образом обусловлено разнородностью сновидений и особенностями их запоминания. Сны о насущном нечасто проникают в дневниковые записи, чаще рассказываются и записываются сюжетные и осо-

---

¹ Дневниковые записи цитируются по оригиналу, хранящемуся в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Стилистические и орфографические особенности документа сохранены. Курсивом передаются фрагменты текста, в оригинале подчеркнутые, вероятнее всего, следователем. Написание соответствует оригиналу.

бенные сновидения, относимые к значительным или вещим. Пример сна, вписанного в размышления о текущих проблемах жизни:

«Жизнь идет своим обычным шагом: сегодня и во сне снился хлеб без очереди... Когда это будет?» (26 февраля).

Аржиловский сам комментирует и интерпретирует сновидения, исходя из опыта, проблем, которые его беспокоят, а также на основе традиционных ключей интерпретации. Например, в следующей записи дается общее (на основе народных сонников) объяснение сна о собаках, где видеть собаку во сне — к встрече с другом:

«Недавно приснились три собаки, которые ласкались ко мне: на следующий день встретил трех своих хороших друзей. Наклевывается новая работа с хорошим окладом, может быть и клюнет» (17 марта 1937 г.).

Среди записанных в дневнике сновидений есть несколько, что отсылают к опыту человека, живущего на земле, связанные с заботой об урожае, природных условиях, а в случае с Аржиловским — тоской по крестьянскому труду и деревенской жизни:

«Сегодня снились Долговские пашни; должно быть потому, что пишу воспоминания о том периоде жизни в наш журнальчик» (15 декабря 1936 г.); «Снилась какая то незнакомая деревня, большая река и лоси, идущие с коровами» (6 марта 1937 г.); «Снилось: бороню толстые пласты и сам себе удивляюсь, что они все-таки поддаются зубьям бороны» (27 марта 1937 г.).

Сны людей 30-х и иных годов складывались не только из размышлений о насущных проблемах и сигналов подсознания: существенным источником тех сновидений был страх, который прорывался сквозь символы и знаки сонного пространства в явь человека обещаниями расправы, наказания, смерти. О таких снах пишет А. С. Аржиловский в мае 1937 года:

«Эти сны так напугали меня, что *всю свою литературу я спрятал и держался до I-V. Как будто, нет ничего особенного и все оказалось ночной фантазией*» (1 мая 1937 г.).

Мы можем только догадываться о тех «фантазиях», что напугали автора дневника и заставили на 12 дней отказаться от ведения дневника (предыдущая запись была сделана 19 апреля). Специфическим контекстом для интерпретации последнего дневникового свидетельства являются факты ближайшего к ним грядущего, о которых Аржиловский не знал и не мог знать, но которые определили его судьбу.

Сон о Сталине. Самое первое сновидение, что появляется на страницах дневника, относится к самым известным, это тот самый сон о Сталине, который

превратил расстрелянного тюменца в критика системы. Приведем описание сна полностью:

«Назовите чепухой, но тем не менее и сны есть факт. Хочется записать интересный сон. Кто-то сказал мне, что я могу увидеть Сталина — фигура историческая, увидеть любопытно. И вот. Небольшая комната, простая, мещанская. Сталин пьяный «вдребезги», как говорят. В комнате одни мужчины; из мужиков я и еще один чернородый. Не говоря ни слова, Виссарионыч повалил чернородого мужика, закрыл простыней и яростно... изнасиловал... «И мне тоже будет!» — в отчаянье подумал я, припоминая тифлиссские обычаи и хотел бежать; но после сеанса Сталин как будто несколько отрезвел и вступил в разговор:

— Почему вы интересуетесь видеть меня лично?

— Ну, как же: портреты портретами, а живой человек, да ещё великий — совсем другое дело, — сказал я.

В общем, для меня дело кончилось более благополучно и меня даже угощали. Снился мне Сталин 2-й раз: перед освобождением и вот сегодня. Дело в том, что Николай 2-й мне тоже снился перед революцией. Я тогда думал: к чему это? Никогда я его не видел, интересовался очень слабо. А вот в революцию и после казни приходилось часто вспоминать этого странного последыша. Полагаю, что Сталин снился не зря. Эта огромная комета, так или иначе, должна как-то особенно ярко пройти по вселенной, но именно путем кометы, а не планеты. Во всяком случае, я не выдумал, а фиксирую факты, хотя и бредовые. Сижу с малышами и ворчу на Арсения, который никак не может постичь истину русской грамоты. У него в азбуке не 35 букв, а триллионы. Своим ребятам, молчаливым дичкам, я должен конечно многое простить: это же до некоторой степени полубеспризорники, голодные изгнанники» (18 декабря 1936 г.)

О вожде Аржиловский упоминает на страницах дневника три раза: в связи с принятием сталинской конституции, сетует на то, что не услышал речь Сталина, когда сообщает о подвиге летчиков, поставивших рекорд по «Сталинскому маршруту» и в описаниях сновидения — специально не пишет ни о личности этого человека, ни о его роли. Но считает сон неслучайным: «Полагаю, что Сталин снился не зря». Следует сказать, что сон о царе или вожде — это архетипический вариант проекции идей власти и отца одновременно, важных для автора дневника. Относительно своих отцовских обязанностей Аржиловский пишет в дневнике неоднократно, размышляя о том, как научить своих детей думать и критически относиться к событиям жизни, как научить читать младшего, а старших приучить к чтению хорошей литературы.

Атрибутика образа Сталина в зафиксированном сновидении оформляется следующими предикатами: «исторический» («фигура историческая»), «пьяный», «живой» и «великий». Кроме того, метафорическое сравнение с кометой делает этот образ еще более ярким: «Эта огромная комета, так или иначе, должна как-то особенно ярко пройти по вселенной, но именно путем кометы, а не планеты». Поэтизация образа Сталина кажется столь явной на фоне реплики о Нико-

лае, которого называет «странным последышем». Более того, образ Сталина выступает знаком грядущих перемен и, возможно, благоприятных, поскольку снился второй раз: «перед освобождением и вот сегодня». Но по сюжету Сталин насилует «чернобородового мужика», т. е. проявляет грубую силу, т. е. образ вписывается в архетипическую модель, объединяющую вождя и систему, и указывает на подсознательную уверенность Аржиловского в том, что государство является карающей системой, а выбор жертвы в этой системе случаен.

Этот сон и свидетельство о нем А. С. Аржиловский считает не выдумкой, а фактом («Во всяком случае, я не выдумал, а фиксирую факты, хотя и бредовые»), что является дополнительным указанием на то, что записывание такого сна не кажется автору дневника опасным или фантазийным. В некотором смысле ему, записывавшему когда-то фольклорные свидетельства для П. И. Гордцова, сон кажется подобным фактом, достойным письма и интересным. Тем более что он уверенно излагает здесь и свои политические предпочтения, отзываясь о временах царской России в русле канона советской эпохи. Но реализм такого сна и его правда заключается в большей степени в ключевой идее о насилии системы и о случайности выбора — кому жить, а кому умирать.

«Мудреный» сон с аэропланом. В конце января 1937 года Аржиловскому приснился следующий сюжетный сон:

«В 4 просыпаюсь. К пяти Лиза уходит на молоканку, я растопляю печь. Сходил за водой на салазках. До ворот ехал благополучно, в воротах высокие салазки повалились, и кадочка — набок. Хорошо, что в руках ведерко с водой: за труды все-таки осталось. Геня ушел в очередь за хлебом: опять волынка с хлебом, огромные очереди, давка. Хлеб дорогих сортов, что и для пролетариата весьма невыгодно. Бок заживает, почти все в порядке; но случилась другая беда: купил себе тесные, твердые валенки, стер палец, который теперь болит. «К худу — худо и вяжется...» Но я сел записать мудреный сон. Еще с вечера приснился, только прилег. Я где-то на новостройках. Почему-то топлю печи и боюсь пожара: как бы не вспыхнули строения. Вдруг слышу шум аэроплана. Появляется низколетящий огромный корабль, нагруженный огромными связками сухих дров, которые, по моему предположению, должны вот-вот вспыхнуть. Думаю: «Как только аэроплан коснется построек, то все вдруг загорит и сам он сгорит». Но столкновения не было: я проснулся в то время, когда корабль пролетал надо мной, почти касаясь хвостом крыш. Это странный сон. Второй немного забыл, но в основном какая-то газетная статья, в которой последние три строчки ярко говорили о насмешке над русским гражданином. Как будто даже была фраза: «Вот и вытрись!» Сонные мысли, появляющиеся без воли человека... Стоит тихая, твердая погода» (28 января 1937 г.).

Этот сон Аржиловский называет в дневнике «мудреным» и «странным», т. е. можно предположить, что он сам неоднократно пытается трактовать свои сны, хотя именно эти сюжеты он чаще пересказывает и оставляет без комментариев, а события реальной жизни анализирует и обобщает. Пограничная ткань сна

формирует некий текст, чужой и свой одновременно, и будто недооволенный в письменном слове. Символизм этого сновидения строится на образах новостроек, аэроплана и пожара.

Семья Аржиловских проживала в новом доме «на задах лесозавода», который в то время носил обычное советское имя «Красный Октябрь». Не следует думать, что речь в дневнике идет о каких-то высотных каменных зданиях, поскольку в бытность автора записок новостройки представляли собой деревянные барачные сооружения. Этот завод был основан в 1933 году на окраине Затюменки, где вокруг завода именно в 1930-е гг. формируется поселок. Возможно, Аржиловский был свидетелем этих первых деревянных застроек или слышал о планах руководства по строительству жилья для рабочих завода. В наши дни среди застроек района можно отыскать однотипные двухэтажные многоквартирные дома, которые были построены в 1940-е гг. Не исключено, что именно над нами в сновидениях Аржиловского летал аэроплан, угрожая пожаром.

Что касается аэроплана, то известно, что первое знакомство тюменцев с аэропланом состоялось в 1912 году, а к 1937 году в Тюмени есть свой аэропорт (Плеханово), аэроклуб и организованы перелеты из Тюмени в северные города региона. К летательным аппаратам тюменцы почти привыкли, но появление в небе летательного аппарата в те времена вызывало восторг и волнения. В 1940-е гг. «железные птицы» вызывали восторг, а профессия летчика считалась одной из самых героических, о чем свидетельствуют многочисленные газетные публикации и документальные фильмы. Примечательно, что в дневнике А. С. Аржиловского тема самолетов и летчиков воплощается в антисоветском ключе: два летних свидетельства на эту тему будут отмечены в рукописи карандашом сотрудника НКВД и войдут в число аргументов расстрельного приговора. Цитируем одно из них:

«Жарица. Выходной. Вместо отдыха страшно устал, т. к. ходил и на базар, и бродил по толкучке. Живёт народ! Жрут и пьют. Все в порядке летчики наши «прильдинились» на Северном полюсе и этим делом теперь мы шумно гордимся. *Поплавают на льдах полюса, получают чрезвычайные подъемные, прилетят обратно, дурачье забросает их цветами, а в результате — государство должно увеличить смету расходов по научным открытиям и накинуть по копейке — по две с нелетного рыла. Что можно извлечь из плавания на толстых льдах полюса? По-моему, ничего. А хвастни, а портретов, а великих людей в газетах — хоть пруд пруди! Ну, пусть тешатся»* (6 июня 1937 г.).

«Жрать», «жратва», «ради жратвы» — повтор и точка накала в описаниях летных подвигов 1937 года, которые автору дневниковых записок не кажутся безусловной причиной для гордости. «Прильдинились» — неологизм на снижение важности события, которое вошло в историю как легендарный полет через Северный полюс в Америку. Аржиловский, как и миллионы советских граждан, наблюдал по газетам эту историю, включая обед советских летчиков с американским президентом. И если страна ликует от гордости за своих геро-

ев, то автор дневника откровенно признается в отсутствии у него «летней» фантазии и восторга».

Аржиловский в этих суждениях — человек, который не погрузился в бытовое пространство жизни в той мере, как этого требует система, не стал своим для советского общества, а напротив, обозначил свое несовпадение с ним. В русле же интерпретации сновидения Аржиловского об аэроплане все обозначенные нами посылы формируют контекст явных и скрытых мотивов жизни человека, который в реальности демонстрирует позицию постороннего критика, а во сне транслирует беспокойство и ответственность относительно происходящего в своей стране. Это противоречие вскрывается во сне через образ пожара, представляющего опасность для людей, а источником этой опасности становится объект, символизирующий новое время, — аэроплан.

Сны про поезд. Железная дорога с поездами появилась в Тюмени в 1885 году, а в 1912 году при содействии главы города Андрея Текутьева она была продолжена до Омска. По сути, после революции и в последующие десятилетия железнодорожный вокзал, платформы и эшелоны — важные атрибуты образа Тюмени, присутствующие в семантическом поле горожан. Кроме того, преимущественно по железной дороге осуществлялась транспортировка осужденных на места отбывания срока. Железной дорогой возвращается домой после 7 лет лагерей А. С. Аржиловский, о чем пишет в дневнике от 31 октября 1936 года.

Сны про поезд — это знаки перемен в жизни, часто связанные с тревогой о судьбе семьи. Например: «Снился поезд, мчащийся по узкоколейке в гору» (23 декабря 1936). Сквозной характер образов поезда, железнодорожного полотна в дневнике — неслучайная деталь, отсылающая к метафорам советской действительности, к популярной символике советских песен и кинематографических шедевров. Например, легендарная песня «Наш паровоз» вполне могла звучать из репродукторов тюменских радиоточек и в 1936 году.

В январе А. С. Аржиловский не просто вспомнит свой опыт путешествий по железной дороге, а превратит поездку на поезде в метафору социального отбора:

«Думал о быстро проходящей жизни и о том, что многим не удастся купить билета. Что такое, например литература? Своего рода станция, курортный пункт. Многие могли бы ехать, но не все успевают купить билеты. Подошёл Горький — взял билет и покатил. Все говорят: «Вон Горький едет!», «Ах, какой он интересный!». А десятки и сотни таких же горьких остались у билетных касс с запасом слов и мысли только потому, что нет билетов. Жизнь — быстро мчащийся поезд. С билетом — едут, без билета стоят и смотрят. Когда-то и у меня был билет, и я мчался. А теперь ходим пешком: всё очередь, билетов нет...» (21 января 1937 г.).

Этот фрагмент из размышлений автора дневника, с одной стороны, напоминает эскиз к остроумному фельетону или юмористическому рассказу о по-

пулярных и непопулярных писателях; с другой стороны, указывает на существенные переживания самого Аржиловского относительно места в жизни, утраты того места, которое предназначалось ему в прежние времена. Метафора судьбы на новые времена — поезд, на который все билеты распроданы.

Сны о религии и другие. В феврале 1937 года Аржиловский записывает сон, который косвенно перекликается с событиями того года и связан с людьми, судьба которых высвечивает в этом дневниковом эпизоде особым образом:

«Зачем то приснилась процессия с иконами. Несут старухи икону нашего Зырянского спасителя и не знают, куда ее поставить. Я взял у них икону и поставил на угол к избе Ивана Игнатьевича. Собрался народ и было похоже на молебен, но некому начинать. Вдруг дети, советские дети, тихонько не стройно запели тропарь «Пречистому твоему образу». Я подхватил. Потом появился Дьякон Сажин в облачении и с огромным Евангелием. Знаком подозвал он меня к себе и я понял: аналоя не было и нужно было держать книгу. Я поднял руки и тяжелая книга увесисто легла на них. Но дьякон забыл Евангелие Святителям (почему-то Николаю угоднику посвящалось) и долго искал. Откуда-то появился Андрей Страхов. В общем, кой как наладилось. Но пел я один, причем удивлялся звукам своего голоса и тянул концы очень долго. Дальше снилась какая-то новая местность, куда мы перебрались со всей семьей. Земля лежала пышная, черная, оживая пахаря.

— Неужели будем сеять? — спросил кто-то из детей.

— Обязательно, — ответил я и начал собирать разбросанный мусор...»
(4 февраля 1937 г.)

А спустя некоторое время записывает еще один сон о церкви, только на этот раз с участием брата Михаила:

«Хотя и глупо сны записывать, но если больше нечего? Снилась мне церковь, в которой брат Миша служит дьяконом. Служит и ворчит что-то далеко не церковное. Ему кто-то предлагает пожертвование на церковь вещами, так он отвечает: «Я не для того здесь, чтобы барахло собирать». Заходя в алтарь закрывает двери на ключ и приговаривает: «Так то надежней будет, а то еще сопрут что-нибудь». Явное недоверие к мирянам. Зачем такое снится? Попробуй, угадай. Сегодня даже и мне холодно в халате. Еще дней сорок будем мерзнуть. В Испании все еще драка идет. Похоже все-таки на то, что «правительству» долго не продержаться, хотя и хвастают. Мы обрываем себя и жертвуем на Испанских рабочих. Интересно, кому идут мои 1 р. 50 к.» (16 февраля 1937 г.)

Религиозная тема как в жизни самого Андрея Степановича и его семьи, так и в России 1930-х гг. является неоднозначной и заслуживает специального исследования. Некоторые аспекты темы находят отражение в дневнике, указывают на то, что для автора записок религия — часть уклада, к которому он привык с детства, как и для многих других людей его поколения. Более того, его родной

брат Михаил окончил церковно-приходскую школу, в 1897 г. служил дьяконом в церкви с. Покровское, а затем уехал в Санкт-Петербург и поступил в Академическую капеллу. По окончании учебного заведения Михаил остался преподавать в северной столице, где и застали его революционные события, после революции вернулся в Тюмень, стал преподавателем музыки, а затем священником в одной из церквей города. В 1937 г. разделил судьбу брата Андрея, был расстрелян в тюменской тюрьме как враг народа. Следует отметить, что в дневнике Аржиловский пишет о Михаиле немного, но причиной тому может являться не отсутствие братской привязанности, а та особая дистанция, которая возникла между человеком, пережившим опыт лагерной жизни, и его близкими.

В записях от 16 февраля 1937 г. Андрей Степанович Аржиловский рассказывает о сне с участием Михаила, упоминая о его дьяконском служении. Важным сопутствующим мотивом является недоверие к прихожанам, к людям, что посещают приход, который проекцией восходит к реальным событиям, происходящим в то время в России и, в частности, в Тюмени. Риск оказаться жертвой доносов, объектом слежки и даже чистки был велик и для Андрея Степановича как бывшего кулака, неблагонадежного элемента, так и для Михаила Степановича, входящего в число служителей культа.

Примечательной особенностью этих двух снов можно считать череду странных несоответствий, зафиксированных в записях и имеющих отношение к правилам церковной службы. Так, событием первого сна становится молебен в родном селе Зырянка, который начинается с заминки: «Несут старухи икону нашего Зырянского спасителя и не знают, куда ее поставить», следующим несоответствием оборачивается факт того, что «советские дети, тихонько не стройно запели тропарь» и уже совсем удивительным фактом кажется то, что дьякон забыл Евангелие Святителя (такое или не случается, или случается крайне редко). Дополнительно высвечивает еще одно несоответствие: читается отрывок свт. Николаю Чудотворцу, а его иконы нет, что удивляет автора дневника («почему-то Николаю угоднику посвящалось»). Кроме того, можно предположить, что в этом сне Аржиловский частично ассоциирует себя с церковнослужителем, поскольку один держит евангелие как дьякон и поет за хор. Но при всех этих несоответствиях автор свидетельствует о чувстве особой благодати от исполнения тропаря, от силы и красоты собственного голоса.

По свидетельству историков, «репрессированное православное духовенство очень значительно по численности» [6, с. 9], а следовательно, у служителя культа шанс стать жертвой репрессий высок. Одна из главных причин такого положения дел кроется в установке государства на формирование атеистического общества, где церковнослужитель становится фигурой из царского прошлого, т. е. получает маркировку прошлой эпохи, следы которой подлежат уничтожению.

О символическом потенциале праздничных ритуалов в первые годы после революции писал в своем исследовании Б. И. Колоницкий, описывая случаи, когда ритуалы Пасхи использовались в организации советских праздников

и часто являлась формой выражения отношения к событиям среди граждан обновленной страны: «Сознательная и бессознательная ориентация на праздник Пасхи проявлялась в целовании незнакомых людей на улицах города» [7, с. 25]. Подобные переключки на уровне символов, по мнению ученого, становились своеобразными психологическими мостами, определяющими процесс смены идеологий. Связку между религиозными и советскими праздниками проговаривает на страницах дневника А. С. Аржиловский, не скрывая своей позиции ироничного наблюдателя.

Особого внимания заслуживают два дополнительных персонажа — участники сна — дьякон Сажин и Андрей Страхов. О Сажине в дневнике Аржиловский сделает несколько записей, которые свидетельствуют о давности знакомства Аржиловского с Сажиным и одновременно о дистанции между ними. Казалось бы, нет ничего особенного в том, что человеку снятся знакомые люди, но есть в этих встречах во сне и наяву скрытый смысл. Если о судьбе Андрея Страхова известно немного (очевидная перспектива для наших поисков), то о дьяконе Сажине информация есть, и в она вносит некоторые уточнения в истории Андрея Степановича Аржиловского и его брата Михаила.

Владимир Павлович Сажин, псаломщик тюменской церкви и давний знакомый Андрея Степановича Аржиловского, был расстрелян 12 октября 1937 года (примерно месяц спустя после расстрела братьев Аржиловских). В краеведческом исследовании Г. В. Коротаевой излагается непростая история псаломщика Всехсвятской церкви, которая подтверждается документами, свидетельствующими о том, что Сажин являлся секретным агентом ОГПУ-НКВД [8]. Причиной ареста могло стать невыполнение обязанностей агента, а затем и разработка дела тюменских церковников, закончившаяся арестом нескольких церковнослужителей 10 сентября 1937 года и их последующим расстрелом. Автор материала комментирует факт пьянства Сажина, который проник и на страницы дневника Аржиловского.

Если к Сажину А. С. Аржиловский относится настороженно, то Андрея Страхова называет «приятелем»:

«Вчера заходил Страхов, старый мой приятель поп-расстрига. Мечтает о рыбалке. Время подходит: кто-нибудь будет рыбачить. Может быть, посмотрим на рыбалку и мы...» (26 февраля 1937 г.).

Андрей Григорьевич Страхов (точных сведений о датах рождения и смерти нет) до революции был священником сначала в г. Березове, затем в Ялуторовске и в Тюмени. В официальных источниках епархии информация о служении Страхова после 1917 года отсутствует, но, видимо, он добровольно вышел из духовного сана, о чем и сообщает Аржиловский, называя его «попом-расстригой». Причины такого решения вполне могут быть объяснены процессами, происходящими в церковной жизни того времени, о чем свидетельствуют многочисленные источники. Уже в период революции 1917 г. российская церковь пережила собственную «мирную революцию», в резуль-

тате которой во внутрицерковной жизни утвердились порядки, которые могли устраивать не всех.

Вместе с Сажиным проникает на страницы дневника мотив рыбалки, который воплощается и в записанном сновидении из последних дневниковых свидетельств А. С. Аржиловского:

«Наконец дождались и мы ненастья. Сильно высохшая земля лежит и чавкает под ногами. Вся природа рада дождю: отдохнули злаки и ждут солнечных лучей, чтобы развернуться и зацвести. Птички притихли, а чуть брызнет солнце — они запоют с новой энергией, защебечут радостно. Ребята кончили свои испытания. Отметки хорошие. Теперь хотим заработать «трудодни». Ох, Батюшки! Завязал переписку с Лабутой. Уже есть кой-какие шансы на переброску себя туда. Выждем, посмотрим, подумаем. Сегодня снилось, выудил язя, который оказался, с серебряной чешуей и с хвостом глухаря... *Заметный сон. ГПУ открыло целую группу высокопоставленных шпионов, в числе которых попал маршал Тухачевский... Очередной расстрел. Повторяется французская революция, не столько фактов, сколько подозрительности. Бей, чужая, наших!*» (19 июня 1937 г.)

Аржиловский фиксирует здесь не только причудливый сон с серебряной рыбой, но и собственные надежды на хорошие перемены. Возможно, сны автора дневника, отмеченные мотивами недоверия и надежды, аллегорично восходят к фактам реальной жизни, к страху и обману, к естественному желанию жить и воспитывать детей, которые через сознание и подсознание проникали в его сновидения. Мы никогда не узнаем, ходил ли в то последнее лето Андрей Степанович Аржиловский на рыбалку, были ли у его семьи реальные шансы вернуться к крестьянскому труду, спрятаться от политики в тихой глубинке, но мы точно знаем, что дневник помогал ему жить, оставаться собой в непростых обстоятельствах жизни. Более того, отсутствие дневника не повлияло бы на исход тех событий, поскольку расстрелы велись «по разнорядке» сверху, т. е. доказательная база не собиралась, а решения принимались в малые сроки.

Заключение

Сновидения Андрея Аржиловского в процессе их интерпретации отсылают к символам лейтмотивам эпохи, которая вошла в историю как время «большого террора». Одной из примет этого времени является подавление эмоциональных и интеллектуальных реакций на происходящие события, а значит, и вытеснение в область подсознания тех фактов текущей действительности, которые могут составить основу индивидуальных комплексов, тревожных состояний и одновременно воплотиться в сюжетах сновидений.

Мотивный анализ сновидений, записанных в личном дневнике А. Аржиловского, — это часть проекта, посвященного осмыслению индивидуальных стратегий выживания, который реализуется в системе публикаций различного

уровня (см. первые материалы по персоналии 2018-2019 гг. [5, 13]) и адресован современному читателю, убежденному в том, что личное творчество, самоанализ и критика текущей действительности — важные атрибуты жизни думающего человека в условиях любой государственной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржиловский А. С. Дневник / А. С. Аржиловский // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2.
2. Аржиловский А. С. Голос одинокого человека / А. С. Аржиловский // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-5, 54-56.
3. Аржиловский А. С. // Прожито. Европейский университет в Санкт-Петербурге: URL: <http://prozhito.org/person/248> (дата обращения: 05.06.2022)
4. Аржиловский А. С. Голос бывшего человека / А. С. Аржиловский // Большое городище: Тюм. краевед. ежегодн. 2018. № 4-5. С. 205-216.
5. Долгушина Е. Андрей Степанович Аржиловский: Голос из прошлого / Е. Долгушина, Н. Никулина, В. Темплинг // Большое городище: Тюм. краевед. ежегодник. 2018. № 4-5. С. 192-204.
6. Колева Г. Ю. Логика репрессий конца 1930-х гг. в пределах бывшей Тобольской губернии / Г. Ю. Колева // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 437. С. 8-17.
7. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. СПб.: Лики России. 2012. 320 с.
8. Коротаева Г. В. Память их в род и род: судьбы духовенства храма Всех Святых города Тюмени, пострадавшего во времена гонения на Русскую православную церковь в 30-40-е годы XX столетия / Г. В. Коротаева. Тюмень: Издательско-информ. отд. Тобольской митрополии, 2018. 285 с.
9. Лазарева А. Пространство пророческих сновидений: семиотизация образа действительности / А. Лазарева // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 88-117.
10. Лазарева А. А. Невизуальное в сновидениях: толкование ощущений и чувств / А. А. Лазарева // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 12. С. 50-59.
11. Лурье М. Л. Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции) / М. Л. Лурье // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. Москва: РГГУ, 2002. С. 26-43.
12. Неклюдов С. Ю. Предисловие / С. Ю. Неклюдов, О. Б. Христофорова // Сны и видения в народной культуре / сост. О. Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. С. 5-8.
13. Никулина Н. А. От эго-документа начала XX столетия к универсалиям российской жизни: история Андрея Аржиловского / Н. А. Никулина, В. Я. Темплинг // Технологос. 2019. № 3. С. 27-37.
14. Паперно И. Сны сталинизма (сон как источник для истории сталинизма) / И. Паперно // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html>

15. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. / И. А. Разумова. М.: Индрик, 2001. 376 с.
16. Романов Е. Р. Опыт белорусского народного снотолкователя / Е. Р. Романов // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 54-72.
17. Толстой Н. И. Толкование снов: беглый взгляд с филологической и этнографической точек зрения / Н. И. Толстой // Наука в России. 1994. № 3. С. 33-37.
18. Трушкина Н. Ю. Рассказы о снах / Н. Ю. Трушкина // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М.: РУДН, 2002. С. 143-170.
19. Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky // Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s / Ed. by V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. Trans. C. A. Flath. New York: New Press, 1995. Pp. 111-165.

Nadezhda A. Nikulina¹

UDC 930.2(2)

**TRUTHFUL DREAMS OF ANDREY ARZHILOVSKIY:
FROM A 1936-1937 DIARY OF A MAN SENTENCED TO DEATH***

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Intercultural Communication,
Industrial University of Tyumen
nadya-nika2006@yandex.ru

Abstract

The paper is based on the description of dreams laid down in a 1936-1937 diary of a Siberian village dweller Andrey S. Arzhilovskiy. Andrey S. Arzhilovskiy (1885-1937) was a prominent representative of peasants' intelligentsia of the late empire period, whose interests extended beyond breadwinning: being engaged in volost paperwork, he composed articles and satire for local newspapers, recounted folk customs and rites, and occasionally kept a thoughts' journal. For being involved in the work of a uyezd administration, he was first convicted in 1920 before being granted amnesty in 1922 and convicted for the second time in 1929, the latter sentence having led to over seven years of camp imprisonment. During this period, Arzhilovskiy has kept a diary, noting all his mundane observations, parenting turmoil, and doubts concerning a newly-established pattern of life and thought. The description of night dreams constitutes an important part of this egodocument which brought its author into scandalous limelight when it was partially published in the U.S. in 1995 and, at the same time, gave rise to the interpretation of key signs and symbols of individual and public history. Remarkably, this diary came to arise as grounds for its owner's guilty verdict pursuant to his life ended in the NKVD confines in 1937.

---

* The author would like to thank his colleague and good friend Vladimir Yakovlevich Templing, who passed away prematurely in January 2020, for his years of cooperation and for the idea of publishing this material.

Citation: Nikulina Nadezhda A. 2022. "Truthful dreams of Andrey Arzhilovskiy: from a 1936-1937 diary of a man sentenced to death". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 4 (32), pp. 41-59. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-41-59

Keywords

Andrey S. Arzhilovskiy, egodocument, a diary, man and state, dreams, 1937 repressions, survival strategies.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-41-59

REFERENCES

1. Arzhilovskiy A. S. "Diary". State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region. F. 4048. Op. 1. D. 2. [In Russian]
2. Arzhilovskiy A. S. "The voice of a lonely person". State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region. F. 4048. Op. 1. D. 2. L. 2-5, 54-56. [In Russian]
3. Prozhito. Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge. "Arzhilovskiy A. S.". Accessed 5 June 2022. <http://prozhito.org/person/248> [In Russian]
4. Arzhilovskiy A. S. 2018. "The voice of an ex-person". In: Bolshoe gorodishche: Tyumenskiy kraevedcheskiy ezhegodnik, nos. 4-5, pp. 205-216. [In Russian]
5. Dolgushina E., Nikulina N., Templing V. 2018. "Andrey Stepanovich Arzhilovskiy: the voice from the past". In: Bolshoe gorodishche: Tyumenskiy kraevedcheskiy ezhegodnik, nos. 4-5, pp. 192-204. [In Russian]
6. Koleva G. Yu. 2018. "The logic of repressions in the late 1930s within the former Tobolsk Province". Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univesiteta, no. 437, pp. 8-17. [In Russian]
7. Kolonitskiy B. I. 2012. Symbols of Power and the Struggle for Power: Towards the Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917. Saint Petersburg: Liki Rossii. 320 pp. [In Russian]
8. Korotaeva G. V. 2018. Remembrance of Them to Their Families and Clans: The Fate of the Clergy of the Church of All Saints of Tyumen, Who Suffered during the Persecution of the Russian Orthodox Church in the 1930-1940s. Tyumen: Izdatelsko-informatsionniy otdel Tobolskoy mitropolii. 285 pp. [In Russian]
9. Lazareva A. 2018. "The space of prophetic dreams: semiotization of the image of reality". Antropologicheskiy forum, no. 39, pp. 88-117. [In Russian]
10. Lazareva A. A. 2017. "The invisible in dreams: interpretation of sensations and feelings". Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie, no. 12, pp. 50-59. [In Russian]
11. Lurie M. L. 2002. "Prophetic dreams and their interpretation (the case of the modern Russian peasant tradition)". In: Khristoforova O. B. (ed.). Dreams and Visions in Folk Culture, pp. 26-43. Moscow: RGGU. [In Russian]
12. Neklyudov S. Yu. 2002. "O. B. Preface". In: Khristoforova O. B. (ed.). Dreams and Visions in Folk Culture, pp. 5-8. Moscow: RGGU. [In Russian]
13. Nikulina N. A., Templing V. Ya. 2019. "From ego-document of the early 20th c. to the universals of Russian life: the story of Andrei Arzhilovskiy". Tekhnologos, no. 3, pp. 27-37. [In Russian]
14. Paperno I. 2012. "Dreams of Stalinism (dream as a source for the history of Stalinism)". Novoe literaturnoe obozrenie, no. 116. <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html> [In Russian]

15. Razumova I. A. 2001. *The Hidden Knowledge of the Modern Russian Family. Genesis. Folklore. History.* Moscow: Indrik. 376 pp. [In Russian]
16. Romanov E. R. 1889. "Experience of the Belorussian folk dream-teller". *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 54-72. [In Russian]
17. Tolstoy N. I. 1994. "Interpretation of dreams: a cursory glance from the philological and ethnographic points of view". *Nauka v Rossii*, no. 3, pp. 33-37. [In Russian]
18. Trushkina N. Yu. 2002. "Stories about dreams". In: *Khristoforova O. B. (ed.). Dreams and Visions in Folk Culture*, pp. 143-170. Moscow: RGGU. [In Russian]
19. "Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovskiy". 1995. In: *Garros V., Korenevskaya N, Lahusen T. (eds.), Flath C. A. (transl.). Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s*, pp. 111-165. New York: New Press.

Анастасия Олеговна ДРОЗДОВА¹

УДК 821.161.1

МАНДРАГОРА В РАЙСКОМ САДУ: РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОВЕСТИ В. НАБОКОВА «ВОЛШЕБНИК»*

¹ кандидат филологических наук, ассистент
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
an.o.droz@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5728-142X

Аннотация

Статья посвящена исследованию растительной образности в повести В. Набокова «Волшебник» (1939): устанавливается, как растительные образы участвуют в организации сюжета, художественного мира, а также характеризуют восприятие героя.

Цель работы — показать, как соотносятся категории естественного, рукотворного и противоестественного в эстетике В. Набокова. Растительные образы повести связаны со всеми тремя категориями: они подчеркивают невинность ребенка, оказавшегося жертвой маньяка; используются в качестве аллюзий к чужим вымышленным мирам; оказываются результатом извращенной фантазии героя.

Структурно-семиотический анализ позволил выделить четыре группы растительных образов: 1) эвфемистические; 2) пространственные; 3) портретные; 4) образы растений-фантазмов. Особенностью растительных образов является двойственность их структуры. В номинации растительных образов совмещаются точки зрения героя и всеведущего повествователя, поэтические метафоры и фрейдистские штампы; как

---

* Данная статья была представлена как доклад на восьмой молодежной научно-практической конференции «Множественность интерпретаций: анализ данных в социальных и гуманитарных науках» (17 июля 2022 г., Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90036.

Цитирование: Дроздова А. О. Мандрагора в райском саду: растительные образы в повести В. Набокова «Волшебник» / А. О. Дроздова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 60-76. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-60-76

растение может оцениваться живое существо (девочка и герой) и неодушевленный объект (фонарь); одно и то же пространство — цветущий сад — оценивается и как адское, и как эдемское.

Растительные образы указывают на паразитический характер фантазии героя и высвечивают неудачи его языковой стратегии — скрыть пошлый умысел с помощью поэтических клише. В статье образ девочки-растения сопоставляется с монструозным цветком из романа Ганса Эверса «Альрауне» и стихотворения И. А. Бунина «Мандрагора».

Растительные образы позволяют В. Набокову противопоставить языковую, перцептивную чувствительность утилитарному отношению к красоте, которое оценивается писателем как противоестественное. Природа и творчество подчиняются общим законам: для В. Набокова важно подчеркнуть, что героя-маньяка, эстетизирующего свое преступление, выдает его пренебрежение законами языка.

Ключевые слова

В. Набоков, «Волшебник», перцепция, растительные образы, райское пространство, Ганс Эверс, французский период, клише, языковая ошибка, параноидальный герой.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-60-76

Введение

Связь природного и рукотворного мира является важной поэтологической проблемой в творчестве В. Набокова [31, 32, 36]. Растительные, энтомологические, зоологические образы в произведениях писателя организуют художественный мир [11, 12, 35], портрет героев [7], выступают в роли сюжетобразующих аллюзий [5, 15, 24]. Талантливый писатель, по мнению В. Набокова, так же внимателен к природе, как и исследователь-натуралист: «Художник должен *знать* этот мир» для того, чтобы «вновь создавать его» [27, с. 237].

В произведениях, написанных перед переездом В. Набокова в Америку, противопоставление естественного и точного «творческого вымысла» недостоверному «пошлomu умыслу» [18, с. 642] связано с проблемой выбора языка. По замечанию Г. Барабтарло, в повести «Волшебник» (1939) представлен «наиболее сложный» и «тонкий» повествовательный метод В. Набокова [1, с. 70]. События излагаются от лица всеведущего повествователя, при этом через непосредственно-прямую речь передается точка зрения героя-«завуалированного повествователя» [1, с. 66] (см., к примеру, эпизод в поезде [20, с. 68]). Такой режим повествования позволяет охарактеризовать речевую стратегию параноидального героя (см. термин [25]). Законы природного мира — в том числе и законы естественного языка (см. их сопоставление в эстетике В. Набокова [34, с. 164]) — выступают силой, которая противостоит замыслу преступника. Герой стремится заполучить ребенка и вернуть утраченное детство, воплощенное в «архетипе рая» [2, с. 18].

Предметом исследования являются растительные образы в повести «Волшебник», организующие райское пространство и передающие авторскую оценку речевой стратегии героя.

С одной стороны, литературные и библейские коннотации растительных образов связаны с утопическим эдемским миром, где души праведников не испытывают нужды и переживают «блаженство» («он думал, блаженствуя на внутреннем припеке, о сладком союзе умышленного и случайного» [20, с. 68]). В произведениях В. Набокова райские плоды выступают «символом неуничтожимой полноты <...> бытия» и указывают на «возвращение в Отчий дом» [9, с. 10]; «у Набокова-модерниста трудно различимы рай небесный и рай земной» [23, с. 146].

С другой стороны, двойственная характеристика пространства, где произрастают райские плоды («вечная детская» [20, с. 68]), указывает на демоническую природу страсти героя к нимфеткам: жизнь с девочкой, которая представляется герою эдемом, оборачивается адскими муками. Амбивалентность райского пространства в творчестве В. Набокова отмечает Л. Бугаева. Персонажи В. Набокова, подобно дантовскому герою, находятся между жизнью и смертью: в романе «Лаура и ее оригинал» «у Набокова на смену четкому дантовскому делению на Ад, Чистилище и Рай приходит пространство, в котором смешиваются характеристики Ада и Рая, но где, однако, преобладает Ад» [4, с. 667]. Двойственность райского, идеального пространства проявляется в том, что оно является вымышленным, сводится к традиционным романтическим формулам: в «Приглашении на казнь» с помощью театральных, поэтических кодов создается «псевдопейзаж-муляж Тамариных Садов» [13, с. 26]. В прозе В. Набокова помимо романтических коннотаций рая как посмертной обители представлен и «восстановленный рай»: в рассказе «Путеводитель по Берлину» зоопарк — «рукотворный рай в центре современного европейского города» [19, с. 170].

Цель работы — показать, как соотносятся категории природного, рукотворного и сверхъестественного в эстетической системе В. Набокова. В «Волшебнике» сюжетобразующее значение имеет не только наименование растения, но и то, как его образ трансформируется в восприятии героя. Герой-маньяк убежден, что обладает сверхъестественной способностью видеть «прекрасное» «сквозь тонкую оболочку» [20, с. 43]. Механистичность восприятия влияет на репрезентацию растительных образов и пространства воображаемого рая.

Чтобы установить семантику растительных образов, мы выделяем их функцию в организации художественного пространства и повествования, а также учитываем точку зрения, влияющую на выбор наименования растения. Растительные образы имеют интертекстуальное и мифопоэтическое значение: в повести В. Набокова актуализируется традиционное сопоставление души человека и сада [28, с. 284], фитонимы выступают как узнаваемые элементы чужого идиостиля [16, с. 36].

Типология растительной образности

Всего в произведении присутствует 29 растительных образов, которые по своему значению формируют четыре группы: эвфемистические, пространственные, портретные, а также образы, обозначающие растения-фантазмы. Выделяя растительные образы, мы учитывали флористическую и древесную семантику колоронимов, а также указание на территории, где выращивают растения (сад, цветник, заповедник и т. д.), или на их морфологию (см., например, «уточнившись и удлиннившись в женщину» [20, с. 70] в контексте сопоставления девочки с цветком).

Эвфемистические образы (всего шесть в повести) вводятся с точки зрения героя, который безуспешно пытается выдать педофилию за естественное влечение, эстетизирует свою одержимость. Ироническая природа эвфемистических образов связана с их двойственной семантикой: скабрёзное значение образа совмещается с поэтическим. Например, образ «черного салата, жевавшего зеленого кролика» [20, с. 45] характеризует режим восприятия героя: вместо того, чтобы смотреть на зверя, на которого указывает ребенок, герой пожирает глазами девочку. Такая «двойная» оптика рождает химеру — существо-растение. Образ отсылает к абсурдной логике сна в «Alice in Wonderland» Льюиса Кэрролла (ср., к примеру: «Да вот едят ли кошки летучих мышей? <...> А потом слова путались и выходило что-то несурзное: летучие кошки, мыши на крыше...» [17, с. 363]), и к биографическому мифу о самом Льюисе Кэрролле, с которым мог сравнивать себя герой «Волшебника» (см. продолжение этой темы в «Лолите» [38, с. 171]). Эвфемистическое значение приобретают растительные образы в описании объектов пищи девочки: «красивая коробочка глазированных каштанов и фиалок в сахаре» [20, с. 52] (ср., у девочки каштановые волосы и лиловое платье), «въедается в абрикосовый край плетеного пирожного» [20, с. 56] (ср. сопоставление ребенка с райским плодом: «эвфратский абрикос вреден только в консервах» [20, с. 43]).

К эвфемистическим относятся образы, провоцирующие фрейдистское толкование и выполняющие функцию литературной аллюзии: «порочный круг с пальмой в центре» [20, с. 43], «между сливой во рту и восторгом далекого дерева» [20, с. 69]. Образ цветущего острова отсылает к библейскому образу Эдема и к фантастическому «королевству у края земли» Э. По, где лирический герой и Аннабель Ли любят друг друга, будучи детьми [22, с. 191] (см. стихотворение «Annabel Lee», «To F-», «To One in Paradise»). Совмещение в одном образе противоположных коннотаций указывает на то, что герой «Волшебника», как и другие отрицательные герои В. Набокова, «подменяет моральные категории псевдоэстетическими» [26, с. 381], он безжалостен по отношению к красоте.

Комбинация профанного и поэтического значения в эвфемистическом образе позволяет оценить творческую несостоятельность героя, утратившего контроль над фантазией и словом. Не замечая мирообразующее значение чужих поэтических метафор, герой сводит их к дешевым риторическим приемам, фрейдистской банальности.

Пространственные образы (всего девять в повести) имеют сюжетообразующее значение и указывают на метаморфозы эдемского пространства. В момент зарождения идеи преступления, на этапах его осуществления и провала «райский сад» предстает в разных ипостасях.

Первое упоминание цветущего сада принадлежит встреченной в парке «вязальщице», рассказывающей о своем доме: «весь склон в плодовых садах» [20, с. 46]. Разговор не интересует героя, который следит «машинально-проверочным взглядом» [20, с. 45] за детьми и еще не знает о том, что женщина заботится о привлечении его внимание девочке: «Говорлива, — подумал он. — Кажется, придется пересесть...» [20, с. 46]. Герой невнимателен к миру даже тогда, когда случайная реплика может интерпретироваться как знак судьбы. После знакомства с ребенком герой создает воображаемый эдем — замкнутое пространство («цветущее урочище воображения» [20, с. 61], «оранжерейное тепло» [20, с. 68]). Фантазия оказывается мнимым приютом героя: метонимия «слепой сад» [20, с. 69] указывает не на недостижимость пространства для чужих взглядов, а на слепоту самого мечтателя. Образ «урочища» в «Волшебнике» связан с негативной коннотацией: в словаре В. И. Даля «урочить» — «сглазить, опозорить» и «приурочить растение, усвоить его местности» [8, с. 494]. Замкнутая для других территория воображения не безвредна, поскольку для героя не существует границы между фантазией и реальностью. Изъян воображения героя — в паразитической, злокачественной природе его «жизнетворчества», в попытке воплотить (взрастить) задуманный образ в реальности.

В фантазиях о далеком будущем образ сада связан с условно-реальным открытым пространством («цветущая темница мира» [20, с. 70]): герой считает, что, похитив девочку, он победит судьбу, завладеет миром. В кульминации повести противопоставляется условно-реальный и эдемский сад. Когда вдовец приезжает к подруге своей жены, чтобы забрать девочку, он видит последствия пожара, охватившего яблоневый сад («сломали молодую яблоню» [20, с. 70]), а жест горничной Марии, «махавшей яблоневой веточкой» [20, с. 72] вслед герою и девочке, пророчит участь внутреннему, вымышленному эдему — его уничтожение.

В финале растительный мир условно-реального и воображаемого сада пересекаются. Герой снимает в гостинице комнату с одной кроватью, потому что другие номера заняты — в городе «выставка цветов, много приезжих» [20, с. 73]. «Цветущее урочище воображения» [20, с. 61] героя оказывается выставлено напоказ — приезжие ловят маньяка на месте преступления («все было кончено, отовсюду вытягивались головы» [20, с. 80]). Несостоявшееся растение и последующее самоубийство героя оказываются закономерным результатом пестования его вымышленного «эдема» нимфеток.

Спасение девочки участниками «выставки цветов» имеет символическое значение: растительные образы являются частью портрета ребенка (семь об-

разов), они представлены как с точки зрения героя, так и с точки зрения всеведущего повествователя.

Портрет девочки вводится с помощью колористических ассоциаций: реализуется этимологическое значение колоронима «каштановый» (цвет и запах волос: «обдавая его каштановым запахом мягких волос» [20, с. 74]). Девочка уподобляется дереву: «сморщенный листок дрожал у нее в волосах» [20, с. 49], «смешиваясь с родственной ей игрой света под лилово-зелеными деревьями» (девочка одета в лиловое платье) [20, с. 46], «розово-озаренное лицо с тенью листьев на лбу» [20, с. 71], «обвила вокруг его затылка сонную руку» [20, с. 74]. Древесные образы позволяют сопоставить сюжет о преследовании девочки с мифом о нимфе Дафне, которая, чтобы избежать любви Аполлона, превратилась в дерево.

Сопоставление «светлых», «пустоватых» глаз девочки с «крыжовником» [20, с. 46] сближает героя «Волшебника» и чеховского пошляка Николая Ивановича, высаживающего крыжовник в неплодородном имении. Герои обманывают себя, присваивая элементы мира, которые они не могут ни распознать, ни даже правильно назвать (ср. эвфемистическое «добыча» [20, с. 43] как обозначение ребенка; реплика Николая Ивановича «Ах, как вкусно!» [29, с. 301] по отношению к жесткому и кислому крыжовнику)¹. И Николай Иванович, и герой «Волшебника» выдают шаблоны восприятия за природные законы. В первом случае метафора «вращения» относится к подложному «родовому дереву» героя, заточающего себя самого на усадебной земле («очевидно, уже не помнил, что дед наш был мужик, а отец — солдат» [29, с. 300]). Во втором случае — к шарлатанской попытке героя «выходить» падчерицу-любвицу в «цветущей темнице мира» [20, с. 70].

К четвертой группе образов относятся вымышленные растения-фантазмы (всего семь в повести). У фантастических растений отсутствуют названия, главной характеристикой является бесформенность, монструозность.

Растения-фантазмы герой воспринимает преимущественно с помощью осязания и обоняния: «цветущая пропасть сама не дотянет крепкой молодой ветви до светлицы» (осязательно-зрительный образ, ветка как рука) [20, с. 69], «прекрасное именно-то и доступно сквозь тонкую оболочку, то есть пока она еще не затвердела, не заросла, не утратила аромата» (осязательно-обонятельный образ) [20, с. 43]. С одной стороны, растительные метафоры используются для обозначения ребенка глазами преступника. Герой планирует «воспитывать» девочку — возвращать в «естественной», «эдемской» среде: «ее сегодняшний образ всегда будет сквозить в ее метаморфозах, питая их прозрачные слои сво-

---

¹ С другим персонажем А. П. Чехова, Ниной Заречной, набоковского героя сближает «мистическая банальность, замысловатая пошлость» как характеристика речи [21, с. 395].

им внутренним ключом»¹ [20, с. 70]. С другой стороны, на абсурдность этого образа указывает пропущенный элемент метафоры: вместо наименования растения используются субстантив («прекрасное» [20, с. 43]), указательное местоимение («редкое цветение этого в Иванову ночь моей темной души» [20, с. 44]), метонимия («созрели и стали лопаться огоньки» [20, с. 73] — т. е. засветились фонари, распалилась страсть героя).

Хотя растения-фантазмы по своему строению напоминают человека, их форма трансформируется в фантазиях героя. Девочка воспринимается героем как одно из ответвлений, почек его собственного монструозного тела: «кровенной, кожной, многососудной соединенности с ней, слово в ней пульсирующим пунктиром продолжалась чудовищная биссектриса, выкачивавшая из его глубины весь сок, или словно эта девочка из него выростала, каждым беспечным движением дергая и будоража свои живые корни, находящиеся в недрах его естества» [20, с. 49]. Герой, оправдывающийся перед ошибочно вызвавшим его полицейским, обвиняет его в восприятии «логического» как «зоологического» [20, с. 49], при том, что сам смешивает эти категории: видит девочку и как растение, «выкачивающее из его глубины весь сок», и как пунктирную «биссектрису» [20, с. 49]. Свою ущербную «эстетическую» теорию о «дрожащей звезде прекрасного» («нежность добычи обратно пропорциональна возрасту» [20, с. 43]) герой переносит в область законов естества. В момент, когда герой называет себя «живородящим любовником» [20, с. 70], он проговаривается: образ девочки-растения является не чем иным, как его собственным извращенным вымыслом.

Как и эвфемистические растительные образы, образы растений-фантазмов — результат слепоты героя, увлеченного фантомами своего сознания. Попытка оправдать страсть, охарактеризовать ее через поэтическую метафору уводит от предметной реальности: референт либо отсутствует (образы растений-фантазмов), либо на него недвусмысленно указывает фрейдистское клише (эвфемистические образы).

Образ мандрагоры в растительном мире повести

Антропоморфизм, а также химерическая природа образов растений-фантазмов имеют фольклорные, литературные и кинематографические источники.

В фольклоре могущественная девочка-растение ассоциируется с мандрагорой — растением, которое, по замечанию антрополога Фредерика Симунса, в древней культуре считалось как лекарством от бессонницы и бесплодия, так

¹ Рассуждения героя о «сквозящем образе» (как и геометрические метафоры, образ «сияния») могут интерпретироваться как попытка преступника использовать концепции платонической эстетики для оправдания похоти [20, с. 7]. В сознании героя античная философская мысль предстает в искаженном виде: герой убежден, что способен постичь субстанциональную «идею», при этом роль демиурга он возлагает на себя — «живородящего любовника» [20]. Полемический характер аллюзий на труды Платона-мыслителя и художника раскрывается в работе [33].

и ядом, в определенной дозе вызывающим галлюцинации [37]. Оглушающий эффект мандрагоры связан с криком как атрибутом Альрауне — напоминающего младенца корня мандрагоры (см., к примеру, кричащую мандрагору в Венском Диоскориде). В повести В. Набокова губительным оказывается крик проснувшейся девочки, превращающейся на глазах героя из героини живописного холста, спящей Венеры («Бесценный оригинал: спящая девочка, масло» [20, с. 78]), в уродливого младенца:

«волшебник еще не слышал ее вопля, оглушенный собственным ужасом, стоя на коленях <...> Как она скатилась с постели, как она теперь орала <...>. Она, как дитя в экранной драме, заслонялась острым локтем, вырываясь и продолжая бессмысленно орать, и кто-то бил в стену, требуя невообразимой тишины. Попыталась выбежать из комнаты, не могла отпереть, а он не мог ухватить, не за что, некого, теряла вес, скользкая, как подкидыш, с лиловым задком, с искаженным младенческим личиком, — укатывалась — с порога назад в люльку, из люльки обратным ползком в лоно бурно воскресающей матери» [20, с. 80].

В этом фрагменте воспроизводится кинематографический эффект пущенной вспять пленки, а девочка характеризуется как «дитя в экранной драме» [20, с. 80]. Совмещение фольклорного и кинематографического контекста отсылает к мистическому роману немецкого писателя Ганса Эверса «Альрауне» (1911 г.). В берлинские годы В. Набоков мог ознакомиться с экранизациями романа режиссеров Хенрика Галеена 1928 г. и Ричарда Освальда 1930 г. (оба фильма впервые показаны в Германии, главную роль исполняет Бригитта Хельм)¹.

Альрауне — плод извращенных научных изысканий ученого Якоба тен Бринкена и его племянника-авантюриста Франка Брауна, оплодотворивших проститутку семенем висельника и создавших ребенка-монстра. В повести В. Набокова эпизод побега ошеломленной и кричащей девочки («из люльки обратным ползком в лоно бурно воскресающей матери» [20, с. 80]) близок эпизоду рождения Альрауне из романа Ганса Эверса. В романе во время родов крик ребенка доносится из утробы, а мать ребенка-демона умирает: «девочка, находясь почти еще в материнской утробе, подняла невероятный крик, такой пронзительный и резкий, какого ни оба врача, ни акушерка никогда еще не слышали у новорожденных» [30, с. 253].

Неестественное, мистическое происхождение демонических растений по-разному оценивается авторами. И в повести, и в романе монстры порождаются фантазией. Герои В. Набокова и Ганса Эверса приписывают себе способность материализовать мысли: «Веришь ли ты в то, что я лишь твоя смелая

---

¹ Подтверждений тому, что В. Набоков видел именно эти экранизации «Альрауне» нет: «В берлине примерно раз в две недели они с Верой ходили в кино <...>. Самое большое удовольствие доставляла ему гротескность кинематографических клише» [3, с. 424]

мысль, облекшаяся затем в плоть и кровь?» («Альрауне») [30, с. 369] — «Так приблизительно возилась в нем мысль. <...> И случилось, что месяцами воображение сидело на цепи, едва цепью позванивая» («Волшебник») [20, с. 44]. С другой стороны, в отличие от романа Ганса Эверса, в повести В. Набокова фантом сознания разрушает жизнь только его создателя. В романе проклятие демона не действует только на Франка Брауна — героя, которого другие персонажи называют фантазером [30, с. 202] и который внушил Якобу тен Бринкену идею о создании Альрауне. В повести В. Набокова естественные законы не подчиняются фантазии преступника. Если в романе Ганса Эверса мистическим является то, что противоестественно человеческой природе — ученый-волшебник Якоб тен Бринкен заколдован собственным дьявольским созданием (то есть сверхъестественное и противоестественное выступают как синонимы), — то в повести В. Набокова мистический сюжет инвертируется: девочка ведет себя не как демон-соблазнитель, а как ребенок, тогда как ее похититель поражен только собственной слепотой и извращенной фантазией. В романе В. Набокова чудесным (сверхъестественным) является спасение девочки, тогда как то, что героем оценивается как сверхъестественное — собственная оптика, позволяющая увидеть красоту «нимфетки» — в действительности оказывается противоестественной. В эстетике писателя сверхъестественное и противоестественное противопоставляются: мистическое является свойством фикционального мира.

Образ демонического цветка, пустившего корни в тело человека, отсылает к стихотворению И. Бунина «Мандрагора» (1906-1907 г.). В стихотворении И. Бунина мандрагору питает «сок» мертвеца, убитого палачом: «Мертвый соками тленья Мандрагору питает — / И она расцветает в травах диких и сорных» [6, с. 216]. В «Волшебнике» герой и возвращает мандрагору, и питает ее своим «соком», уподобляясь мертвецу (ср.: «биссектриса, выкачивавшая из его глубины весь сок, или словно эта девочка из него выростала» [20, с. 49]), и сам выступает в роли паразита — ощущает каждое движение ребенка как собственное («свободной рукой отцепила ремни — всю эту тяжесть, стальные подошвы на цельных колесиках, — и, сойдя к нам на землю, выпрямившись с мгновенным ощущением небесной босоты...» [20, с. 46]). Сознательное убийство невинного человека — то, что отличает палача от убийцы — в стихотворении сопоставляется с возвращением Мандрагоры:

«Брат Каин, взрастивший Мандрагору из яда!
Бог убийцу, быть может, милосердно осудит.
Но палач — не убийца: он — исчадие Ада,
И цветок, полный яда, Бог тебе не забудет!» [6, с. 216].

Герой «Волшебника», пытающийся овладеть невинным существом, «взрастить» из ребенка любовницу, пополняет ряд персонажей-палачей В. Набокова («Дедушка», «Отчаяние», «Приглашение на казнь» и др.). Как и палачи, герой-пошляк терпит фиаско и вынужден «маскировать свою сущность, ря-

диться, прятаться под личиной» [14, с. 37], в том числе использовать иносказание, клише, неудачную игру слов для выражения своих неестественных фантазий.

Вывод

Создавая образ девочки-растения в «цветущей фантазии»-раю, В. Набоков подчеркивает, что демонические коннотации этого образа — плод вымысла героя, тогда как невинность ребенка связывается с образом другого рода — с лавровым деревом нимфы Дафны. Растительные образы подчеркивают невинность как главную характеристику героини и слепоту как доминирующий режим восприятия преступника.

Пространственные и портретные растительные образы вводятся через точку зрения героя и повествователя. И для всеведущего повествователя, и для героя цветущий рай связан с миром детства: дети, как существа, обитающие в Эдеме, непорочны. Точка зрения всеведущего повествователя позволяет сравнить героя с палачом, не только поступками, но и манерой речи пытающимся скрыть свое преступление. Эвфемистические образы и образы, обозначающие растения-фантомы, вводятся через точку зрения героя-маньяка, они указывают на творческое бессилие, утилитарное отношение к красоте. Рукотворный и природный миры объединяет гармония художественного замысла, тогда как противоестественный умысел дисгармоничен, анти-поэтичен — порожден чувственной аберрацией и, как следствие, расхождением между знаком и референтом.

По замечанию самого автора, образ Лолиты, по своему генезису близкий образу девочки из повести 1939 г., не имеет прототипов: «Она родилась в моей голове. Она никогда не существовала. На самом деле я плохо знаю маленьких девочек. Если поразмыслить, я, по-моему, не знаю ни единой маленькой девочки. Я встречал их несколько раз в обществе, но Лолита — это плод моего воображения» [10, с. 140]. Фольклорный, литературный и кинематографический образ мандрагоры используется В. Набоковым в иронических целях: характеризует не ребенка, а творческие способности героя-слепца. Развернутые метафоры в «Волшебнике» явно пародируют философско-окультурный язык «мистической» литературы, где физиологическая патология обозначается как духовное прозрение, а одержимость эстетизируется (ср. оксюморон в финале «Альрауне»: «Где лежал снег тихих акаций, там золотой дождь пролил свою ядовитую желчь — там нашел я, подруга моя, великую красоту целомудренного греха» [30, с. 397]). В финале «Волшебника» механистичность такого языка гиперболизируется: раскрывается не только преступный замысел героя, но и бедность, несвязность его речи: «под это растущее, руплегрохотный ухмышь, краковяк, громовое железо, мгновенный кинематограф терзаний» [20, с. 81].

Контаминации в структуре растительных образов, их чувственная семантика позволяет В. Набокову вывести тему «противоестественной красоты» в область естественно-научной и языковой проблематики: «противоестественные» замыслы героя оказываются эстетически неполноценными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабтарло Г. Сочинение Набокова / Г. Барабтарло. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 464 с.
2. Белоусова Е. Г. Сказочный ключ к «Волшебнику» В. Набокова / Е. Г. Белоусова // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21 (275). С. 15-21.
3. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Б. Бойд; пер. с англ. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010. 696 с.
4. Бугаева Л. Д. Набоков и Данте / Л. Д. Бугаева // Данте: pro et contra: личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей. СПб.: Издательство РХГА, 2011. С. 665-676.
5. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова / Н. Букс. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 208 с.
6. Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах / И. А. Бунин. М.: Воскресенье, 2006. Т. 1: Стихотворения (1888-1911); Рассказы (1892-1901). 576 с.
7. Гёблер Ф. Энтомологический дискурс в прозе В. Набокова / Ф. Гёблер // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 6 (717). С. 142-148.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. 672 с.
9. Дашевская О. А. Мифологема рая в лирике В. Набокова / О. А. Дашевская // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог / Ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск: Издательство Томского университета, 2000. С. 5-16.
10. Два интервью из сборника «Strong Opinions» // В. В. Набоков: Pro et Contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. Т. 1. С. 134-164.
11. Двинятин Ф. Пять пейзажей с набоковской сиренью / Ф. Двинятин // В. В. Набоков: Pro et Contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2002. Т. 2. С. 291-314.
12. Джонсон Д. Б. Птичий вольер в «Аде» Набокова / Д. Б. Джонсон // Литературное обозрение. 1999. № 2. С. 103-109.
13. Дмитриенко О. А. Игровые пейзажи и их разновидности в русскоязычной прозе Набокова / О. А. Дмитриенко // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2. С. 23-28.
14. Долинин А. Искусство палача: заметки к теме смертной казни у Набокова / А. Долинин // Летняя школа по русской литературе. 2013. Т. 9. № 1. С. 29-44.
15. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове / А. Долинин. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.
16. Кропотухина П. В. Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований / П. В. Кропотухина // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 35-39.
17. Кэрролл Льюис. Аня в Стране чудес. Перевод В. Сирина / Льюис Кэрролл // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. / Сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. С. 361-433.

18. Липовецкий М. Эпилог русского модернизма. Художественная философия творчества в «Даре» Набокова / М. Липовецкий // В. В. Набоков: Pro et Contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. Т. 1. С. 638-661.
19. Мароши В. В. Топосы зверинца и зоосада в русской литературе второй половины XIX — начала XX вв. / В. В. Мароши // Культура и текст. 2014. № 2 (17). С. 155-173.
20. Набоков В. В. Волшебник / В. В. Набоков // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. Ю. Левинга, А. Долинина, М. Маликовой, О. Сконечной, А. Бабикова, Г. Глушанок. СПб.: «Симпозиум», 2008. Т. 5. С. 43-81.
21. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков ; пер. с англ. С. Антонова, Е. Гольшевой, Г. Дашевского и др. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
22. По Э. А. Стихотворения. Сборник / Э. А. По / Сост. Е. К. Нестерова. М.: Радуга, 1988. 414 с.
23. Разумовская А. Г. «И веет свежестью из сада...». Последние страницы усадебного «текста» в поэзии И. А. Бунина и В. В. Набокова / А. Г. Разумовская // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 11 (54). С. 138-156.
24. Сендерович С. Сок трех апельсинов: Набоков и петербургский театральный авангард / С. Сендерович, Е. Шварц // Империя Н. Набоков и наследники. Сборник статей / Ред. и сост. Юрий Левинг, Евгений Сошкин. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 293-347.
25. Сконечная О. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков / О. Сконечная. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 256 с.
26. Токер Л. Набоков и этика камуфляжа / Л. Токер // В. В. Набоков: Pro et Contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2002. Т. 2. С. 377-386.
27. Три интервью с Владимиром Набоковым // Иностранная литература. № 11. 1995. С. 232-248.
28. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие / Е. Фарино. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
29. Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 т / А. П. Чехов. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 8. 575 с.
30. Эверс Г. Г. Сочинения: В 2-х тт. / Г. Г. Эверс / Пер. с нем. М. Кадиш; Сост. А. Финкельштейн. М.: ТЕРРА 1997. Т. 1.: [Ужасы: Необычайные истории. Пер. с нем.; Альрауне: Роман]. 400 с.
31. Alexandrov V. E. Nature and Artifice / V. E. Alexandrov // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. New York, Oxon: Routledge, 1995. P. 553-556.
32. Grishakova M. The Models of Space, Time, and Vision in V. Nabokov's Fiction: Narrative Strategies and Cultural Frames / M. Grishakova. Tartu: University of Tartu, 2012. 322 p.
33. Moudrov A. Nabokov's Invitation to Plato's Beheading / A. Moudrov // The Goalkeeper: The Nabokov Almanac / Ed. by Yuri Leving. Boston: Academic Studies Press, 2010. P. 60-73. DOI: 10.2307/j.ctt1zxsk4n.9
34. Poulin I. Translation as Craft and Heroic Deed: On the Political Stakes of a Multilingual Sensoriality / I. Poulin // The Five Senses in Nabokov's Works / Ed. by Marie Bouchet,

- Julie Loison-Charles, Isabelle Poulin. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 157-171. DOI: 10.1007/978-3-030-45406-7_10
35. Pyle R. M. Swift and Underwing, Boulderfield and Bog: How Nabokov Drew the World from Its Details / R. M. Pyle // *Fine Lines: Vladimir Nabokov's Scientific Art* / Ed. by Stephen H. Blackwell, Kurt Johnson. New Haven, London: Yale University Press, 2016. Pp. 269-276.
36. Remington C. L. *Lepidoptera Studies* / C. L. Remington // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / Ed. by V. E. Alexandrov. New York, Oxon: Routledge, 1995. P. 274-282.
37. Simoons F. J. *Plants of Life, Plants of Death* / F. J. Simoons. Madison: The University of Wisconsin Press. 1998. 546 p.
38. Voronina O. The tale of enchanted hunters: Lolita in Victorian context / O. Voronina // *Nabokov Studies*. 2006. T. 10. No. 1. Pp. 147-174. DOI: 10.1353/nab.2007.0007

Anastasiiia O. Drozdova¹

UDC 821.161.1

**MANDRAKE IN THE PARADISE GARDEN:
PLANT IMAGES IN V. NABOKOV'S STORY "THE ENCHANTER"***

¹ Cand. Sci. (Philol.), Assistant,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
an.o.droz@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5728-142X

Abstract

The paper is concerned with the plant images in V. Nabokov's short story "The Enchanter". We distinguish how plant imagery shapes the plot and the artistic world and characterizes the characters' perception in the story. Our study aims to demonstrate the connection between the concepts of the natural, artificial, and unnatural in Nabokov's aesthetic. The plant images are associated with all the three concepts: they 1) underscore the innocence of the child who becomes the victim of the maniac character; 2) refer to the others' artistic worlds; 3) depict the corrupt fantasy of the main character. Structural-semiotic analysis allows us to determine four groups of plant images: 1) euphemistic; 2) spatial; 3) portrait; 4) images of the fantasy plants. Plant images are verbalized from the standpoint of both the main character and the third person omniscient, while poetical metaphors are combined with the Freudian clichés. The plant imagery emphasizes the parasitic nature of the main character's fantasy and highlights the unsuccess of his language strategy to hide the banality by using the poetical commonplaces. In this paper, we compare the image of the girl-plant with the monstrous flower from H. Ewers' novel *Alraune* and I. Bunin's poem "Mandrake". Plant images enable V. Nabokov to contrast the language and perceptual sensitiveness with the utilitarian attitude

---

* This article was presented as a paper at the 8th Research Conference "Conference on Text Interpretation: Data Analysis in the Social Sciences and Humanities" (17 July 2022, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen).
Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-312-90036.

Citation: Drozdova A. O. 2022. "Mandrake in the Paradise Garden: plant images in V. Nabokov's story 'The Enchanter'". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 4 (32), pp. 60-76. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-60-76

---

to the beauty, assessed by the writer as unnatural. Nature and creativity have the common patterns: Nabokov emphasizes that the maniac character, aestheticizing his crime, betrays himself by his disregard for the language rules.

Keywords

V. Nabokov, “The Enchanter”, perception, plant images, paradise space, Hanns Ewers, French period, cliché, language mistake, maniac character.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-60-76

REFERENCES

1. Barabtarlo G. 2011. Nabokov’s Composition. Saint Petersburg: Izdatelstvo Ivana Limbakha. [In Russian]
2. Belousova E. G. 2012. “Fairy Tale Key to V. Nabokov’s The Enchanter”. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 21 (275), pp. 15-21. [In Russian]
3. Boyd, Brian. 2010. Vladimir Nabokov: The Russian Years: A Biography. Saint Petersburg: Symposium Publishing House. [In Russian]
4. Bugaeva L. D. 2011. “Nabokov and Dante”. In: Dante: pro et contra: lichnost’ i nasledie Dante v otsenke russkikh mysliteley, pisateley, issledovateley, pp. 665-676. Saint Petersburg: RKhGA. [In Russian]
5. Buks N. 1998. Scaffold in the Crystal Palace. About Russian Novels by Vladimir Nabokov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian]
6. Bunin I. A. 2006. Complete Collection of Works in 13 vols. Vol. 1. Poems (1888-1911); Stories (1892-1901). Moscow: Voskresenye. [In Russian]
7. Göbler F. 2015. “The Entomological Discourse in Nabokov’s Prose: ‘Pilgram’”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, no 6 (717), pp. 142-148. [In Russian]
8. Dal V. I. 2006. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 vols. Vol. 4. Moscow: RIPOL classic Publishing Group. [In Russian]
9. Dashevskaya O. A. 2000. “The mythologeme of Paradise in V. Nabokov’s Early Lyrics”. In: Rybal’chenko T. L. (ed.). Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul’turnyy dialog. Tomsk: TSU. [In Russian]
10. RHGA. 1997. “Two Interviews from the Collection ‘Strong Opinions’”. In: V. V. Nabokov: Pro et Contra. Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova. Antologiya. Vol. 1, pp. 134-164. Saint Petersburg: RHGA. [In Russian]
11. Dvinyatin F. 2002. “Five landscapes with Nabokov’s lilac”. In: V. V. Nabokov: Pro et Contra. Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova. Antologiya. Vol. 2, pp. 291-314. Saint Petersburg: RKhGA. [In Russian]
12. Johnson D. B. 1999. “Bird Aviary in Nabokov’s ‘Ada’”. Literaturnoe obozrenie, no. 2, pp. 103-109. [In Russian]
13. Dmitrienko O. A. 2014. “Game Landscapes and Their Classification in Nabokov’s Russian Prose”. Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie, no. 2, pp. 23-28. [In Russian]
14. Dolinin A. 2013. “The Art of Executioner: Notes on the Subject of the Death Penalty in Nabokov”. Summer school on Russian literature, vol. 9, no. 1, pp. 29-44. [In Russian]

15. Dolinin A. 2004. *The True Life of Sirin the Writer: Works about Nabokov*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt. [In Russian]
16. Kropotukhina P. V. 2014. "Conceptual Domain 'Plants' as an Object of Linguistic Study". *Pedagogical Education in Russia*, no. 6, pp. 35-39. [In Russian]
17. Carroll L. 2004. "Alice in the Wonderlands". Translated by V. Sirin. In: Artemenko-Tolstaya N. (ed.). *Nabokov V. V. Russkiy period. Sobranie sochineniy v 5 tomakh*. Vol. 1, pp. 361-433. Saint Petersburg: "Simpozium". [In Russian]
18. Lipovetskiy M. 1997. "Epilogue of Russian modernism. The Artistic Philosophy of Creativity in Nabokov's 'The Gift'". In: V. V. Nabokov: Pro et Contra. *Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova*. Antologiya. Vol. 1, pp. 638-661. Saint Petersburg: RHGA. [In Russian]
19. Maroshi V. V. 2014. "The Topoi of a Menagerie and a Zoo in the Russian Literature of the Second Half of 19th — Early 20th c.". *Culture and Text*, no. 2 (17), pp. 155-173. [In Russian]
20. Nabokov V. V. 2008. "The Enchanter". In: Nabokov V. V. *Russkiy period. Sobranie sochineniy v 5 tomakh*. Vol. 5, pp. 43-81. Collected by N. Artemenko-Tolstaya, foreword by A. Dolinin, notes by Yu. Leving, A. Dolinin, M. Malikova, O. Skonechnaya, A. Babikov, G. Glushanok, Saint Petersburg: Simpozium. [In Russian]
21. Nabokov V. V. 2016. *Lectures on Russian Literature*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. [In Russian]
22. Poe E. A. 1988. *Poems*. Collection. Collected by E. K. Nesterova. Moscow: Raduga [In Russian]
23. Razumovskaya A. G. 2010. "'You Feel the Fragrance of The Garden...' The Final Pages of the Country Estate Text in Bunin's and Nabokov's Poetry". *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, no. 11 (54), pp. 138-156. [In Russian]
24. Senderovich S., Shvarts E. 2006. "Juice of Three Oranges: Nabokov and the St. Petersburg Theatrical Avant-garde". In: Leving Yu., Soshkin E. (eds.). *Imperiya N. Nabokov i nasledniki. Sbornik statey*, pp. 293-347. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian]
25. Skonechnaya O. 2015. *Russian Paranoid Novel: Fyodor Sologub, Andrey Bely, Vladimir Nabokov*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian]
26. Toker L. 2002. "Nabokov and the Ethics of Camouflage". In: V. V. Nabokov: Pro et Contra. *Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova*. Antologiya. Vol. 2, pp. 377-386. Saint Petersburg: RKhGA. [In Russian]
27. Inostrannaya literatura. 1995. "Three Interview with Vladimir Nabokov". *Inostrannaya literatura*, no. 11, pp. 232-248. [In Russian]
28. Faryno Je. 2004. *Introduction in the Literary Theory: Study Guide*. Saint Petersburg: HSPU. [In Russian]
29. Chekhov A. P. 1962. *Collected Works in 12 vols*. Vol. 8. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. [In Russian]
30. Ewers H. H. 1997. *Works in 2 vols*. Vol. 1. *Horror: Extraordinary Stories*. Translated from German. *Alraune: A Novel*. Translated by M. Kadish; collected by A. Finkelshteyn. Moscow: TERRA. [In Russian]
31. Alexandrov V. E. 1995. "Nature and Artifice". In: V. Alexandrov (ed.). *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, pp. 553-556. New York, Oxon: Routledge.
32. Grishakova M. 2012. *The Models of Space, Time, and Vision in V. Nabokov's Fiction: Narrative Strategies and Cultural Frames*. Tartu: University of Tartu.

33. Moudrov A. 2010. "Nabokov's Invitation to Plato's Beheading". In: Yu. Leving (ed.). *The Goalkeeper: The Nabokov Almanac*. Boston: Academic Studies Press. DOI: 10.2307/j.ctt1zxs4n.9
34. Poulin I. 2020. "Translation as Craft and Heroic Deed: On the Political Stakes of a Multilingual Sensoriality". In: Bouchet M., Loison-Charles J., Poulin I. (eds.). *The Five Senses in Nabokov's Works*, pp. 157-171. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-45406-7_10
35. Pyle R. M. 2016. "Swift and Underwing, Boulderfield and Bog: How Nabokov Drew the World from Its Details". In: Blackwell S. H., Johnson K. (eds.). *Fine Lines: Vladimir Nabokov's Scientific Art*, pp. 269-276. New Haven, London: Yale University Press.
36. Remington C. L. 1995. "Lepidoptera Studies". In: Alexandrov V. (ed.). *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, pp. 274-282. New York, Oxon: Routledge.
37. Simoons F. J. 1998. *Plants of Life, Plants of Death*. Madison: The University of Wisconsin Press.
38. Voronina O. 2006. "The Tale of Enchanted Hunters: Lolita in Victorian Context". In: *Nabokov Studies*, vol. 10, no.1, pp. 147-174. DOI: 10.1353/nab.2007.0007

ИСТОРИЯ

Денис Григорьевич ХРУСТАЛЁВ¹

УДК 94(47)

«ФЕОДОРЪ ГРЕКЪ МИТРОПОЛИЧЪ ОТЪ ПАПЫ ИЗ РИМА». К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РУСИ С ПАПСКИМ ПРЕСТОЛОМ В КОНЦЕ XI ВЕКА

¹ историк, Санкт-Петербург
d.g.khrustalev@gmail.com

Аннотация

В статье обоснована точка зрения, согласно которой можно относиться с доверием к сообщению Никоновской летописи под 6599 (1091) г. о прибытии миссии Феодора Грека от папы из Рима в Киев со многими мощами. Аргументируется отождествление этого Феодора с легатом папы Урбана в Венгрии кардиналом Теуцо Сан-Джорджио-ин-Велабро, который мог направиться на Русь вместе с князем Ярославом Святополчичем, встреченным при освящении базилики Св. Эгидия в Шомодьваре. Это посольство можно сопоставить с прибытием на Русь мощей Св. Николая Чудотворца и утверждением праздника перенесения его мощей в Бари (9 мая).

Ключевые слова

Никоновская летопись, Феодор Грек, папа Римский Урбан, Шомодьвар, Николай Чудотворец, Киевская Русь, Рим.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-77-109

Цитирование: Хрусталёв Д. Г. «Феодоръ Грекъ митрополичъ отъ папы из Рима». К истории отношений Руси с папским престолом в конце XI века / Д. Г. Хрусталёв // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 77-109. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-77-109

Введение

В Никоновской летописи в статье 6599 (1091) г. содержится уникальное известие: «Того же лета прииде Феодоръ Грекъ митрополичь отъ папы из Рима и принесе много мощей святыхъ» [17, т. IX, с. 116]. Подобные сообщения, не подтверждаемые другими источниками, неизбежно вызывают сомнения в достоверности. В Никоновской летописи, создававшейся в XVI в., таких немало, причем многие относятся к очень отдаленным временам. Некоторые исследователи категорически отрицают возможность рассматривать их серьезно. Действительно, располагая солидным корпусом летописей, отразившим тексты памятников XII-XIII вв., затруднительно ожидать, что все эти источники упустили свидетельства, всплывшие только спустя несколько столетий. С другой стороны, нельзя не признать возможным и такое стечение обстоятельств.

В отечественных исследованиях представлены крайние точки зрения о достоверности миссии Федора Грека. Так, академик М. Н. Тихомиров считал, что все уникальные свидетельства Никоновской летописи «попросту сочинены». Очевидно, что при составлении этого масштабного свода преследовалась цель создания стройной истории русской церкви, максимально «удревнённой», предельно подробной и включающей сведения о всех русских митрополитах. В сочинении отмечены многие легендарные свидетельства, в частности о русских митрополитах Михаиле и Леонте, современниках Владимира Святого и одновременно патриарха Фотия; описаны обстоятельства крещения новгородцев; многократно воспроизводятся поздние агиографические сочинения и т. д. Обозревая это, Тихомиров пришел к выводу: «Само сочинение известий о православных митрополитах и о епископах «от Фотеа патриарха» с известиями о посольствах от папы и о священных реликвиях, принесенных из Рима, делает эти известия Никоновской летописи явно недостоверными». Ученый считал, что под выражением «Федор Грек митрополичь от папы из Рима» должен скрываться римский архиерей, католик, суффраган римского понтифика. На основании этого он отметил: «Делая подобные вставки, Никоновская летопись не считается даже с тем фактом, что одновременное существование в Киеве византийской и римской иерархий в XI-XII вв. было невозможным». По мнению Тихомирова, «Никоновская летопись в данном случае отражает интересный момент в истории сношений России с папским престолом, но не в XI-XII столетиях, а во второй половине XV в.» [37, с. 341].

Иную позицию выразил Б. М. Клосс, посвятивший Никоновскому своду специальную монографию. Он считает, что некоторые уникальные известия попали в летопись из «архива русской митрополии», который был доступен составителям, работавшим, как известно, в митрополичьей канцелярии. Среди таких известий было и про «возвращение из Рима митрополичьего посла Феодора Грека» [11, с. 183]. То есть перед нами чуть ли не документальная информация.

В целом можно сказать, что большинство историков с доверием отнеслись к сообщению Никоновской летописи, хотя и по-разному интерпретировали статус Феодора. В. Н. Татищев фактически повторил летописный текст, но по-

правил титул: «Того же года пришел из Рима от папы митрополит Феодор, грек родом, и принес много мосчей святых» [35, с. 96]¹. Федор предстает митрополитом, направленным на Русь из Рима с целью занять пустующую киевскую кафедру. Именно так воспринял известие и князь М. М. Щербатов (1771 г.): «Папы же Римские непреставая стараться привести Россию под свою духовную область, и в сие время, тогда державствующий Папа Урбин II прислал единого Епископа, именем Феодора, родом Грека, с дарами многих мощей; порученное дело сему Епископу нам неизвестно; но мню, что он был прислан для вышеписанных причин» [44, с. 35].

Похожим образом описал ситуацию французский историк П.-Ш. Левек, одним из первых опубликовавший за рубежом «Историю России» (1783 г.): «Со времен правления Владимира, папы всегда простирали в сторону России свои честолюбивые взгляды и желали присоединить эту обширную страну к остальной Европе, над которой они распространяли тогда свою тираническую власть. Бывали там многократно и римские посланники. Урбан II направил к Всеволоду епископа по имени Феодор с посольством и большим количеством мощей, передаваемыми римским понтификом в качестве подарка Киевскому князю. Впрочем, мы не располагаем никакими деталями этих переговоров» [74, с. 170-171].

В том же духе высказался Н. М. Карамзин: «Нестор молчит, но Летописец средних времен говорит о каком-то Святителе Феодоре, приезжавшем к Великому Князю от Папы (Урбана II) в 1091 году. Властолюбивые Наместники Св. Петра без сомнения всячески старались подчинить себе Церковь Российскую» [10, с. 65].

Однако в середине XIX в. историками Русской Церкви версия с католическим епископом была вынесена за скобки. Митрополит Макарий (М. П. Булгаков) писал о Феодоре как о священнослужителе Восточной Церкви: «Одна из поздних наших летописей упоминает, будто в 1091 г. принес к нам много мощей из Рима какой-то Грек митрополичь, по имени Феодор. Кто был саном этот Грек митрополичь (т. е., вероятно, прибывший с митрополитом из Греции и при нем живший), зачем был он в Риме и от кого приобрел он там мощи, которые принес в Россию, неизвестно. Не посылал ли его митрополит Иоанн со своим ответным посланием к папе Клименту III, подобно тому, как Климент еще прежде прислал к нашему первосвятителю своего епископа? Дело возможное» [18, с. 183-184].

Это разъяснение поддержали В. Г. Васильевский, а также Е. Е. Голубинский, который даже обвинил Татищева в том, что тот «переделал» Феодора в «папина» [3, с. 93; 5, с. 597].

М. Д. Присёлков был более осторожен, но также признал связь миссии Феодора с внешней политикой киевского князя и контактами антипапы Климента III (Виберта Равеннского), креатуры германского императора [29, с. 87].

Таким образом, можно сказать, что сложилось две версии о статусе Феодора. Согласно одной, которую основали историки XVIII в. (Татищев, Щербатов,

---

¹ Указатель в конце тома прямо называет Феодора «киевским митрополитом».

Левек, Карамзин), Федор был высокопоставленным священнослужителем Западной Церкви, отправленным в Киев папой Урбаном с посольством, возможной целью которого было подчинение Руси римскому понтифику. Другую версию составили историки Русской Церкви (Макарий, Васильевский, Голубинский). Согласно их предположению, Феодор был служителем, состоявшим при киевском митрополите Иоанне II и был направлен в Рим к антипапе Клименту III с ответным посланием русского первоиерарха.

В России, можно сказать, «официальной» стала точка зрения Макария — Голубинского. Ее унаследовала и советская историография, где общим местом стало признание «неслучайности» миссии Феодора Грека в 1091 г., свидетельствующей об «особых» контактах Киева с Западом в те годы (см.: [20, с. 45; 24, с. 82, 132-133; 26, с. 214; 42, с. 15]). При этом бесспорным остался тезис об отсутствии какой-либо зависимости Русской Церкви от Рима. Б. М. Клосс писал про «возвращение из Рима митрополичьего посла Феодора Грека» [11, с. 183]. Издавая послание митрополита Иоанна антипапе Клименту, Н. В. Поньрко снова подчеркнула связь посольства Феодора с этой перепиской. По мнению исследовательницы, мощи в Киев мог послать только Климент, «так как именно он с начала 1091 г. владел Римом» [27, с. 28]. Обследуя тот же вопрос, А. В. Назаренко отметил, что сообщение Никоновской летописи о посольстве Феодора «выглядит вполне правдоподобно и никогда всерьез не ставилось под сомнение в историографии». Ученый предпочитал также рассматривать его в связи с перепиской митрополита Иоанна и Климента, хотя допускал, что оно могло касаться и отношений с папой Урбаном [21, с. 358]. В итоге речь неизменно идет о митрополичьем посланнике Феодоре.

Напротив, за рубежом получила распространение версия Татищева — Карамзина. Французский историк-иезуит Ш. Вердье считал несомненным, что в 1091 г. на Русь прибыло папское посольство во главе с митрополитом Феодором [88, с. 131-132, 166]¹. Польский историк В. Абрахам пошел дальше и воспринял Феодора уже не как посланника, но как киевского митрополита, назначенного папой. Он даже предположил некий конфликт, который произошел в Киеве, когда в городе оказалось сразу два первоиерарха, от Восточной и Западной церквей [46, с. 32-33]. Папским посланником назван Феодор в соответствующем разделе «Католической энциклопедии», изданной в США в 1912 г. (статью написал А. Пальмиери) [86, с. 254]. Им же считал его русско-американский исследователь И. Б. Концевич, а также ведущий французский исследователь вопроса Б. Лейб [71, с. 40-41; 73, с. 51-71]. Вероятно, такая настойчивость в поисках возможных свидетельств контактов Киева и Рима является отражением сложной политической обстановки вокруг России в начале XX в.

Позднее интерес к теме заметно ослаб. Биограф папы Урбана, А. Бекер допускал, что Феодор «греческий епископ (или монах?)», но считал определенным, что мощи на Русь он привез именно от Урбана [49, с. 9]. Напротив, биограф анти-

¹ Вердье из русских историков ссылался только на Карамзина.

папы Климента И. Цизе столь же уверенно утверждал обратное — что Феодор встречался в Риме именно с Климентом [90, с. 176-177]. Директор Исследовательского центра Св. Николая в Бари брат Д. Чоффари, публикуя русскую повесть о перенесении мощей Св. Николая из Мир Ликийских в Бари, отметил, что «обычно и с достаточным основанием» Феодор идентифицируется как «монах греческого обряда из какого-то православного монастыря Южной Италии, сопричастного папе» [51, с. 59]. Появление миссии с мощами в Киеве итальянский исследователь предлагал сопоставлять с учреждением на Руси праздника перенесения мощей Св. Николая (9 мая; «Никола Вешний»). В целом эти версии в тех или иных выражениях продолжают кочевать по зарубежным работам. Недавняя монография Х. Раффеншпергера показывает преемственность традиции. Ученый недвусмысленно признает, что миссия Феодора была инициирована папой Урбаном, который незадолго перед этим освятил базилику в Бари с вновь обретенными реликвиями Николая Чудотворца. Именно мощи Св. Николая, по мнению Раффеншпергера, прибыли на Русь с посольством Феодора [82, с. 171, 182].

В предлагаемой статье мы ставим задачу более пристально рассмотреть известие о Феодоре, сначала в рамках самой летописи и аналогичных известий, а затем на фоне соответствующих исторических контекстов.

Летописные известия о Феодоре Греке

«Митрополичь» как прилагательное от «митрополит» можно перевести «митрополичий». Словарь древнерусского языка предлагает варианты к такому прочтению: «благословение митрополиче», «митрополичь страпчей» [33, вып. 9, с. 181]. В летописи встречается: «сести на дворе митрополиче», «митрополичь дворъ згоре» или «за митрополичью неправду» [16, с. 354; 17, т. XII, с. 70, 152]. Автор текста Никоновской летописи называет Феодора Грека «митрополичьим», но пропускает основное существительное: кто «митрополичий»? слуга, посол, стряпчий?

Если присмотреться к летописным текстам, то станет очевидно, что в сообщениях о посольствах неизменно отмечалось, что речь о «послах», а также от кого они и к кому пришли. Например, под 6583 (1075) г. в ПВЛ: «В се же лето придоша [по]сли из Немець к С(вя)тославу» [16, с. 198]. Или в 1186 г. Всеволод Юрьевич «посла к нимъ из Володимеря [по]слы своя в Рязань къ Глебовичемъ к Роману и къ Игорю и Володимеру» [16, с. 401]. О возвращении послов древнейшие тексты повествуют в иных выражениях, но с сохранением тех элементов — чьи послы и куда пришли. Так, под 6420 (912) г.: «Послании ж Олгом послы приидоша ко Олгови и поведаша...» [16, с. 38]. Или под 6453 (945) г.: «Послании же сли Игоремъ придоша к Игореву со слы Гречьскими [и] поведаша...» [16, с. 53]. Похожие формулы сохраняются в изложении легенды об испытании вер: «рече Володимеръ, се придоша послании нами мужи да слышимъ от нихъ бывшее...» [16, с. 108]. Формат известий не изменился и в летописцах рубежа XV-XVI в. Так, под 6984 (1476) г. в Московском летописном своде конца XV в.: «...пришел к нему [великому князю] посол Немецкой от короля Свеиского от Герстура, сестричич его Обран именемъ, генваря 12, а привель от

короля поминька жеребець буръ...» [19, с. 307]. И под предыдущим годом о возвращении посольства: «...пришел ис Крыму посол великого князя Никита Беклемишов от царя Менли Герея Ачигереева сына, а с ним посол царевъ Довлетек Мурза съ многими поминкы...» [19, с. 307]. Впрочем, встречаются случаи, когда можно запутаться, чей посол прибыл. Под тем же 6983 (1475) г. в том же своде: «...пришел из Риму посол к великому князю Семен Толбузин, а привел с собою мастера муроля...» [19, с. 303]. В данном случае речь о возвращении русского посольства в Венецию во главе с боярином Семеном Толбузиным, хотя из текста можно понять, что речь об иностранной миссии.

Заметно, что в тексте о Феодоре Греке отсутствуют важные элементы известия о посольстве: во-первых, герой не назван послом (или «послан»), и не отмечено, к кому он пришел. Последнее можно разяснить тем, что он «митрополичь», а следовательно, был направлен митрополитом и к нему же вернулся. Но это не оправдывает отсутствия посольского статуса.

Буквальное прочтение убеждает, что составители Никоновской летописи определенно подразумевали, что Федор Грек — митрополичий «слуга», вернувшийся из Рима. Так следовало понимать представленный текст в XVI в.

Исследования Б. М. Клосса показали, что Никоновский свод создавался в 1526-1530 гг. при непосредственном участии митрополита Даниила (1522-1539), который даже сам редактировал текст. Общественно-политические взгляды верховного московского архиерея рельефно отразились в сочинении. В летописи чуть ли не главной характеризующей чертой проступает настойчивый акцент на неприкосновенности церковного имущества; отмечены древние свидетельства о владении таковым (митрополичьи села, города); тема незыблемости имущественных прав митрополичьей кафедры подчеркивается при любом удобном случае. Другие ведущие акценты редакторской работы Даниила над летописью, отмеченные Клоссом: борьба с ересями, противостояние с Литвой и Казанью, а также интерес к рязанской истории. Иосифлянин Даниил был активным участником современной политической жизни и переносил актуальные тенденции на страницы своих сочинений (см. [11, с. 51-54, 96-130]).

В связи с нашим вопросом стоит обратить внимание, что 1520-е гг. стали периодом интенсивных контактов Москвы с римскими папами, особенно при папе Клименте VII (1523-1534). Европу тогда сотрясали не только конфликт между Францией и Габсбургами, вылившийся в многолетнюю войну в Италии, но также начало реформации и экспансия Османской империи. В противостоянии участвовали как Римский папа, так и император Священной римской империи, которым в 1520 г. стал Карл V (1500-1558; король Испании с 1516 г.; король Германии с 1519 г.). Первые папские послы достигли Москвы в 1519 г., а затем снова в 1524 и 1526 гг. В 1527 г. русские послы встретились с папой. Поднимались вопросы о церковной унии и антиосманском союзе. Позиция русских дипломатов была прагматичной: церковная уния рассматривалась лишь как возможная тема для обсуждения при условии сплочения христианских государств против Турции. Никаких реальных шагов по нивелировке церковных противоречий сделано не было. Тем не менее папа рассматривался в Москве

как важный субъект международных отношений, с которым следует вести диалог, тем более что он имел отношение к политике габсбургской империи (см. [4, т. 2, с. 107-118; 7, с. 304-305; 38, с. 215-218]).

В 1526 г. русскую столицу посетило совместное папско-имперское посольство, в котором принял участие небезызвестный Сигизмунд Герберштейн, издавший впоследствии свои «Записки о Московии» (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, 1549; авторизованный и отредактированный немецкий перевод под названием «*Moscovia*» вышел в 1557 г.), ставшие для иностранных читателей на несколько столетий образцовым источником по истории России (см. [4, т. 2, с. 102-106]). В своем сочинении Герберштейн использовал некую русскую летопись, которую прежде иногда отождествляли с Никоновской, а сейчас, после обследования вопроса Клоссом, считают родственной Ермолинской. Никоновскую, по мнению Клосса, Герберштейн не мог использовать по хронологическому признаку: он побывал в Москве до ее составления [4, т. 2, с. 295-296, 299-302]. Тем не менее «автор» Никоновской — современник Герберштейна, митрополит Даниил — мог предполагать, что ее текст будет доступен иностранцам, а потому сознательно расставлял акценты, способные подтвердить как древность контактов Москвы с Римом, так и благожелательность их. Актуальность этой темы была связана с внешнеполитическими обстоятельствами 20-х гг. XVI в. Вновь к нее вернулись в конце правления Ивана Грозного, когда царь воспользовался посредничеством папы при подписании мира с Речью Посполитой. Как вспоминал папский посол Антоний Поссевино, на одном из пиров при встрече его миссии в 1581 г. «великий князь произнес очень важную речь о союзе и дружбе своих предков с папой римским» [28, с. 198]. Оперировал оратор, очевидно, данными из летописей [11, с. 188].

Итак, надо полагать, комплекс уникальных известий об отношениях с Римом был внесен в летопись сознательно, судя по всему, с подачи митрополита Даниила. Речь идет о 9 известиях в период с 6487 (979) по 6896 (1388) гг.:

- 6487 (979) г: «Того же лета приидоша послы къ Ярополку изъ Рима отъ папы»;
- 6496 (988) г: «Приходиша послы изъ Рима отъ папы, и мощи святыхъ принесоша къ Володимеру»;
- 6499 (991) г: «Того же лета приидоша къ Володимеру послы изъ Рима отъ папы, съ любовию и съ честию»;
- 6502 (994) г: «Того же лета послы Володимеровы приидоша въ Киевъ, иже ходиша въ Римъ къ папе»;
- 6508 (1000) г: «Того же лета приидоша послы отъ папы Римскаго и отъ королей Чезьскихъ и Угорскихъ»;
- 6509 (1001) г: «Того же лета посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послехъ, въ Римъ, а другихъ во Иерусалимъ, и въ Египетъ и въ Вавилонъ, съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ»;
- 6599 (1091) г: «Того же лета прииде Феодоръ Грекъ митрополичь отъ папы из Рима и принесе много мощей святыхъ»;

- 6677 (1169) г.: «Того же лета приидоша послы отъ Римскаго папы»;
- 6896 (1388) г.: «Того же лета приидоша послы на Москву отъ папы Римскаго» [17, т. IX, с. 39, 57, 64, 65, 68, 116, 237; т. XI, с. 94].

Бросается в глаза то, что большинство известий, относящихся к периоду княжения Владимира Святого, при статьях 6499, 6502, 6509 являются производными от летописной легенды об испытании вер. В ПВЛ она содержит следующие указания: «...придоша Немци от Рима, глаголющее, яко придохомъ послании отъ папежа, и ркоша ему [Владимиру]: рекль ти папежь...»; «... (избраша мужи добры) и смыслены числом 10 и реша имъ [Владимир]... идете паки в Немце и сглядайте...церковь и службу ихъ...»; «они [послы] же придоша в землю свою, и созва князь [Владимир] бояры своя и старца, рче Володимеръ, се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее...» [8, с. 72, 93-94] (ср.: [16, с. 85, 107-108; 22, с. 132, 148-149]). Легенда представлена и в Никоновской летописи, традиционно предшествуя рассказу о Корсунском походе [17, т. IX, с. 42-53]. Содержащиеся в легенде сведения о посольствах отмечены еще и отдельными известиями (пришли послы из Рима; Владимир отправил послов в Рим; послы вернулись из Рима), но у них сбита последовательность: известие при статье 6509 (1001) г., судя по всему, не на своем месте — отправка послов Владимиром (6509) должна предшествовать их возвращению в Киев (6502).

Известие при статье 6508 (1000) г., судя по всему, также имеет в основе свидетельство ПВЛ 6504 (996) г.: «...бе живя [Владимир] с князи околными его миромъ, с Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угорьскимъ, и съ Ондриникомъ Чьшкимъ, и бе миръ межи има и любы...» [8, с. 111] (ср.: [16, с. 126; 22, с. 167]). Никоновская летопись сохранила этот текст из ПВЛ при статье 6506 (998) г. [17, т. IX, с. 67].

Источником известия при статье 6496 (988) г., возможно, было сообщение о перенесении мощей Климента, папы Римского, в Киев из Корсуни. В ПВЛ под 6496 (988) г. оно выглядит так: «Володимеръ же посемъ поемъ ц(еса)р(и)цю и Настаса и попы Корсуньски с мощми с(вя)т(о)го Климента и Фифа уч(е)н(и)ка его...» [16, с. 116] (ср.: [8, с. 101; 22, с. 155]). В Никоновской с этого начинается статья 6497 (989) г., а сообщение о принесении мощей из Рима буквально вклинивается в каноничный текст о крещении Владимира в Корсунь. Там же отмечено, что приходили послы «изъ Грекъ отъ царей, съ многою честию, и з дары и съ любовию» [17, т. IX, с. 57]. Крестившись, князь вошел в семью великих европейских государей, о чем его известили соответствующие посольства, направленные императорами Восточной Римской империи и папой Римским. Известия о многочисленных контактах с иноземными властителями поднимали престиж страны и подчеркивали древность ее христианского благочестия. Не удивительно, что из римских посольств только это сообщение (6496 (988) г.) было повторено в Степенной книге, составленной чуть позже в середине XVI в., где даже вошло в название главы: «О поставлении церкви и о посланникехъ изъ Царяграда и изъ Рима...» [13, т. I, с. 102-103].

Неожиданным должно казаться известие о римском посольстве к князю Ярополку в 6487 (979) г. Его появление не поддается удовлетворительному разьяс-

нию. Однако, оно удивительно комфортно укладывается в рамки версий о состоявшихся в те годы западноевропейских миссиях на Русь, как то: епископа Адальберта или монаха Бруно, отмеченных у Титмара Мерзебургского [36, с. 25, 130]. В. Т. Пашуто фиксировал также сохранившуюся в западной агиографии древнюю легенду о крещении князя Ярополка монахом Бруно [24, с. 121-122, 325-326]. Известиям о контактах с западными христианами Ярополка доверял даже Голубинский [5, с. 215-223]. Надо полагать, у составителей Никоновской летописи не было возможности познакомиться с латинскими сказаниями, но все иные версии выглядят еще более туманными.

Возможно, представленные в этой части Никоновской летописи сдвоенные известия (краткое и одновременно классическое пространное) являются следствием использования какого-то краткого хронографа со смещенной датировкой или набора календарных выписок. В этой связи стоит обратить внимание, что для Никоновской летописи характерно обилие уникальных свидетельств о климате и природных явлениях, которые отчасти повторяются. Причем эти свидетельства буквально идут по пятам за римскими посольствами, которые, в свою очередь, обычно соседствуют с миссиями греков:

- окончание статьи 6487 (979) г.: «Того же лета приидоша послы отъ греческаго царя къ Ярополку, и взяша миръ и любовь съ нимъ, и яшася ему на дань, якоже и отцу его и деду его. Того же лета приидоша послы къ Ярополку изъ рима отъ папы. Знамение. Того же лета быша знамения в луне, и въ солнце и въ звездахъ, и быша громи велицы и страшни, и ветри силни съ вихромъ, и много пакости бываху человекомъ, и скотомъ, и зверемъ леснымъ и полскимъ»;
- окончание статьи 6496 (988) г.: «По семь многи послы приходиша изъ Грекъ отъ царей, съ многою честию, и з дары и съ любовию. Приходиша послы изъ Рима отъ папы, и мощи святыхъ принесоша къ Володимеру. Тогда же прииде Печенежский князь Метигай къ Володимеру, и веровавъ крестися...»;
- окончание статьи 6498 (990) и конец статьи 6499 (991) г.: «... **Того же лета умножение всяческихъ плодовъ бысть** и тишина велиа отвсюду. Того же лета приидоша отъ Греческихъ царей послы о любви. Въ лето 6499. ... Того же лета приидоша изъ Грекъ въ Киевъ къ Володимеру каменосечци и зиздатеде полатъ каменныхъ. Того же лета бысть наводнение много. Того же лета прииде Печенежский князь Кучюгъ... къ Володимеру въ Киевъ и приять веру Греческую... Того же лета приидоша къ Володимеру послы изъ Рима отъ папы, съ любовию и съ честию»;
- окончание статьи 6502 (994) г.: «Того же лета бысть сухмень велика и знойно добре. Того же лета послы Володимеровы приидоша въ Киевъ, иже ходиша въ Римъ къ папе»;
- окончания статей 6508-6511 (1000-1003) гг.: «...Того же лета бысть поводъ велиа. Того же лета приидоша послы отъ папы Римскаго и отъ королей Чезьскихъ и Угорскихъ. Въ лето 6509. ... Того же лета посла

Володимеръ гостей своихъ, аки въ послехъ, въ Римъ, а другыхъ во Иерусалимъ, и въ Египеть и въ Вавилонъ, съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ. Въ лето 6510. ... Того же лета бысть течение звездамъ. Того же лета быша дожди мнози. Въ лето 6511. ... **Того же лета бысть умножение плодовъ всякихъ**»;

- конец статьи 6599 (1091) г.: «Того же лета прииде Феодоръ Грекъ митрополичь отъ папы из Рима и принесе много мощей святыхъ. **Того же лета умножение бысть плодовъ всяческихъ**»;
- конец статьи 6677 (1169) г.: «**Того же лета бысть умножение плодовъ всяческихъ**. Того же лета придоша послы отъ Римскаго папы» [17, т. IX, с. 39, 57, 64, 65, 68, 116, 237].

Особенно примечателен рефрен «Того же лета бысть умножение плодовъ всяческихъ», который дословно воспроизводится в статьях 6498 (6499-?), 6511, 6599 и 6677 гг. Повторяющиеся цифры выдают наличие правила, которым пользовался редактор, дополнявший текст однотипными свидетельствами. Возможно, им привлекались некие календарные (пасхальные) таблицы с краткими информационными пометками. Но это почерк лишь одного из редакторов. Другие свидетельства выдают более изобретательного автора. Это особенно заметно на свидетельствах о римских посольствах, которые сочетают буквальные повторы о климатических явлениях с разноформатными сообщениями о дипломатических акциях. Представим известия схематично:

- 6487: «придоша — послы — къ... — изъ Рима отъ папы»;
- 6496: «приходиша — послы — изъ Рима отъ папы — принесоша — къ Володимеру»;
- 6499: «придоша — къ... — послы — изъ Рима отъ папы — съ...»;
- 6502: «послы Володимеровы — придоша — въ Киевъ — иже ходиша — въ Римъ къ папе»;
- 6508: «придоша — послы — отъ папы Римскаго»;
- 6509: «посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послехъ, въ Римъ ...»;
- 6599: «прииде — Феодоръ Грекъ митрополичь — отъ папы из Рима — принесе»;
- 6677: «придоша — послы — отъ Римскаго папы»;
- 6896: «придоша — послы — на Москву — отъ папы Римскаго».

Очевидно, что статьи 6487, 6499, 6508, 6677 и 6896 гг. составлены по одному шаблону: использован глагол «придоша», отмечено кто («послы») и от кого. Как было отмечено выше, это вполне соответствует канону известия о посольстве. Статьи при 6502 и 6509 гг. выглядят существенно иначе, они вне канона, что, судя по всему, связано с зависимостью от легенды об испытании вер. Остаются два известия о принесении мощей (6496, 6599 гг.), но и они заметно отличаются друг от друга: «приходиша» — «прииде», «принесоша» — «принесе», «послы» — «Федоръ Грекъ митрополичь», «изъ Рима отъ папы» — «отъ папы из Рима», «къ Володимеру» — «?». Сложно предположить, что оба составлены

одним автором: в статье 6496 г. — схематичные «послы», которые приходили из Рима, уточнено, от папы, к святому князю, а в статье 6599 г. — конкретный герой («Феодор Грекъ»), который пришел от папы, то есть, уточнено, из Рима, но мощи принес вообще, а не к кому-то.

Зная о политической ангажированности митрополита Даниила, не удивительно, что повторы известий о римских посольствах князя Владимира не были замечены. С другой стороны, нельзя допустить, что все они сочинены на пустом месте. Как было показано, многие связаны с сокращениями и интерпретацией известного летописного текста. В любом случае, уникальные свидетельства Никоновской летописи не являются плодом измышлений одного человека. Это результат многослойной редакторской работы, в ходе которой привлекались разнохарактерные письменные источники.

Анализируя стиль редакторской работы митрополита Даниила над Никоновским сводом, Б. М. Клосс обратил внимание на то, что в одной из рукописей слова «от Рима» почерком Даниила переделаны на «из Рима от папы». Такое словосочетание в других источниках не встречается. Исследователь сделал вывод, что во всех случаях, когда в летописи отмечено «из Рима от папы», окончание фразы — «от папы» — это приписка редактора Никоновского свода [11, с. 118].

Действительно, такое выражение встречается в летописи многократно: «изъ Рима отъ папы» (или «въ Римъ къ папе») 8 раз [17, т. IX, с. 39, 42, 43, 57, 64; т. X, с. 172, 183; т. XII, с. 39]. В «Повести о взятии Царьграда» при статье 6712 (1204) г. несколько раз используется «къ папе въ Римъ» [17, т. X, с. 37, 38, 40]. Но если не учитывать это отдельное сочинение, где героем выступает собственно Римский папа, то в Никоновской летописи лишь однажды встречается выражение «от папы из Рима» — это сообщение о миссии Феодора Грека 6599 (1091) г. Действительно, удобнее, прочитав текст и заметив пометку «из Рима», добавить в конце «от папы». Следуя той же логике, можно предположить, что в сообщении о Феодоре Греке сначала значилось «от папы», а потом было прибавлено «из Рима».

Признав, что известия о римских посольствах не являются выдумкой одного автора и даже не редактировались в едином стиле, следует признать, что среди них особенно выделяется свидетельство о миссии Феодора Грека. Оно не имеет характеризующих признаков сообщения о посольстве, даже если выделять таковые только в Никоновской летописи или только среди римских посольств: не отмечено, что герой «посол», кем (от кого) он «послан» и к кому пришел. По формату это скорее сообщение о прибытии церковного иерарха к своей пастве. Так извещали о приезде в Киев митрополитов: в 6612 (1104) г. «приде митрополить Никифоръ в Русь» [16, с. 280]; в 6630 (1122) г. «приде митрополить изъ Ц(е)с(а)ряграда въ с(вя)тую Софью имене(мъ) Никита» [16, с. 292]; в 6664 (1156) г. «приде митрополить изъ Цряграда Костянтинъ и приять его князь с честию» [16, с. 347]; в 6745 (1237) г. «приде митрополить Гречинъ в Киевъ имене(мъ) Есифъ» [16, с. 514]. Поэтому-то Татищев и Карамзин сочли Феодора

«митрополитом» из Рима. Позволительно предположить, что редактор, встретив запись «прииде Феодоръ Грекъ митрополить отъ папы», недоумевал и поправил — заменил «тъ» на «чь», превратив высокопоставленного иерарха в кого-то «митрополичьего». Характерно, что в той же статье 6599 (1091) года аналогичное прилагательное имеет другой суффикс: «...по инымъ своимъ градомъ митрополскимъ...». Также в статье 6915 (1407) г. («въ митропольстемъ селе») и в статье 6922 (1414) г. («села митрополския»; «столь митропольский») [17, т. XI, с. 194, 224]. Может неудобное «митрополичь» лишь ошибка?

Таким образом, если допускать, что сообщение о Феодоре вымысел, то оформлен он предельно неудачно: не соответствует формату сообщений о посольствах и сохранил нелепую двусмысленность в идентификации героя (митрополичий?). Всё это убеждает, что перед нами пусть и не дословно древнее свидетельство, но сообщение, составленное на его основе и лишь слегка переделанное. Редактор не позволил себе ни добавить слово «посол» (или подобное), ни уточнить кто «митрополичий». Такая аккуратность вселяет дополнительную уверенность в достоверности сообщения. Впрочем, о датировке произошедшего приходится высказываться гипотетически. В Никоновской летописи сообщение о миссии Феодора размещено в конце статьи 6599, текст которой в значительной степени представляет собой переложение известия о строительной деятельности митрополита Ефрема Переяславского, которое в ПВЛ размещено при статье 6598 г. Далее в Никоновской пропущен 6600 г., а в статье 6601 г. сообщается о перенесении мощей Феодосия Печерского, датированных в ПВЛ 6599 г. [17, т. IX, с. 116; 8, с. 200] (ср.: [16, с. 208-209; 22, с. 18, 202]; см.: [1, с. 224]). Можно только гадать, на основании чего (контекста, конкретной даты, а если даты, то какого стиля времяисчисления?) сводчик выбрал место для размещения известия о Феодоре. Примечательно, что ранние исследователи использовали разные его датировки. Татищев относил миссию Феодора к 1090 г., Щербатов — к 1092 г., а Левек — к 1093 г. [35, с. 96; 44, с. 35; 74, с. 170-171]. Только после Карамзина закрепилась дата 1091 г. [3, с. 93; 10, с. 65; 18, т. 2, с. 184; 88, с. 132]. Но, если исходить лишь из наблюдений за летописным текстом, то датировать событие следует в более широком диапазоне от 1089 до 1092 г.

Кем был летописный Феодор Грек?

После вывода о достоверных элементах в известии о Феодоре, напрашивается вопрос о возможных исторических контекстах. Анализ известия не позволяет однозначно закрепить версию ни о «митрополичьем после», ни о «митрополите из Рима», ни о после из Рима. Пожалуй, если прочитать текст буквально и допустить пропущенное «посол» (слуга?), то получим вполне непротиворечивую информацию: например, признать миссию Феодора связанной с перепиской киевского митрополита Иоанна с антипапой Климентом и/или с подготовкой брака дочери киевского князя Всеволода Ярославича Евпраксии с германским императором Генрихом IV.

На Руси, еще не прошедшей путь христианизации, надо полагать, ощущался недостаток христианских реликвий, необходимых каждому храму не только

для отдельного поклонения, но даже для ежедневного богослужения. Мощи закладывали в основание алтаря при его строительстве, при возведении и освящении храма; их зашивали в антиминс, необходимый для литургии. Кроме того, собственно открытие и перемещение святых мощей было важным элементом средневекового благочестия (см.: [2, 59]). Большие праздники, связанные с открытием и перенесением мощей (Бориса и Глеба, Феодосия), неизменно отмечались русской летописью XI-XII вв. Прибытия большого количества реликвий было событием, достойным упоминания в письменном источнике. На волне этого в текст могло случайно попасть имя простого служки Феодора, возившего в Рим письмо.

С другой стороны, известна заинтересованность понтификов в развитии отношений с Восточной Церковью, включая Киевскую митрополию. Это отражено и в переписке германского папы Климента, и предполагается для папы Урбана. Отправка миссии в Киев в эти годы выглядит вполне уместной в рамках общего направления греко-латинской политики накануне Крестовых походов. Сопроводить такую миссию преподнесением святых реликвий было очень эффективно.

В 1087 г. группа матросов из Бари (Апулия) захватили в Мирах Ликийских (Малая Азия) гробницу с нетленными мироточивыми мощами, которые признали принадлежащими Св. Николаю Чудотворцу. Они торжественно привезли их в родной город, где вскоре специально под них был возведен храм. Освящение храма состоялось в октябре 1089 г. [65, с. 665]. По этому поводу папа римский Урбан II учредил ежегодный праздник — память перенесения мощей Св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари (9 мая)¹. Об обстоятельствах перенесения мощей сообщают два латинских сочинения (клирика Никифора и архидиакона Иоанна), составленные вскоре после этих событий (см.: [40; 41, с. 140-147; 77, с. 303-304]). Кроме того, сохранилась русская повесть о тех же событиях, записанная непосредственным свидетелем (см.: [12, с. 217; 15, с. 135-136; 23, с. 95; 39, с. 179-186; 43, с. 15-23; 51]). Более того, Русская Церковь празднует 9 мая («Николая Вешний»), отличаясь тем самым от остальных церквей как Востока, так и Запада, где этот праздник длительное время оставался локальным, известным только на Юге Италии. Всё это заставляет предполагать, что в XI в. состоялся прямой контакт папы Урбана или его представителей с Киевом, куда попали свидетельства о барийских событиях, а, возможно, и частицы мощей Св. Николая, что послужило поводом к учреждению ежегодного поминовения. Русская повесть сообщает, что перенесение мощей в Бари состоялось: «въ лета руськихъ князыи христолюбиваго князя Всеволода въ Киеве и благороднаго сына его Володимера въ Чернигове» [43, с. 4-5] (ср.: [31, с. 177; 51, с. 80-81, 144-145, 152]). Несмотря на наличие в списках повести разночтений

---

¹ Праздник впервые упоминается в булле папы Урбана от 5 октября 1089 г. [53, с. 61-63]. Подробнее см.: [73, с. 51-74; 76, с. 94-113].

в датировке — 6595-6596 (1087-1088) гг.¹, можно утверждать, что сочинение определенно указывает на события собственно весны 1087 г. Тем не менее в тексте упоминается строительство нового храма («пренесоша въ новую и великую церковь его») и его освящение папой Урбаном («къ Римьскому папе Герману») [43, с. 9] (ср.: [31, с. 180; 51, с. 116-125, 149, 155]). Таким образом, повесть была составлена никак не ранее осени 1089 г., то есть этим временем следует датировать визит в Бари автора повести. Владимир Всеволодович Мономах, как известно, в 1094 г. лишился черниговского стола и более его никогда не контролировал. Именованное его «черниговским» в более позднее время могло восприниматься не иначе как провокация, совершенно неуместная для церковного сочинения. В связи с этим можно предположить, что как появление русской повести, так и учреждение праздника 9 мая на Руси, и, возможно, прибытие в Киев частицы мощей Св. Николая следует датировать периодом с осени 1089 г. по весну 1094 г. (см.: [39, с. 228-255]).

Известно, что фрагменты реликвий Св. Николая вскоре после 1087 г. быстро распространились по Европе (см.: [76])². Причем важную роль в этом играл, судя по всему, папа Урбан, находившийся в конфликте с антипапой Климентом. Урбан был заинтересован в распространении своего влияния к северу от Альп и в других частях Европы, для чего, вероятно, использовал благожелательный предлог — отправка мощей. В этой связи прибытие мощей в Киев около 1091 г. выглядит вполне уместным (см.: [49, с. 8-9; 73, с. 51-74]).

Европу в те годы сотрясал конфликт из-за инвеституры церковных иерархов, который в начале 1080-х гг. достиг высшей степени накала и вылился в вооруженный конфликт (см.: [50, с. 106-134]). В 1080 г. папа Григорий VII (1073-1085) объявил об анафеме и низложении германского императора Генриха IV. В ответ на это Генрих созвал церковный собор, на котором в свою очередь было принято решение о низложении Григория и был избран другой верховный понтифик — архиепископ Виберт Равеннский, который объявил себя папой под именем Климент III. Затем Генрих двинул войска на Рим и занял город, вынудив Григория бежать на Юг Италии. В 1085 г. в Салерно папа Григорий умер. Сторонники реформ выбрали на его место сначала Виктора III, который вскоре умер, а затем Урбана, который принял тиару только весной 1088 г.

Можно сказать, что в 1085-1088 гг. Климент вполне мог ощущать себя победителем и действительным главой Западной Церкви. Кроме того, примерно в 1087-1088 гг. шли переговоры о заключении брака императора Генриха IV и вдовы саксонского маркграфа Адельгейды, которая, будучи дочерью киевского князя Всеволода, носила прежде имя Евпраксия. Ее муж умер летом 1087 г.,

¹ Различные списки повести используют как даты 1087-1088 гг., так и 1095-1096 г., которые все, очевидно, восходят к 6595-6596 гг., которые неверно переведены в счет от Р. X. (см. [39, с. 181; 41, с. 155-156; 51, с. 79]).

² Наличие мощей Св. Николая в чешском Сазавском монастыре упоминается уже в 1095 г. [76, с. 162].

а через два года она вступила в новый брак с германским императором (см.: [32, с. 64-84]). Контакты Климента и киевского митрополита Иоанна логично предполагать именно в эти годы, когда возможен был и обмен между ними посланиями, в которых антипапа уверенно вел речь от лица всех западных христиан¹. После 1089 г. инициативу в переговорах с Востоком перехватил папа Урбан, который вступил в переписку как с Константинопольским патриархом, так и с Византийским императором [см.: 49, с. 1-177]. В этом контексте миссия в Киев в 1091 г., направленная Урбаном, выглядит действием в унисон, а направленная Климентом — анахронизмом.

О миссии Феодора, как мы отметили, в исследованиях упоминается часто, но, что удивительно, никто прежде не пытался сопоставить «Феодора Грека митрополича» с кем-либо из известных архиереев конца XI в. Действительно, среди греческих и вообще восточных митрополитов конца XI в. нет ни одного с именем Феодор². Однако, «грек» может означать вовсе не этническую принадлежность, но только знание языка, который, например, в Южной Италии был всё ещё широко распространён. Существовали даже грекоязычные епископы, признававшие верховенство Римского папы; в некоторых общинах вели богослужение на греческом [75, с. 13-14, 494-518]. «Феодором Греком» на Руси в конце XI в. вполне могли назвать священнослужителя Западной Церкви.

«Митрополичь» (или митрополитом) могли назвать, надо полагать, архиерея рангом не ниже епископа или кардинала-пресвитера, что вполне соответствует высокому статусу папского легата. В окружении римских понтификов в конце XI — начале XII вв. было немного таких с именем, похожим на Феодор: *T(h)eodor, T(h)eodorico, T(h)eodoricus, T(h)eoderich, etc.*

В 1113-1115 гг. в документах упоминается кардинал-пресвитер церкви Сан-Крисогоно (лат. *Sancti Chrysogoni*; ит. *San Crisogono*) Теодорих (*Theodoric, Theodoricus*). 8 сентября 1115 г., будучи легатом в Германии, он выступил в Госларе перед собранием князей, которых убеждал поддержать церковную реформу и не вмешиваться в дальнейшем в выборы архиереев. Умер он в конце того же 1115 г. и похоронен в Кёльне [64, с. 218; 70, с. 122].

¹ Большинство исследователей принимает датировку 1088-1089 гг. [27, с. 27; 30, с. 69; 32, с. 78; 49, с. 7; 73, с. 32-41]. Существуют и другие версии. Присёлков считал, что послание следует относить к началу 1080-х гг., Р. Г. Пихоя в специальной работе отдал предпочтение периоду 1084-1085 гг., а Назаренко чуть расширил рамки: с 1084 по 1085/1086 гг. Исследователи опирались прежде всего на статус Климента и общеполитическую обстановку, а не только на его предполагаемое участие в переговорах о новом браке Евпраксии [21, с. 544-546; 25, с. 135; 29, с. 84-88]. Позицию Назаренко недавно энергично поддержал Раффеншпергер, но при этом послание Иоанна Клименту датировал «второй половиной 1080-х» [82, с. 81-82].

² В источниках этого времени встречается только архиепископ Херсонский Феодор, участник синода осудившего Льва Халкидонского в конце 1094 — начале 1095 (или во второй половине 1092) г. [62; 79, т. 127, с. 972-984].

Также известен аббат бенедиктинского монастыря Св. Троицы (Trinità della Cava) в Салерно Теодорих (*Theoderich, Teodorico*), который ок. 1084 г. примкнул к антипапе Клименту III и стал кардиналом-дьяконом церкви Санта-Мария на Виа Лата (*Sanctae Mariae in Via Lata*). С этим титулом он упоминается среди подписантов одного из посланий папы Климента в ноябре 1084 г. Позднее известий о нем нет вплоть до 1098 г., когда Климент сделал его кардиналом-епископом Альбано. После смерти Климента в сентябре 1100 г. конклав объявил Теодориха (анти)папой. Его понтификат продолжался чуть более трех месяцев — в начале 1101 г. он умер и похоронен в родном монастыре (надгробие сохранилось) [64, с. 92-93; 70, с. 116; 81].

Собственно, это и всё, если искать буквальное соответствие имени Феодор. Однако, русский летописец вполне мог транскрибировать так чуть иное имя, не знакомое на Руси. В этой связи особенно примечательным становится известие о папском легате в Венгрии Теуцо (*Teuzo*). Он дважды упоминается в грамоте венгерского короля Ласло I об учреждении бенедиктинского аббатства Св. Эгидия в Шомодьваре (венгр. *Somogyvár*) от 1 сентября 1091 г. [52, с. 468-471; 57, с. 266-268; 85]. Сначала просто первым среди гостей: «легат Святой Римской Церкви Теуцо» (*Teuzo sancte romane ecclesie legatus*). За ним следует аббат Одилон монастыря Св. Эгидия в Провансе (*Saint-Gilles du Gard*), чьим дочерним учреждением стала вновь основанная обитель в Шомодьваре. Чуть ниже Теуцо отмечен среди свидетелей как кардинал: *Dominus Teuzo cardinalis* [52, с. 470-471; 57, с. 268, 269].

Латинизированная форма *Teuzo* известна в вариантах: *T(h)euoto, Teutonicus, T(h)eu(z)o, Teuzzono* и даже *Deltuzo* или *Zeuzo*¹. Классик немецкой филологии Я. Гримм производил ее в качестве диминутива от Дитрих, Теодорих (*Dietrich, T(h)eodoricus, Teudericus*): переходная форма — Дитц (*Dietz; T(h)ietz*) [61, с. 692]. То есть греку или русскому Теуцо должен был представляться как Феодор.

Миссию Теуцо в Венгрии традиционно связывают с недавним завоеванием Хорватии. В 1091 г. король Ласло (Владислав) I захватил Славонию и большую часть Хорватии, где пресеклась местная династия. Новым хорватским правителем был объявлен его племянник Альмош. Это вызвало недовольство в Константинополе. Высказывались предположения, что именно византийцы подговорили половцев совершить в том же году налет на Венгрию. Кроме того, в свое время хорватский король Звонимир (ум. в 1089 г.) принес присягу на верность папе Григорию VII, отчего понтифик рассматривал Хорватское королевство в качестве вассала. Судя по всему, Урбан II потребовал от Ласло и Альмоша принести аналогичную присягу. Венгерский король отказался и немедленно перешел в лагерь противников Урбана, примкнув к германскому императору Генриху IV. Антипапа Климент III, ставленник Генриха, мог направить в 1091 г. легата для урегулирования церковных отношений [48, с. 167]. Дополнительным доказательством того, что Ласло не принадлежал к сторонникам клюнийской реформы иногда признают условия учредительной грамоты Шомодьварского аббатства, где оговаривалась зависимость аббата от короля.

¹ Другие сходные варианты см.: [83, с. 216, 235].

Недавно эти положения попытался оспорить венгерский исследователь Г. Кишш (см.: [67, 68]). Он собрал все известия о легатах, епископах и кардиналах конца XI в. по имени *Teuzo*:

1. 28 июня 1074 г. среди утвержденных папой Григорием VII архиепископов назван епископ Кьети (ит. *Chieti*) Теуцо: *Teuzo Teatinus* [54, с. 123].
2. В трех письмах папы Григория VII в 1077-1079 гг. упоминается монах Теуцо (Тевзон; *Teuzo(n)*) в качестве участника посольства в Англию и Францию. Он выступал одним из двух (или трех) легатов и отмечался последним. Их миссия была связана с разрешением конфликта вокруг выборов епископа Доля в Бретани. Король Вильгельм (Завоеватель) противился кандидатуре, согласованной папой. В письме от 23 сентября 1079 г. отмечено, что Теуцо лично говорил с королем и был при этом резок (*Significasti autem nobis Teuzonem quasi ex parte nostra legatum adversus Anglicum regem verba fecisse*) [54, с. 322; 55, с. 386, 459; 65, с. 626-627, 632].
3. 14 сентября 1092 г. при освящении Урбаном II собора Св. Троицы дела Кава (ит. *Trinità della Cava*; лат. *abbatia Territorialis Sanctissimae Trinitatis Cavensis*) около Салерно присутствовал кардинал-дьякон Св. Георгия в Велабро (Сан-Джорджио-ин-Велабро; лат. *Sancti Georgii in Velabro*) Тевто(н) (*Teutio(n)*): *Teutione ex Diaconia Sancti Georgii ad Velum aureum... Teutio diaconus Cardinalis* [65, с. 670; 89, с. 46, 48] (ср.: [80, т. 151, кол. 348, № 66]; см. также: [64, с. 227; 69, с. 218]). Он назван последним среди кардиналов.
4. Кардинал-пресвитер Теуцо был среди свидетелей (пятым из кардиналов, но не последним) в акте о разрешении Урбаном II спора между аббатством Св. Эгидия (*Saint-Gilles du Gard*) и его покровителем герцогом Тулузским Раймондом IV, датированном 18 февраля 1095 г. в Кремоне: *Ego Teuzo presbyter cardinalis subscripsi* [65, с. 676-677; 80, т. 151, кол. 400, № 127].
5. В постановлении Урбана II по процессу каноников Тура от 14 марта 1096 г. среди кардиналов первым назван *Teuzone* [65, с. 685; 80, т. 151, кол. 450, № 177]. В папском подтверждении решений турского синода по тому же вопросу от 30 марта 1096 г. снова первым указан «кардинал (Т)Эузонис»: *Signum Heuzonis cardinalis* [65, с. 686; 80, т. 151, кол. 457, № 185]. Его полный титул нигде не отмечен. Место подписания первого документа — Тур, второго — Пуатье.
6. В письме Урбана II 24 апреля 1099 г. архиепископу Лиона среди свидетелей вторым из трех кардиналов назван кардинал-пресвитер Теуцо Свв. Иоанна и Павла (лат. *Sancti Ioannis et Pauli*; ит. *Santi Giovanni e Paolo*): *Teuzon de titulo Sanctorum Iohannis et Pauli... presbiteris cardinalibus* [65, с. 700; 80, т. 151, кол. 544, № 292]. Документ написан в Риме.
7. Теуцо, кардинал-пресвитер храма Свв. Иоанна и Павла, отмечен свидетелем в трех актах папы Пасхалия II, датированных ноябрём 1100 г.: привилегия епископу Апулии 10 ноября (*Ego Teuto cardinalis SS. Joannis et*

Pauli subsc.), папская булла 14 ноября (*Ego Teuzo cardinalis sanctorum Joannis et Pauli*) и привилегия монастырю Клуни 15 ноября (*Ego Teuto cardinalis SS. Joannis et Pauli*) [65, с. 707; 80, т. 163, кол. 49, 51, 53, № 29, 30, 31]. Первый документа подписан около Кассино, а два остальных в Ананьи (Лацио).

8. Приближенный папы Урбана II по имени Теуцо (*Teucer*) многократно упоминается в сатирическом сочинении некоего Гарсия из Толедо (*Garsia Tholetanus*), написанном ок. 1098-1099 гг. [87, с. 427, 430, 434, 435]. Издатель однозначно отождествлял его с одним из кардиналов, которые также упоминаются в тексте [87, с. 424] (см. подробнее: [68, с. 38]).

Все перечисленные священнослужители по имени Теуцо принадлежали к окружению пап-реформаторов (Григорий VII, Урбан II, Пасхалий II). Существует лишь одно гипотетическое указание на то, что некий высокопоставленный священнослужитель по имени Теуцо (Теуто) был также в кругу антипапы Климента III. В письме епископу Палестрины Конону папа Геласий II 13 апреля 1118 г., кажется, упомянул такового [65, с. 776; 80, т. 163, кол. 492-493, № 9]. Впрочем, это вполне могло быть ошибкой¹. Кишш считает, что позднее припоминание, пусть и спустя всего двадцать лет, вполне могло быть недоразумением. Ведь имени *Teuzo* нигде не встречается в корреспонденции Климента (Виберта). В любом случае, сложно допустить, что именно представитель антипапы легитимизировал сохранившийся устав обители в Шомодьваре, ведь позднее его должны были бы признать утратившим силу [68, с. 33, 36]. Венгерский исследователь считает, что прежде чем разорвать отношения с Урбаном из-за Хорватии, Ласло попытался договориться с папой. Известно письмо Ласло, отправленное им во время кампании в Хорватии аббату Монтекассино, в котором король предлагал папе прислать представителя для разрешения спорных вопросов [57, с. 272]. Именно с этим был

¹ Кишш цитирует текст почему-то по статье Х.-В. Клевица и представляет его следующим образом: *In hoc autem tanto facinore nullum de Romano clero imperator Deo gratias habuit socium. Sed Wibertini quidam: Romanus de s. Marcello, Centius qui dicebatur Crisogoni et Teuzo, qui tanto per Daciam tempore debachatus est, tamen infamem gloriam celebrarunt* [68, с. 32; 69, с. 167]. В издании Миня этот текст имеет существенные отличия: *In hoc autem tanto facinore nullum de Romano clero imperator, Deo gratias, socium habuit. Sed Wibertini quidam, Romanus de Sancto Marcello, Centius, qui dicebatur Sancti Grysogoni, et Teuto, qui tanto per Italiam tempore debacchatus est, tam infamem gloriam celebrarunt* [80, т. 163, кол. 493]. Прежде всего речь об имени: *Teuzo* вместо *Teuto*. А также о месте событий: *Daciam* (Дакия?) вместо *Italiam* (Италия). Причины таких разночтений мне не ясны. Кроме того, упоминаемые кардиналы-пресвитеры Роман Сан-Марчелло (лат. *Sancti Marcelli*) и Центиус Сан-Крисогоно вполне известны среди сторонников антипапы Климента. Один из них, Роман, судя по всему, еще был жив в 1118 г. [64, с. 186; 70, с. 73, 217]. Про Теуцо (Теуто) ничего подобного сказать нельзя. Он вообще не имеет титула. И если перед нами не просто «германцы» (*teuto*), «которые бесчинствовали долгое время в Италии», то стоит подумать, что имелся в виду антипапа Теодорих (1100-1101 гг.), названный чуть пренебрежительно.

связан визит легата в 1091 г.¹, а также щедрые пожертвования короля Шомодьварскому аббатству, переданному на попечение конгрегации Св. Эгидия — монастыря Сен-Жиль-дю-Гар. Особенно примечательным Кишшу представляется участие Теуцо в феврале 1095 г. в урегулировании отношений этого монастыря с герцогом Раймондом Тулузским, будущим предводителем крестового похода. Во время большого вояжа по Франции в 1095-1096 гг. папа Урбан дважды останавливался в устье Роны у Св. Эгидия. В марте 1096 г. Теуцо определенно был рядом с папой Урбаном в Туре и Пуатье. Всё это представляется как ряд мер по подготовке к предпрятию по освобождению Гроба Господня, в которых сильное участие принимал и кардинал Теуцо. Повелитель Юга Франции, Раймонд стал в итоге одним из самых влиятельных участников похода на Восток, а монастыри Св. Эгидия (как в Провансе, так и в Шомодьваре) — этапами на пути пилигримов. Собственно легат папы Адемар Ле-Пюи во время крестового похода находился в войске Раймонда Тулузского, который считался главным кандидатом в будущие Иерусалимские короли.

Кишш однозначно сводит к одному лицу всех деятелей по имени Теуцо, упоминаемых выше. Исключение составляет только епископ Къети. В остальном — это известия об одном человеке, который в 1077-1079 гг. был монахом и выполнял миссию в Англии, в сентябре 1092 г. известен как кардинал-дьякон Св. Георгия в Велабро (Сан-Джорджио-ин-Велабро), а с апреля 1099 по ноябрь 1100 г. — как кардинал-пресвитер Свв. Иоанна и Павла (Сан-Джованни-э-Паоло) [68, с. 36-37]². В 1091 г. его посольство в Венгрию оказалось неудачным. Он рассчитывал включить Ласло в круг сторонников папы Урбана, получить вас-

---

¹ Выводы Кишша принимает П. Новак [78, с. 363].

² Сомнения для такого однозначного вывода всё же остаются. Прежде всего, они касаются соотношения монаха Теуцо из переписки папы Григория 1077-1079 гг. с кардиналом Теуцо 1091 или 1092 г. Никаких формальных оснований связывать этих людей у нас нет. Более чем десятилетний промежуток между известиями о них слишком велик. Кроме того, в 1092 г. Теуцо отмечен как кардинал-дьякон, а это не самая очевидная иерархическая ступень для монаха. Как известно, кардиналом-дьяконом мог стать простой клирик — не священник, не монах, не тем более епископ. И наконец, Теуцо (Teuzo, Teuzon, пр.) — вполне распространенное имя для Центральной Италии в XI в. Можно сказать даже, что именно в указанное время и в указанном месте оно и было распространено. За пределами XI в. упоминания имени Teuzo единичны. В переписке герцогини Матильды Тосканской за последние 30 лет XI в. отмечено не менее 16 человек самого разного социального происхождения с именем Teuzo (Teutio, T(h)eutus, Teuzus) [56, с. 548]. Многочисленны другие упоминания в XI в. [58, с. 34, 39, 49, 51, 67, 432; 60, с. 555]. В большинстве своем они определенно являются жителями Центральной Италии — Лацио, Тоскана. Это имя встречается и среди церковных клириков. В одном из документов кардинала Бонусеньора (кардинал-пресвитер Санта Мария в Трастевере (за Тибром)) 28 апреля 1083 (1084) г. упоминается некий дьякон Теуцо (Teuzo diacono), предположительно относящийся к храму Св. Петра в Риме [66, с. 396]. Сопоставить кардинала-дьякона 1092 г. с этим дьяконом у нас столько же прав, как и с монахом из переписки папы Григория 1077-1079 гг.

сальную присягу за Хорватию, а также, возможно, согласовать содействие короля в позднейшем крестовом походе. Судя по тому, что в посольстве принимал участие сам аббат монастыря Св. Эгидия в Провансе, это предприятие готовилось заранее. Вероятно, строительство базилики в Шомодьваре уже началось, а высокие гости прибыли на ее освящение. Несмотря на пышные торжества и благожелательный прием, целей своих Теуцо не достиг. Ласло отказался произносить клятву верности папе за Хорватию, а вскоре после отъезда Теуцо вообще перешел на сторону императора Генриха.

В связи с тем, что около 1091 г. нам не известны иные кардиналы по имени Теодорих (Теуцо), а один из существующих находился в это время относительно недалеко от границ Руси в Венгрии, позволительно предположить, что именно он — Теуцо, кардинал-дьякон Св. Георгия в Велабро — был тем, кого русский современник назвал «Феодор Грек». Если принять гипотезу Кишша о тождестве всех отмеченных Теуцо, то перед нами предстает опытный дипломат с хорошим знанием нескольких языков: очевидно, латинского; скорее всего, итальянского; надо полагать, французского, причем в диалектах севера и юга, так как Раймонд Тулузский говорил на провансальском, а Вильгельм Завоеватель — на нормандском. Как Теуцо общался с Ласло — остается только гадать, но в таком ряду греческий не выглядит невероятным. На Руси другие языки ему бы не помогли.

Дополнительным аргументом в пользу того, что Теуцо мог быть тем папским легатом, который в 1091 г. отправился на Русь, служит всё та же уставная грамота Шомодьварского аббатства, где среди свидетелей упомянут на почетном третьем месте после короля, его дяди и брата «Ярослав, сын короля Руси, зять» (...*Gerazclaus filius regis Rutenorum gener ipsius...*) [52, с. 469; 57, с. 268]. По единодушному мнению исследователей, речь о Ярославе Святополчице, сыне Святополка Изяславича. Его брак с дочерью Ласло следует относить к периоду не многим ранее 1091 г. [6, с. 694; 21, с. 551, 563, 575; 24, с. 53, 425; 45, с. 49]. По мнению Назаренко, причиной поездки Ярослава в Венгрию были осложнения во взаимоотношениях его отца с великим князем Всеволодом Ярославичем [21, с. 552-556]. На повестке дня уже стоял вопрос о наследовании Киева после состарившегося и разболевшегося Всеволода (умер в апреле 1093 г.). Судя по всему, в 1091 г. Святополк желал заручиться поддержкой своих прав у венгерского короля. В том же году на Венгрию дважды нападали половцы. Поздняя венгерская хроника (ок. XIV в.) сообщает, что в 1092 г. король Ласло совершил поход на Русь в ответ за набеги половцев [84, с. 412-414]. Существуют разные версии о причинах этого предприятия и его цели. Назаренко считает, что половецкие набеги были инициированы с подачи князя Всеволода, а своей кампанией Ласло продемонстрировал поддержку прав Святополка на киевский стол [21, с. 552-556]. Напротив, в недавней специальной работе венгерская исследовательница С. Ковач предпочла сопоставлять действия Ласло с походом на «ляхов» Василька Тербовольского, который действовал как раз в союзе с половцами. С остальными русскими князьями, считает Ковач, у венгров сохранялись мирные отношения. Собственно набеги половцев на Венгрию в 1091 г. она

считает независимым предприятием самих кочевников; размещает оба набега в рамках одного 1091 г. и локализует в Трансильвании [72, с. 181-185]. Как бы то ни было, очевидно, что в 1091 г. между Русью и Венгрией (а также, вероятно, Германией и Польшей) шли важные переговоры. Версия о том, что при этом заметную роль играл вопрос о киевском престолонаследии представляется очень перспективной. Можно предположить, что кардинал Теуцо (Феодор?)¹ попытался совместить миссию по налаживанию церковных контактов с намерением сгладить конфликт Всеволода Ярославича и Святополка. Кроме того, очевидно, что архиерею было безопаснее перемещаться из Венгрии к Киеву в свите знатного князя, королевского зятя. Тем более с ценными реликвиями в багаже.

Надо полагать, если миссия легата папы Урбана в Киев состоялась, то она должна была быть связана со знаковыми событиями церковной, и политической жизни тех лет. Как известно, князь Изяслав Ярославич в 1073 г. был изгнан из Киева и отъехал с детьми в Польшу, а затем в Германию, откуда одного из сыновей (вероятно, Ярополка) послал в Рим. Он упоминается в письмах папы Григория весной 1075 г., причем, судя из текста, признал в ходе переговоров Русь папским леном [65, с. 614] (см.: [21, с. 535-536; 24, с. 42, 129-130]). Святополк в те годы также сопровождал отца. Надо полагать, контакты с Западной Церковью стали в среде Изяславичей традиционными. Ярослав Святополчич, королевский зять, в 1091 г. в Венгрии искал политической поддержки. С этой целью он вполне мог последовать примеру деда и обратиться к папскому представителю за содействием.

Легату было что сказать Киеву. Недавнее перенесение мощей Св. Николая Чудотворца преподносилось современникам как спасение христианских реликвий от небрежения неверных. Контроль Византии над Малой Азией был фактически утрачен. На полуострове хозяйничали сельджуки. К 1091 г. Восточная империя находилась на грани выживания. Балканские области заполнили печенеги, а с востока наседали турки. Границы империи сократились до стен Константинополя. Холодной и снежной зимой 1090-1091 г., по свидетельству Анны Комниной, «опасаясь внезапных набегов скифов», жители византийской столицы «даже не решались открывать ворота» города [14, с. 182] (см.: [9, с. 314-316; 39, с. 203-227; 47, с. 132-135]). В таких условиях перенос почитаемых святых на запад, в христианские области, действительно выглядел спасением и предвестником будущих крестовых походов, священной войны за возвращение реликвий. Именно об этом мог говорить римский посол в Киеве при дворе князя Всеволода, когда на Руси уже заметили активизацию степняков (печенегов и половцев), неверных, грабителей христиан. Более того,

---

¹ Любопытно, что в Патриаршем списке Никоновской летописи, легшим в основу ее публикации, содержится ошибка в имени Феодора Грека, который назван «Феодо» [17, т. IX, с. 116]. Работы Клосса показали, что оригиналом Никоновской летописи был список М. А. Оболенского, а Патриарший список — копия конца 1550-х гг. [11, с. 43-51]. К сожалению, написание «Феодо», скорее всего, связано с элементарной утратой титла.

всё это было вполне согласно с политикой самой Византии, многократно обращавшейся в те годы на Запад за военной помощью (см.: [14, с. 182-186; 47, с. 157-160; 49, с. 108-177; 63]).

Папский посол мог предпринять и попытку подчинения Русской Церкви Риму. Ему было что предложить Киеву. Прежде всего, он мог предложить право свободного выбора верховного иерарха — митрополита Киевского, с условием, что после выборов его утвердит папа Римский. Такой порядок был нормой в Европе, где конфликт из-за инвеституры развивался по другой плоскости. Архиереев традиционно утверждал король, чем обеспечивал их большую зависимость от себя, нежели от Рима. Понтифики-реформаторы пытались выровнять ситуацию. Но они не оспаривали право короля (императора) согласовывать кандидата в епископы. Они требовали лишь отказа королей принимать у епископов присягу после их инвеституры в Риме, то есть приоритета духовной инвеституры над светской, запрета на принесение каких-либо клятв рукоположенными архиереями (см.: [50]). В Киеве такой проблемы, насколько известно, не существовало. Напротив, великий князь был лишен каких-либо прав при выборе митрополита, ему его просто присылали от патриарха. Все попытки изменить ситуацию (случаи Иллариона и Клим Смолятича) воспринимались греками как бунт и к успеху не привели (см.: [34, с. 33-55]). Однако сами эти попытки говорят о наличии стремления к формированию национальной церкви [82, с. 175-177]. После смерти митрополита Иоанна, в 1089-1090 г. в Константинополь за новым первосвященником ездила дочь Всеволода Анна, возможно, пытавшаяся договориться об ином режиме назначения первосвященника или хотя бы выбрать достойного. Кажется, в византийской столице над ней просто посмеялись. В русской летописи с горечью отмечено, что присланный после этого патриархом новый митрополит «от года бо до года пребывъ, умре; бе же се мужь не книжень и умомъ простъ и просторекъ» [8, с. 200] (ср.: [16, с. 208]). Думается, после смерти такого главы Русской Церкви в Киеве могли вновь задуматься о приобретении независимых прав утверждения кандидатов на такой значительный пост. Надо полагать, недовольство вполне могло вылиться и в запрос по ситуации к соседнему патриархату — в Рим. Появление в этот момент папского легата было очень своевременным. Можно предположить, что посол узнал о церковной ситуации на Руси от Ярослава Святополчича и попытался воспользоваться конъюнктурой, сложившейся там на рубеже 1091-1092 гг. Впрочем, это могла быть и не его личная инициатива, а задумка папской курии.

О реальных результатах предполагаемой миссии Феодора можно высказать лишь с еще более низкой степенью вероятности. Судя по всему, существенных результатов она не принесла и уже из-за этого не могла быть удостоена упоминания летописцем, но лишь короткой приписки на полях забытого манускрипта, обнаруженного через многие столетия в пыли митрополичьего архива.

Заключение

Известие о Феодоре в сохранившемся виде нельзя назвать стандартным. Даже если оно посвящено только прибытию мощей из Рима, перед нами уникальное свидетельство христианского единства. Включение такой информации в летопись сводчиками XVI в., работавшими в далекой Московии, когда Европу сотрясала Реформация, иначе как знаковым не назвать. Надо полагать, извлекая из запасников новость о прибытии святых реликвий от Римского папы, редактор делал концептуальный жест. Подчеркивалась не только древность контактов западного патриархата с Русью, то есть Московией, последним осколком Восточной Церкви, но отмечался пример благочестия, которое еще не было разделено по линии Восток — Запад. Культ мощей, отвергнутый Реформацией, стал в те годы маркером нового церковного раскола, в котором католики и православные оказались по одну сторону. Всё это неожиданно дало повод к привлечению сведений о ситуации, которая существовала в Церкви в конце XI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания / Н. Г. Бережков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 377 с.
2. Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / П. Браун. М.: Росспэн, 2004. 207 с.
3. Васильевский В. Г. Труды / В. Г. Васильевский. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. Т. 1: [Византия и печенеги; Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков; О варяго-руссах]. 401 с.
4. Герберштейн С. Записки о Московии / С. Герберштейн / под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1-2. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
5. Голубинский Е. Е. История русской церкви / Е. Е. Голубинский. М.: Университетская типография, 1901. Т. 1. Ч. 1. 968 с.
6. Донской Д. В. Рюриковичи. Исторический словарь / Д. В. Донской. М.: Русская панорама, 2008. 864 с.
7. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.) / А. А. Зимин. М.: Мысль, 1972. 452 с.
8. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. II. 938 с.
9. История Византии: в трех томах / отв. ред. С. Д. Сказкин. М.: Наука, 1967. Т. 2. 472 с.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. М.: Наука, 1991. Т. 2-3.
11. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков / Б. М. Клосс. М.: Наука, 1980. 312 с.
12. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. М.: Типография Грачёва и комп., 1871. 479 с.
13. Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. XXI. 598 с.

14. Комнина А. Алексиада / А. Комнина / Перевод, комментариев и статьи Я. Н. Любарского. СПб: Алетейя, 2010. 688 с.
15. Крутова М. С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности / М. С. Крутова. М.: Мартис, 1997. 222 с.
16. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I. 733 с.
17. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. IX-XIV.
18. Макарий, епископ Винницкий. История русской церкви / Макарий (Булгаков). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857. Т. 2. 368 с.
19. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. XXV. 488 с.
20. Мошин В. А. Послание русского митрополита Леона об опресноках в Охридской рукописи / В. А. Мошин // *Byzantinoslavica*. Прага. 1963. Т. 24. С. 87-105.
21. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. / А. В. Назаренко. М.: Языки славянской культуры, 2001. 784 с.
22. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. III. 720 с.
23. Охридски К. Събрани съчинения Т. 2. / К. Охридски / обработали: Ангелов Б. Ст., Куев К. М., Кодов Хр., Иванова Кл. София: Издателство на Българската академия на науките, 1977. 846 с.
24. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1968. 472 с.
25. Пихоя Р. Г. Византийский монах — русский митрополит Иоанн II как канонист и дипломат / Р. Г. Пихоя // *Античная древность и средние века*. Свердловск. 1975. Вып. 11. С. 133-144.
26. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.) / Г. Подскальски. СПб.: Византиноведение, 1996. 572 с.
27. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI-XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1992. 214 с.
28. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / А. Поссевино / перевод, вступительная статья и комментарий Л. Н. Годовиковой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. 272 с.
29. Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. / М. Д. Присёлков. СПб.: Наука, 2003. 245 с.
30. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X-XV веках / Б. Я. Рамм. М.-Л.: Академия наук СССР, 1959. 284 с.
31. Рогожский летописец. Тверской сборник [Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью] // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XV. 432 с.
32. Рюсс Х. Евпраксия-Адельгейда: биографический этюд / Х. Рюсс // *Rossica Antiqua*. 2010. Вып. 2. С. 54-112.
33. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. М.: Наука, 1975-2008.
34. Соколов П. П. Русский Архиепископ из Византии и право его назначения до начала XV века / П. П. Соколов. Киев: типография И. И. Чоколова, 1913. 578 с.

35. Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 томах. / В. Н. Татищев. М.: Ладомир, 1995. Т. 2, 3: [История Российская: часть вторая]. 688 с.
36. Титмар Мерзебургский. Хроника: в 8 кн. / Титмар Мерзебургский / перевод с лат. И. В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2005. 254 с.
37. Тихомиров М. Н. Русское летописание / М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1979. 556 с.
38. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. М.: Наука, 1980. 294 с.
39. Хрусталёв Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском / Д. Г. Хрусталев. СПб.: Евразия, 2002. 448 с.
40. Чоффари Д. Иоанн архидиакон: «Historia translationis Sancti Nicolai» в средневековой Европе / Д. Чоффари // Евразия. Духовные традиции народов. 2012. № 4. С. 204-216.
41. Чоффари Д. Перенесение мощей святителя Николая в латинских источниках XI в. и в русских рукописях / Д. Чоффари // «Правило веры и образ кротости...» Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М.: Изд-во православного Свято-Тихоновского Богословского ин-та, 2004. С. 135-166.
42. Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI в. / М. Э. Шайтан // Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 год. Вып. 1 (34). Л., 1927. С. 3-26.
43. Шляпкин И. А. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам / И. А. Шляпкин. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1881. Памятники древней письменности и искусства. 23 с.
44. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен / М. М. Щербатов. СПб.: Императорская Академия наук, 1771. Т. 2. 671 с.
45. Юрасов М. К. Русско-венгерские отношения начала XII в. / М. К. Юрасов // Древняя Русь. 2006. Вып. 3 (25). С. 47-56; Вып. 4 (26). 2006. С. 67-78.
46. Abraham W. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi / W. Abraham. Lwów: Tow. dla Popierania Nauki Polskiej, 1904. Т. 1.
47. Angold M. The Byzantine Empire, 1025-1204. A political history / M. Angold. London — New York: Longman, 1997. 375 p.
48. Becker A. Papst Urban II. (1088-1099) / A. Becker. Stuttgart, 1964. Т. 1: [Herkunft und kirchliche Laufbahn. Der Papst und die lateinische Christenheit]. (Schriften der MGH. Bd. 19, I).
49. Becker A. Papst Urban II. (1088-1099) / A. Becker. Stuttgart, 1988. Т. 2: [Der Papst, die griechische Christenheit und der Kreuzzug]. (Schriften der MGH. Bd. 19, II).
50. Blumenthal U.-R. The Investiture Controversy. Church and Monarchy from the Ninth to the Twelfth Century / U.-R. Blumenthal. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. 216 p.
51. Cioffari G. La leggenda di Kiev. Слово о перенесении мощей Святителя Николая. La traslazione delle reliquie di S. Nicola nel racconto di un annalista russo contemporaneo / G. Cioffari. Bari, 1980.
52. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Studio et opera G. Fejér. Budaë, 1829. Т. 1.
53. Codice diplomatico Barese. Vol. 1. Le pergamene del duomo di Bari (952-1264). Bari, 1897.
54. Das Register Gregors VII / Hrgb. von E. Caspar. Bd. 1, Buch I-IV. Berlin, 1920. (MGH, Epistolae selectae, T. II, fasc. 1).

55. Das Register Gregors VII / Hrgb. von E. Caspar. Bd. 2, Buch V-IX. Berlin, 1923. (MGH, Epistolae selectae, T. II, fasc. 2).
56. Die Urkunden und Briefe der Markgräfin Mathilde von Tuszien / Hrgb. von E. Goez, W. Goez. Hannover, 1998. (MGH Laienfürsten— und Dynasten— Urkunden der Kaiserzeit. II).
57. Diplomata Hungariae Antiquissima / Ebendo operi praefuit Gy.Györffy. Budapestini, 1992. Vol. 1: [Ab anno 1000 usque ad annum 1131].
58. Fedele P. Carte del monastero dei Ss. Cosma e Damiano in Mica aurea. Parte I. Secoli X e XI / P. Fedele // Archivio della R. Società Romana di Storia Patria. 1899. Vol. XXII. Pp. 25-107, 383-447.
59. Geary P. J. Furta Sacra: Thefts of Relics in the Central Middle Ages / P. J. Geary. Princeton, 1990.
60. Ginatempo M. Tracce d'antroponimia dai documenti dell'abbazia di San Salvatore a Isola (Siena) 953-1199 / M. Ginatempo // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age, Temps modernes. 1994. T. 106. № 2. Pp. 509-558.
61. Grimm J. Deutsche Grammatik / J. Grimm. Göttingen, 1831. T. 3.
62. Grumel V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Les actes des patriarches. Fasc. II-III. Les registres de 715 a 1206 / V. Grumel / Deuxième édition revue et corrigée par J. Darrouzès. Paris, 1989.
63. Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I. und Papst Urban II. im Jahre 1089 / W. Holtzmann // Byzantinische Zeitschrift. 1928. Bd. 28. S. 38-67.
64. Hüls R. Kardinäle, Klerus und Kirchen Roms: 1049-1130 / R. Hüls. Tübingen, 1977. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom; 48).
65. Jaffé Ph. Regesta Pontificum Romanorum / Ph. Jaffé. Lipsiae, 1885. T. 1.
66. Johrendt J. Die Diener des Apostelfürsten: das Kapitel von St. Peter im Vatikan (11.-13. Jahrhundert) / J. Johrendt. Berlin — New York, 2011. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom, 122).
67. Kiss G. B. «Teuzo sancte Romane Ecclesie legatus ... Teuzo cardinalis». Adalékok az I. László-kori pápai-magyar kapcsolatok történetéhez / G. B. Kiss // «Magyaroknak eleiről». Ünnepi tanulmányok a hatvan esztendő Makk Ferenc tiszteletére. Szeged, 2000. O. 265-276.
68. Kiss G. B. «Teuzo sancte Romane Ecclesie legatus ... Teuzo cardinalis». Contribution aux relations de la Papauté et du roi hongrois Ladislas Ier à la fin du XIe siècle / G. B. Kiss // Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis. V. Pécs, 2009. P. 29-39.
69. Klewitz H.-W. Die Entstehung des Kardinalkollegiums / H.-W. Klewitz // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung. Bd. XXV. Weimar, 1936. S. 115-221.
70. Klewitz H.-W. Reformpapsttum und Kardinalkolleg. Die Entstehung des Kardinalkollegiums. Studien über die Wiederherstellung der römischen Kirche in Süditalien durch das Reformpapsttum. Das Ende des Reformpapsttums / H.-W. Klewitz. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1957.
71. Koncevičius J. B. Russia's attitude towards Union with Rome (9th-16th centuries) / J. B. Koncevičius. Washington, 1927.
72. Kovács S. The Cuman Campaigns in 1091 / S. Kovács // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1 (3). С. 174-189.
73. Leib B. Rome, Kiev et Byzance a la Fin du XIe siècle. Rapports religieux des latins et des greco-russes sous le pontificat d'Urbain II (1088-1099) / B. Leib. Paris, 1924.

74. Levesque P. Ch. Histoire de Russie / P. Ch. Levesque. Yverdon, 1783. T. 1.
75. Loud G. A. The Latin Church in Norman Italy / G. A. Loud. Cambridge, 2007.
76. Meisen K. Nikolauskult und Nikolausbrauch im Abendlande / K. Meisen. Dusseldorf, 1931.
77. Nitti di Vito F. La translazione delle reliquie di San Nicola / F. Nitti di Vito // IAPIGIA. Organo della R. deputazione di Storia Patria per le Puglie. Nuova serie. 1937. Anno VIII, fasc. III-IV. P. 295-411.
78. Nowak P. Das Papsttum und Ostmitteleuropa (Böhmen-Mähren, Polen, Ungarn) vom ausgehenden 10. bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Mit einer Neuedition von JL 9067 / P. Nowak // Rom und die Regionen. Studien zur Homogenisierung der lateinischen Kirche im Hochmittelalter. Berlin — Boston, 2012. S. 331-369.
79. Patrologiæ Græcæ / Patrologiæ cursus completes... Series Græca Posterior... Accurante J. P. Migne. 166 vols. Paris, 1857-1866.
80. Patrologiæ Latina / Patrologiæ cursus completes... Series latina... Accurante J. P. Migne. 221 vols. Paris, 1841-1864.
81. Piazza A. Teodorico, antipapa / A. Piazza // Enciclopedia dei Papi. 2000. Vol. II. P. 236-237.
82. Raffensperger C. Reimagining Europe. Kievan Rus' in the Medieval World, 988-1146 / C. Raffensperger. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 2012. 340 p.
83. Savio G. Monumenta onomastica Romana Medii Aevi (X-XII sec.) / G. Savio. Roma, 1999. Vol. 4 (Pat-Z).
84. Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit Emericus Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. I.
85. Szentpétery I. Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / I. Szentpétery. Budapest, 1923. T. 1: [Diplomata regum Hungariae ab anno MI. usque ad Annum MCCLXX complectens].
86. The Catholic encyclopedia. New York, 1912. Vol. XIII.
87. Tractatus Garsiae Tholetani canonici de Albino et Rufino (Garsuinis) / Ed. E. Sackur // Libelli de lite imperatorum et pontificum saeculis XI et XII conscripti. Hannoverae, 1892. Bd. II. P. 423-435.
88. Verdière C. Origines Catholiques de l'Eglise Russe jusqu'au XIIe siecle / C. Verdière. Paris, 1857.
89. Vitae quatuor abbatum priorum Cavensium Alferii, Leonis, Petri et Constabilis // Rerum Italicarum Scriptores. Raccolta degli Storici Italiani dal cinquecento al millecinquecento ordinata da L. A. Muratori. Nuova edizione riverduta ampliata e corretta con la direzione di G. Carducci, V. Fiorini, P. Fedele. Bologna, 1941. T. VI, parte V.
90. Ziese J. Wibert von Ravenna, der Gegenpapst Clemens III (1084-1100) / J. Ziese. Stuttgart, 1982. (Päpste und Papsttum, 20).

Denis G. KHRUSTALEV¹

UDC 94(47)

**THEODORUS THE GREEK, THE POPE'S MITROPOLICH' OF ROME.
REVISITING THE RELATIONS BETWEEN RUS
AND THE PAPACY IN THE LATE 11TH CENTURY**

¹ Historian, Saint Petersburg
d.g.khrustalev@gmail.com

Abstract

The paper gives grounds for the viewpoint that historians can treat as probably valid the record in the Nikon Chronicle dated 6599 Creation Era (1091 CE) reporting the arrival of Theodorus the Greek's papal mission from Rome in Kyiv with numerous saints' relics. Arguments are put forward in favour of Theodorus' identification with Pope Urban's legate Teuzo, cardinal of San Giorgio in Velabro, who could have been set off to Rome, accompanied by Prince Yaroslav Sviatopolchich, whom the former could have met at the consecration of St. Egid Basilica in Somogyvár. This mission could be juxtaposed with the translation of the relics of Saint Nicholas from Myra to Bari and its commemoration being established as a Church holiday (May 9 Julian Calendar).

Keywords

Nikon Chronicle, Theodorus the Greek, Pope Urban II, Somogyvár, Saint Nicholas, Kyiv Rus, Rome.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-77-109

REFERENCES

1. Berezhkov N. G. 1963. Chronology of Russian Chronicles. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 377 pp. [In Russian]
2. Brown P. 2004. The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity. Moscow: Rosspen. 207 pp. [In Russian]

Citation: Khrustalev D. G. 2022. "Theodorus the Greek, the Pope's mitropolich' of Rome. Revisiting the relations between Rus and the Papacy in the late 11th century". Tyumen State University Herald. Humanitates Research. Humanitates, vol. 8, no. 4 (32), pp. 77-109.

---

3. Vasilyevskiy V. G. 1908. Works. Vol. 1: Byzantium and Pechenegs; Varyag-Russians and Varyag-English troops in Constantinople in 11th and 12th c.; About Varyag-Russians. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 401 pp. [In Russian]
4. Gerbershteyn S. 2008. Notes on Muscovy. Edited by A. L. Khoroshkevich. Vols. 1-2. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. [In Russian]
5. Golubinskiy E. E. 1901. History of the Russian Church. Vol. 1. Part 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 968 pp. [In Russian]
6. Donskoy D. V. 2008. The Rurikovichs. Historical Dictionary. Moscow: Russkaya panorama. 864 pp. [In Russian]
7. Zimin A. A. 1972. Russia on the Threshold of the New Time (Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th c.). Moscow: Mysl. 452 pp. [In Russian]
8. Yazyki russkoy kultury. 1998. "Ipatyevskaya chronicle". In: Complete Russian Chronicles. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kultury. 938 pp. [In Russian]
9. Skazkin S. D. (ed). 1967. History of Byzantium in 3 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka. 472 pp. [In Russian]
10. Karamzin N. M. 1991. The History of the Russian State. Vols. 2-3. Moscow: Nauka. [In Russian]
11. Kloss B. M. 1980. Nikonovsky Codex and Russian Chronicles of the 16th-17th c. Moscow: Nauka. 312 pp. [In Russian]
12. Klyuchevskiy V. O. 1871. Ancient Russian Hagiographies of Saints as a Historical Source. Moscow: Tipografiya Gracheva i kompanii. 479 pp. [In Russian]
13. Yazyki russkoy kultury. 2007. "Book of Stepannaia of tsarist genealogy". In: Complete Russian Chronicles. Vol. 21. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 598 pp. [In Russian]
14. Komnina A. 2010. Alexiad. Translated, commentaries and articles by Ya. N. Lyubarskiy. Saint Petersburg: Aleteyya. 688 pp. [In Russian]
15. Krutova M. S. 1997. Svyatitel' St. Nicholas the Wonderworker in the Old Russian Literature. Moscow: Martis. 222 pp. [In Russian]
16. Yazyki russkoy kultury. 1997. "Laurentian Chronicle". In: Complete Russian Chronicles. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kultury. 733 pp. [In Russian]
17. Yazyki russkoy kultury. 2000. "The Chronicle, called Patriarch or Nikonov Chronicle". In: Complete Russian Chronicles. Vols. 9-14. Moscow: Yazyki russkoy kultury. [In Russian]
18. Makariy (Bulgakov). 1857. Macarius, Bishop of Vinnitsa. History of the Russian Church. Vol. 2. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 368 pp. [In Russian]
19. Yazyki slavyanskoy kultury. 2004. "The Moscow Annalistic Code of the end of the 15th c.". In: Complete Russian Chronicles. Vol. 25. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 488 pp. [In Russian]
20. Moshin V. A. 1963. "The Epistle of Russian Metropolitan Leon on Unleavened Bread in the Ohrid Manuscript". In: Byzantinoslavica. Vol. 24, pp. 87-105. Prague. [In Russian]
21. Nazarenko A. V. 2001. Ancient Rus on International Ways: Interdisciplinary Studies of Cultural, Commercial, and Political Relations of the 9th-12th c. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 784 pp. [In Russian]
22. Yazyki russkoy kultury. 2000. "The First Novgorodian Chronicle of older and younger genres". In: Complete Russian Chronicles. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoy kultury. 720 pp. [In Russian]

23. Okhridski K. 1977. Collected Works. Vol. 2. Edited by B. St. Angelov, K. M. Kuev, Khr. Kodov, Kl. Ivanova. Sofia: Izdatelstvo na Blgarskata akademiya na naukite. 846 pp. [In Russian]
24. Pashuto V. T. 1968. The Foreign Policy of Ancient Rus. Moscow: Nauka. 472 pp. [In Russian]
25. Pikhoya R. G. 1975. "Byzantine monk — Russian Metropolitan John II as a canonist and diplomat Vizantiyskiy monakh". In: Antiquity and Middle Ages. Vol. 11, pp. 133-144. Sverdlovsk. [In Russian]
26. Podskalski G. 1996. Christianity and Theological Literature in Kyiv Rus (988-1237). Saint Petersburg: Vizantinorossika. 572 pp. [In Russian]
27. Ponyrko N. V. 1992. Epistolary heritage of Ancient Rus. 11th-13th c. Studies, Texts, Translations. Saint Petersburg: Nauka. 214 pp. [In Russian]
28. Possevino A. 1983. Historical Essays on Russia in the 16th c. Translated, foreword, and notes by L. N. Godovikova. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 272 pp. [In Russian]
29. Priselkov M. D. 2003. Essays on church and political history of Kyiv Rus, 10th-12th c. Saint Petersburg: Nauka. 245 pp. [In Russian]
30. Ramm B. Ya. 1959. The Papacy and Rus in 10th-15th c. Moscow-Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 284 pp. [In Russian]
31. Yazyki russkoy kultury. 2000. Rogozhsky chronicler. Tverskoi sbornik [Chronicle collection called as Tverskoi chronicle]. In: Complete Russian Chronicles. Vol. 15. Moscow: Yazyki russkoy kultury. 432 pp. [In Russian]
32. Ruess H. 2010. "Eupraxia — Adelheid: a biographical approach". *Rossica Antiqua*, vol. 2, pp. 54-112. [In Russian]
33. Nauka. 1975-2008. Dictionary of the Russian language of the 11th-17th c. Vols. 1-28. Moscow: Nauka. [In Russian]
34. Sokolov P. P. 1913. The Russian Hierarch from Byzantium and the Right of His Appointment before the early 15th c.. Kyiv: tipografiya I. I. Chokolova. 578 pp. [In Russian]
35. Tatishchev V. N. 1995. Collected Works in 8 vols. Vols. 2, 3. History of Russian: part 2. Moscow: Ladimir. 688 pp. [In Russian]
36. Titmar Merzeburgskiy. 2005. Chronicles in 8 vols. Translated from Latin by I. V. Dyakonov. Moscow: Russkaya panorama. 254 pp. [In Russian]
37. Tikhomirov M. N. 1979. Russian Chronicles. Moscow: Nauka. 556 pp. [In Russian]
38. Khoroshkevich A. L. 1980. Russian State in the System of International Relations of the late 15th — early 16th c. Moscow: Nauka. 294 pp. [In Russian]
39. Khrustalyov D. G. 2002. Investigations on Ephraim Pereyaslavsky. Saint Petersburg: Evraziya. 448 pp. [In Russian]
40. Choffari D. 2012. "Archdeacon John, 'Historia translationis Sancti Nicolai' in medieval Europe". *Evraziya. Dukhovnye traditsii narodov*, no. 4, pp. 204-216. [In Russian]
41. Choffari D. 2004. "The transfer of Saint Nicholas' relics in the Latin Sources of the 11th c. and in Russian manuscripts". In: "The Rule of Faith and the Image of Gentleness...". The Image of St. Nicholas, Archbishop of Myra, in Byzantine and Slavonic Hagiography, Hymnography and Iconography, pp. 135-166. Moscow: Izdatelstvo pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo instituta. [In Russian]
42. Shaytan M. E. 1927. "Germany and Kyiv in 11th c.". In: Chronicle of Studies of the Permanent Historical and Archaeographical Commission for 1926. Vol. 1 (34), pp. 3-26. Leningrad. [In Russian]

43. Shlyapkin I. A. 1881. Russian Edicts of 11th c. about the Transfer of Nikolas the Wonderworker's Relics and His Relation to the Western Sources. *Monuments of Ancient Writings and Arts*. Saint Petersburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya. 23 pp. [In Russian]
44. Shcherbatov M. M. 1771. *Russian History from the Most Ancient Times*. Vol. 2. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. 671 pp. [In Russian]
45. Yurasov M. K. 2006. "Russian-Hungarian relations at the beginning of 12th c.". *Drevnyaya Rus*, vol. 3 (25), pp. 47-56; vol. 4 (26), pp. 67-78. [In Russian]
46. Abraham W. 1904. *Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi*. Vol. 1. Lwów: Tow. dla Popierania Nauki Polskiej.
47. Angold M. 1997. *The Byzantine Empire, 1025-1204. A Political History*. London — New York: Longman. 375 pp.
48. Becker A. 1964. *Papst Urban II. (1088-1099)*. Vol. 1: *Herkunft und kirchliche Laufbahn. Der Papst und die lateinische Christenheit*. Stuttgart. (Schriften der MGH. Bd. 19, I).
49. Becker A. 1988. *Papst Urban II. (1088-1099)*. Vol. 2: *Der Papst, die griechische Christenheit und der Kreuzzug*. Stuttgart. (Schriften der MGH. Bd. 19, II).
50. Blumenthal U.-R. 1995. *The Investiture Controversy. Church and Monarchy from the Ninth to the Twelfth Century*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 216 pp.
51. Cioffari G. 1980. *La leggenda di Kiev. Slovo o perenesenii moshchey Svyatitelya Nikolaya. La traslazione delle reliquie di S. Nicola nel racconto di un annalista russo contemporaneo*. Bari.
52. Fejér G. (ed.). 1829. *Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. Vol. 1. Budae.
53. *Codice diplomatico Barese*. 1897. Vol. 1. *Le pergamene del duomo di Bari (952-1264)*. Bari.
54. Caspar E. (ed.). 1920. *Das Register Gregors VII*. Vol. 1, Buch I-IV. Berlin. (MGH, *Epistolae selectae*, T. II, fasc. 1).
55. Caspar E. (ed.). 1923. *Das Register Gregors VII*. Vol. 2, Buch V-IX. Berlin. (MGH, *Epistolae selectae*, T. II, fasc. 2).
56. Goetz E., Goetz W. (eds.). 1998. *Die Urkunden und Briefe der Markgräfin Mathilde von Tuszien*. Hannover. (MGH *Laienfürsten— und Dynasten— Urkunden der Kaiserzeit*. II).
57. Györffy Gy. 1992. *Diplomata Hungariae Antiquissima*. Vol. 1: *Ab anno 1000 usque ad annum 1131*. Budapestini.
58. Fedele P. 1899. "Carte del monastero dei Ss. Cosma e Damiano in Mica aurea. Parte I. Secoli X e XI". In : *Archivio della R. Società Romana di Storia Patria*. Vol. 12, pp. 25-107, 383-447.
59. Geary P. J. 1990. *Furta Sacra: Thefts of Relics in the Central Middle Ages*. Princeton.
60. Ginatempo M. 1994. "Tracce d'antroponimia dai documenti dell'abbazia di San Salvatore a Isola (Siena) 953-1199". *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age, Temps modernes*. Vol. 106, no. 2, pp. 509-558.
61. Grimm J. 1831. *Deutsche Grammatik*. Vol. 3. Göttingen.
62. Grumel V. 1989. *Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople*. Vol. 1. *Les actes des patriarches*. Fasc. II-III. *Les registes de 715 a 1206*. Deuxième édition revue et corrigée par J. Darrouzès. Paris.
63. Holtzmann W. 1928. „Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I und Papst Urban II im Jahre 1089. *Byzantinische Zeitschrift*, vol. 28, pp. 38-67.

64. Hüls R. 1977. Kardinäle, Klerus und Kirchen Roms: 1049-1130. Tübingen. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom; 48).
65. Jaffé Ph. 1885. Regesta Pontificum Romanorum. Vol. 1. Lipsiae.
66. Johrendt J. 2011. Die Diener des Apostelfürsten: das Kapitel von St. Peter im Vatikan (11.-13. Jahrhundert). Berlin — New York. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom, 122).
67. Kiss G. B. 2000. “‘Teuzo sancte Romane Ecclesie legatus ... Teuzo cardinalis’. Adalékok az I. László-kori pápai-magyar kapcsolatok történetéhez”. In: “Magyaroknak eleiről”. Ünnepi tanulmányok a hatvan esztendő Makk Ferenc tiszteletére, pp. 265-276. Szeged.
68. Kiss G. B. “‘Teuzo sancte Romane Ecclesie legatus ... Teuzo cardinalis’. Contribution aux relations de la Papauté et du roi hongrois Ladislas Ier à la fin du XIe siècle”. In: Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis. V. Pécs, pp. 29-39.
69. Klewitz H.-W. 1936. „Die Entstehung des Kardinalkollegiums“. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung. Vol. 25, pp. 115-221. Weimar.
70. Klewitz H.-W. 1957. Reformpapsttum und Kardinalkolleg. Die Entstehung des Kardinalkollegiums. Studien über die Wiederherstellung der römischen Kirche in Süditalien durch das Reformpapsttum. Das Ende des Reformpapsttums. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
71. Koncevičius J. B. 1927. Russia's attitude towards Union with Rome (9th-16th centuries). Washington.
72. Kovács S. 2014. “The Cuman Campaigns in 1091”. Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review, no. 1 (3), pp. 174-189.
73. Leib B. 1924. Rome, Kiev et Byzance a la Fin du XIe siecle. Rapports religieux des latins et des greco-russes sous le pontificat d'Urbain II (1088-1099). Paris.
74. Levesque P. Ch. 1783. Histoire de Russie. Vol. 1. Yverdon.
75. Loud G. A. 2007. The Latin Church in Norman Italy. Cambridge.
76. Meisen K. 1931. Nikolauskult und Nikolausbrauch im Abendlande. Dusseldorf.
77. Nitti di Vito F. 1937. « La translazione delle reliquie di San Nicola”. IAPIGIA. Organo della R. deputazione di Storia Patria per le Puglie. Nuova serie. Anno VIII, fasc. III-IV, pp. 295-411.
78. Nowak P. 2012. “Das Papsttum und Ostmitteleuropa (Böhmen-Mähren, Polen, Ungarn) vom ausgehenden 10. bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Mit einer Neuedition von JL 9067”. Rom und die Regionen. Studien zur Homogenisierung der lateinischen Kirche im Hochmittelalter, pp. 331-369. Berlin — Boston.
79. Migne J. P. (ed.). 1857-1866. Patrologiæ Græcæ / Patrologiæ cursus completus... Series Græca Posterior... 166 vols. Paris.
80. Migne J. P. (ed.). 1841-1864. Patrologiæ Latina / Patrologiæ cursus completus... Series latina... 221 vols. Paris.
81. Piazza A. 2000. “Teodorico, antipapa”. Enciclopedia dei Papi, vol. 2, pp. 236-237.
82. Raffensperger C. 2012. Reimagining Europe. Kievan Rus' in the Medieval World, 988-1146. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press. 340 pp.
83. Savio G. 1999. Monumenta onomastica Romana Medii Aevi (X-XII sec.). Vol. 4 (Pat-Z). Roma.
84. Szentpétery E. 1937. Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit Emericus Szentpétery. Vol. 1. Budapestini.
85. Szentpétery I. 1923. Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. Vol. 1: Diplomata regum Hungariae ab anno MI. usque ad Annum MCCLXX complectens. Budapest.

86. The Catholic Encyclopedia. 1912. Vol. 13. New York.
87. Sackur E. (ed.). 1892. "Tractatus Garsiae Tholetani canonici de Albino et Rufino (Garsuinis)". In : *Libelli de lite imperatorum et pontificum saeculis XI et XII conscripti*. Vol. 2, pp. 423-435. Hannoverae.
88. Verdière C. 1857. *Origines Catholiques de l'Eglise Russe jusqu'au XIIe siecle*. Paris.
89. "Vitae quatuor abbatum priorum Cavensium Alferii, Leonis, Petri et Constabilis". 1941. In: *Rerum Italicarum Scriptores. Raccolta degli Storici Italiani dal cinquecento al millecinquecento ordinata da L. A. Muratori. Nuova edizione riverduta ampliata e corretta con la direzione di G. Carducci, V. Fiorini, P. Fedele*. Vol. 6, parte V. Bologna.
90. Ziese J. 1982. *Wibert von Ravenna, der Gegenpapst Clemens III (1084-1100)*. Stuttgart. (Päpste und Papsttum, 20).

Дмитрий Валерьевич БАЙДУЖ¹
Виктория Олеговна МЕДВЕДЕВА²

УДК 94(3)

ОБРАЗ ДРУГОГО: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ЕВРЕЕВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ (XIII-XVI ВЕКА)

¹ кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
d.v.bajduzh@utmn.ru

² аспирант кафедры истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
v.o.medvedeva@utmn.ru

Аннотация

В статье рассматривается функционирование специального отличительного знака евреев и его восприятие христианами в немецком социокультурном пространстве XIII-XVI вв. С начала XII века в Европе разворачивается масштабный процесс переосмысления границ существующих социальных групп и возникновения новых, ярко выраженный посредством различных знаковых практик. Введение эмблем для евреев было прямым его следствием. Рассматривая посредством семиотического анализа визуальные признаки в письменных и изобразительных источниках разных видов как элементы в рамках общей знаковой системы, раскрывается специфика употребления характерных для воображаемой еврейской идентичности эмблематических проявлений. Приводится классификация знаков, раскрываются контексты, в которых используются исследуемые эмблемы, анализируются их формальные и семантические характеристики. Чаще всего рассматриваемые признаки были жёлтого цвета и могли нести негативные коннотации. Появление «еврейских колец» в источниках XV века, репрезентирующих нормативные аспекты быта, завершает длительный процесс семиотизации иудеев как Другого.

Цитирование: Байдуж Д. В. Образ Другого: отличительный знак евреев в средневековой Германии (XIII-XVI века) / Д. В. Байдуж, В. О. Медведева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 110-133. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-110-133

С XVI века атрибут массово встречается при визуализации библейских и иных сцен. Роты реже употребляются при изображении женщин, что связано с гендерной иерархией средневекового общества. В результате исследования авторы приходят к заключению, что предписание церковными институтами ношения евреями специфических знаков объяснялось как общими процессами иерархического упорядочивания социальной организации христианского мира, так и ситуативной стигматизацией. Его практическая реализация высвечивает специфику динамичных взаимоотношений локальных властей и еврейских социорелигиозных меньшинств, а весьма позднее введение практики в немецких землях демонстрирует, в первую очередь, экономический прагматизм. Сами эмблемы имели амбивалентную природу и являлись частью двух стратегий. Во-первых, различения евреев от христиан, во-вторых, контролируемой интеграции иудеев в средневековое городское пространство.

Ключевые слова

Евреи, социальная история, семиотика, Германия, образ Другого, коммуникация, визуальные признаки, история цвета, одежда, антисемитизм.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-110-133

Введение

Динамичный «долгий XII век» в Европе был отмечен масштабными процессами, связанными с переосмыслением рамок существовавших социальных групп и возникновением новых, например, рыцарства. Общности заявляют о себе и позиционируются извне новыми способами; таким образом, речь идет о пересборке и упорядочивании общества посредством различных семиотических практик и знаковых систем. Появляется новая система социокультурных координат, где у каждой группы было свое определенное место в иерархии с соответствующей номенклатурой визуальных признаков. Среди наиболее известных выражений этих процессов отметим возникновение геральдики, сложившейся как система примерно к середине XII в. [11, с. 138], а также расцвет использования печатей и знаков социального статуса. Впрочем, быстрым вертикальным распространением гербов дело не ограничивается, и с начала XIII в. начинают эмблематизироваться в кругу иных маргинальные для христианского социума группы. Так появились специальные отличительные знаки евреев.

Дискуссия о природе и функциях этих эмблем выводит нас на обширную проблему интерпретации характера «общества групп» [12] преמודерна и его все более явного стремления сделать видимым положение и функции членов этого символического тела. Медиевистическая историография в ключе обозначенной темы представлена несколькими точками зрения. Р. Мур рассматривал средневековый европейский социум как «репрессивное общество» с соответствующими механизмами стигматизации и исключения [27]. Однако является ли этот подход всецело оправданным? Очевидно, что средневековые институты власти никогда не обладали административным ресурсом, которым располагают

современные государства. Думается, что степень преемственности между нетерпимостью в средние века и современностью существенно преувеличена (см. подробнее: [29]). Кроме того, Р. Мур ставит в один ряд дискриминацию всех групп Других, в том числе еретиков, проституток, гомосексуалов, находя в политике их преследования властями нечто общее.

Развивая мысль британского историка, М. Тамм ввел понятие «семиотической сегрегации», относя ее зарождение к XIII в. и отмечая отсутствие у исследователей единого мнения о причинах явления. Наиболее распространенный аргумент относится к растущей власти Церкви и ее стремлению лучше контролировать общество. Таким образом, именно через «изобретение других» и их преследование христианское общество определяет себя [43, с. 75].

Более взвешенным представляется подход Г. Гелтнера, оспорившего тезис о стабильной строго репрессивной природе общества высокого Средневековья и утверждавшего о существовании контролируемой социальной интеграции [19]. Мы будем рассматривать использование эмблем в контексте данного подхода. Актуальность исследования обусловлена и иными причинами. Отметим, что существующие интерпретации бытования отличительного знака евреев (*rota*) в немецкой средневековой традиции все еще основаны на устаревших историографических предпосылках, исходящих из исключительно стигматизационного характера визуального признака. Важными представляются тонкие наблюдения Г. Киша, охарактеризовавшего Средневековье периодом наибольшего разнообразия и дифференциации в социальных классах или сословиях. Вестиментарные дистинкции были обусловлены различностью социальной принадлежности, ресурсов, профессий и др., восходя к предписаниям традиции и коммуникативной эффективности и в равной мере затрагивая христиан. Единообразие одежды не просто делало людей легко узнаваемыми в рамках социальной группы, но соединяло их символической связью. Историк права отрицает принципиально дискриминационный характер репрезентации евреев посредством одежды, ссылаясь в том числе на множество правовых памятников и литературную традицию [23, с. 296].

В то же время Г. Киш утверждает о социально-правовой параллели изменения роли гетто и некоторых деталей еврейской одежды, которые, став обязательными для любого иудея, привели к постепенной деградации их социальной роли [23, с. 298]. Безусловно, неправомерно отрицать трансформацию статуса евреев как следствие решений IV Латеранского собора, однако не менее ошибочным видится последовательный и необратимый ее характер.

Отдельно стоит подчеркнуть, что в русскоязычной историографии до сих пор не существовало специального труда, посвященного ротам в целом и их использованию в немецкоязычных регионах в частности.

Исследование фундировано источниками как письменного, так и иконографического типов. Их, в свою очередь, целесообразно разделить на несколько видов. К письменным следует отнести свидетельства публично-правового характера, в том числе постановления церковных соборов и памятники городско-

го законодательства. Благодаря им возможно проследить хронологию и частотность распространения тех или иных признаков в регионе, а также оценить роль рот в повседневности. При этом мы сталкиваемся со вполне очевидной сложностью интерпретации нормативных документов как отражения исторической «реальности». Визуальный материал представлен миниатюрами иллюминированных рукописей и гравюрами инкунабул и палеотипов. Существенное достоинство источников изобразительного типа из перспективы нашего исследования — их массовый характер, а также разнообразие взаимосвязанной информации, представленное цветовой гаммой (редко), дизайном и расположением на одежде специальных отличительных знаков. Исходя из коммуникативной природы изображений, авторы склонны рассматривать их отнюдь не только объектами мира воображаемого.

Пространственно исследование сосредоточено на Германии, понимаемой здесь как совокупность немецкоязычных земель Священной Римской империи, охватывающих территорию современных Германии и Австрии, и характеризующихся значительным культурным единством. Обращение к иным регионам обусловлено необходимостью компаративистики.

Из корпуса сохранившихся визуальных источников, воспроизводящих распространенные в христианской иконографии евреев сюжеты, нами отобраны наиболее репрезентативные, отражающие различные виды эмблем и контексты их употребления. Все приведенные здесь памятники немецкой традиции относятся к временному промежутку XIII — начала XVI вв., обусловленному временем появления рассматриваемой семиотической практики и ее трансформаций. Внутренняя периодизация следует подходу Ф. Зингермана, выделившему 3 периода: «эпоха юденхута» (XIII — первая треть XV вв.), появление специального отличительного знака (роты) (1434-1530 гг.) и его распространение на все немецкие земли (после 1530 г.) [42]. Д. Санси на основании юридических источников выделяет два этапа в истории использования отличительных признаков ашкеназов, до и после Черной смерти 1349 г. [38, с. 190]. Обилие и вариативность изображений после Аугсбургского рейхстага 1530 г. вследствие введения общеимперского закона, систематизированных Х. Шрекенбергом [41], вызывают необходимость специального обращения к теме в дальнейшем.

Методы

В статье использовались принципы и методы семиотики. Теоретико-методологические рамки исследования предполагают анализ рот как объектов, функционирующих в семантическом типе кода культуры [4], подразумевающим «символизацию» окружающего человека пространства и характерном для изучаемого периода. В этой связи Б. Геремек утверждает о «семиотической природе» средневековой культуры, когда социальное положение определялось характерными внешними признаками [20, с. 411]. Роль теологической мысли в семиозисе, онтологический принцип сходства репрезентируемой идентичности и признака, семиотическая категоризация и воплощение знаком качественных характери-

ки персоны основаны на выводах Б. Бедос-Резак [2]. Средневековый социум, особенно с XII века, был высоко семиотизированным обществом ритуала, наполненным знаковыми практиками. Знаки считались в нем более важными, чем вещи, изучение знаков ценилось особенно в форме литургии, но также и схоластики, которая во многих отношениях является семиотической дисциплиной [43, с. 76]. Исследование позиционируется междисциплинарным, находясь на стыке социальной истории, исторической антропологии в аспекте социокультурного функционирования образов и представлений, истории медиа и коммуникации.

Результаты

В 1215 г. состоялся IV Латеранский собор, относящийся к важнейшим из всемирных, оказавшим долговременное воздействие на религиозное мировоззрение и жизнь христианского мира. Шестьдесят восьмой его канон впервые оговаривал обязательность ношения мусульманами и евреями знаков или особого покрова одежды, которые отличали бы их от христиан и тем самым предотвращали разного рода связи между ними, прежде всего — сексуальные, как источник осквернения с последующим отлучением от причастия: *Vnde contingit interdum quod per errorem christiani Iudeorum seu Saracenorum et Iudei seu Saraceni christianorum mulieribus commiscetur*¹ [16, с. 107] (о страхе осквернения как угрозе существования социального порядка см.: [3]). Главной причиной введения этих различий послужило предотвращение именно случайных контактов между иноверцами и христианами. Отдельное внимание обратим на следующий фрагмент канона, где говорится, что в некоторых регионах отличия в одежде уже существовали, но не были закреплены на законодательном уровне: *In nonnullis prouinciis a christianis Iudeos seu Saracenos habitus distinguit diuersitas, set in quibusdam sic quedam inoleuit confusio ut nulla differentia discernantur*² [16, с. 107]. Формулировка свидетельствует, что в ряде мест у властей или непосредственно у евреев уже возникала потребность идентифицировать, выделять себя или других как определенную социальную группу с помощью неких признаков еще до выхода соответствующего постановления³. Вместо введения новшества, канон предполагает стремление восстановить старую практику [32, с. 66]. В тексте можно усмотреть апелляцию к соблюдению предписаний закона Моисеева (Числа 15:37-41), с чем не согласен Н. Рот [36, с. 67].

¹ «Потому иногда случается, что христиане соединяются с женами иудеев и сарацин, или что иудеи и сарадины соединяются с женами христиан» (перевод здесь и далее наш — Д. В., В. М.).

² «В одних провинциях различия в одежде отличают евреев и сарацин от христиан, а в других наблюдается некоторая путаница, потому что различия неочевидны».

³ Негативные отличительные знаки не являются христианским изобретением. Первые сообщения об их наложении относятся к странам ислама в восьмом веке: в статутах халифа Омара II (717-720 гг.), а затем и в законодательстве Харуна ар-Рашида (807 г.) «неверные» евреи и христиане обязаны носить на одежде кусок ткани, желтый для первых и синий для последних» [43, с. 63]. Подробнее: [40].

Д. Санси пишет, что во времена IV Латеранского собора и позже функция одежды как признака идентичности приобретает все большее значение и в ашкеназском обществе, по крайней мере, наиболее ортодоксальных его кругах. Раввины, осуждающие любые сексуальные отношения евреев и христиан, проявляют довольно схожую с Церковью озабоченность по поводу опасностей этих связей, требуя, чтобы евреи отличали себя от неевреев, в частности, одеждой [38, с. 173].

По мысли А. Катлера, происхождение еврейского значка было связано с крестоносной идеологией Иннокентия III, убежденного в последние годы жизни в близости Второго пришествия Христа и необходимости обращения мусульман как его приуготовления. Отличительная одежда была средством принуждения к обращению. Далее Катлер утверждает, что для Иннокентия III евреи были «мусульманами Европы», что объясняет аналогичную необходимость их обозначения [17, с. 112-113]. Почти одновременно отличительным знаком еретиков стал крест, практика наложения которого восходит к началу XIII в., времени рождения «семиотического преследования», и часто встречается в приговорах инквизиторов [43, с. 68].

Принятый канон лишь артикулировал необходимость введения или законодательного закрепления подобной практики, а не оговаривал конкретно, что это должны быть за различия. Таким образом, адресованное церковью локальным светским властям требование оставляло последним широкое поле возможностей для выбора визуальных стратегий. Поэтому в различных регионах скоро появились собственные, порой иконографически уникальные знаки.

Переход от *habitus* (одежды)¹ с соответствующей половозрастной дифференциацией к универсальному знаку (*signum*) [32, с. 69] был отмечен уже с 1217 г., когда евреи Англии и Франции, а затем испанских земель (Кастилии в 1219, Арагона — 1228 гг.), Сицилии и некоторых других европейских стран были обязаны носить знаки особой формы и цвета, чтобы отличаться от христиан. Судя по частоте напоминаний, эта мера в Англии долго оставалась мертвой буквой. Английским евреям по достижении семилетия (обычным возрастом в иных землях были тринадцать-четырнадцать лет) требовалось использовать белый знак в виде Скрижалей Завета из льна или пергамена; Оксфордский собор 1222 г. предписал носить «пятно» любого отличного от одежды цвета, впервые указав конкретный размер, два пальца в ширину и четыре в длину [36, с. 67]. Первым официальным королевским указом стал акт Людовика IX, государя-крестоносца, от 1269 г. Евреям во Франции предписывалось носить «колесо из желтой ткани или ее обрывка, пришитое к верхней одежде на груди и спине» [14, с. 31]². Разнообразие итальянских визуальных атрибутов позднего Средневековья поражает воображение — от синих лент для волос у сицилийских

¹ Понятие обозначает как одежду, так и образ жизни, черты лица [38, с. 171].

² Д. Санси отмечает первый французский прецедент ношения круглого знака 1217 г., а также ряд более поздних решений поместных соборов. Канонические постановления оставались чисто теоретическими из-за отсутствия предписаний светского законодательства [38, с. 18-19].

женщин до красного плаща у мужчин в Риме [14, с. 31] (подробнее см.: [44]). Видимый извне искусственный признак предполагал раскрытие невидимой религиозной идентичности владельца, чьим скрытым физическим знаком было обрезание, запечатлевавшее на теле евреев апотропеическую силу тетраграммы [32, с. 70].

Нельзя утверждать, что введение семиотических дистинкций затронуло в первую очередь регионы с высоким процентом еврейского населения и ожидаемой интенсивностью взаимодействия с христианами. Динамика отклика местных светских властей на «вызовы» курии всегда куда более зависела от культурных установок конкретного государя и актуальной политической ситуации. Так, весьма лояльный к евреям император Фридрих II Гогенштауфен настоял на исполнении постановления Латеранского собора на Сицилии в 1222 г. лишь во избежание неприятностей с Церковью [36, с. 68]. Однако в Центральной Европе в целом и в Германии в частности не встречается явного упоминания о «кольце» как еврейском знаке вплоть до XV века. Это можно объяснить наличием других характерных для евреев признаков, однозначно считываемых христианами, например, длинных бород¹ и специфических головных уборов, «еврейских шапок» (*Judenhut*) белого или оранжевого цвета, которые иудеи носили вполне добровольно как способ самоидентификации. Например, одно из первых изображений человека в юденхуте, происходящее из немецких земель, встречается еще в XI в., в Евангелии Бернварда (ок. 1015 г., музей кафедрального собора в Хильдесхайме, DS 18).

Традиционные признаки самобытности, обусловленные особенностями еврейского закона, не умаляли права иудеев и не влияли на их социальный статус [23, с. 296]. Однако со второй половины XIII века ношение юденхутов, служивших главным идентификационным признаком на протяжении XIV в., стало обязательным. В 1266 г. провинциальный собор в г. Бреслау постановил, что евреи должны ходить в так называемых «рогатых шапках» («*cornutum pileum*»), причем отмечается, что они уже носили их ранее [5, с. 31]. В конце XIII века волна подобных указов прокатилась по всему немецкоязычному пространству (например, города Нюрнберг, Берлин, Эрфурт и др.) [5, с. 31]. Г. Киш придерживается мнения, что значок не вводился в Германии, потому что «еврейская шляпа» уже отличала евреев от христиан [24], служа основным маркером вплоть до XV в. Превращение юденхута в обязательный для ношения отличительный знак, по мнению автора, произошло в Германии в ответ на постановления многочисленных региональных церковных соборов, которые неустанно призывали к строгому соблюдению канонов IV Латеранского собора [23, с. 297]. Частота призывов, думается, была прямо пропорциональна игнорированию их исполнения местной властью. Юденхуты предписывалось носить при выходе из синагоги, принесении клятв, постоянно — евреям — торговцам

¹ Нюрнбергское постановление от 1343 г., напротив, обязывало евреев стричь бороду каждые четыре недели для предотвращения путаницы с христианами [42, с. 38].

мясом, а также в виде временного наказания христианам, замеченным в сексуальных контактах с евреями [42, с. 39].

Легитимация подобных знаков, по мысли С. Грейзеля, обуславливалось стремлением церковных властей предотвратить частную конфессиональную полемику и сделать всё возможное, чтобы христиане не вступали в тесный контакт с евреями и не наблюдали за их образом жизни [21, с. 59]. Опасность ритуального осквернения или даже обращения в иудаизм заставляли верховных иерархов Церкви делать всё для самого предотвращения появления подобных мыслей. В тексте канона 68 недвусмысленно отмечается, что христиане вполне различали евреев, но могли сослаться на собственное неведение в случае возникновения проблем правового характера [23, с. 295]. При этом местные власти, как светские, так и церковные, видевшие в евреях не столько абстрактного врага, сколь вполне конкретного соседа, были отнюдь не столь категоричны. Зачастую им приходилось напоминать о постановлениях Собора. В 1215-1216 гг. Иннокентий III писал французскому епископату, взывая о необходимости соблюдения соответствующих требований IV Латеранского собора. Впрочем, понтифик подчеркивал, что принуждать евреев в случае угрозы их жизни не следует [39, с. 18] (см. также: [45]). Другой прецедент имел место в 1234 г., когда папа Григорий IX, годом ранее критиковавший короля Наварры за игнорирование шестидесяти восьмого канона, приказал его преемнику маркировать всех евреев, как мужчин, так и женщин, желтым круглым знаком из войлока или льна шириной в четыре пальца. Эмблема должна была помещаться на одежде как спереди, так и сзади [32, с. 72].

Любопытные примеры встречаются и в немецком регионе. Наиболее ранним напоминанием является письмо Григория IX от 4 марта 1233 г., адресованное всем прелатам германского королевства, в котором папа осуждает *confusio*, царящую по всей Германии [38, с. 172]. Поместный собор 1259 г. во Фрицларе (в городах Шпейер, Вормс и Майнц церковной провинции Майнца в то время проживали основные еврейские общины Германии) предписывает, чтобы *Genes Iudaeorum* выбрали для себя (*sibi eligat*) в течение двух месяцев признаки (*signa*) и *habitum* для отличия от христианского народа [38, с. 175]. В письме архиепископа Майнца Герхарда от 16 октября 1294 г. говорится, что евреи в его епархии не обязаны использовать какую-либо особую одежду [35, с. 88]. Иную позицию занял Нюрнберг, обязавший ок. 1290 г. их носить красные юденхуты, а позднее береты или плоские шапки. Для отличия пришлых евреев от местных первым могло быть предписано ношение большого капюшона с длинным шлыком [42, с. 38]. Иногда иудеи даже готовы были заплатить за то, чтобы добиться исключения из правил, и светские власти охотнее шли им навстречу [32, с. 68]. Во Франции при особых обстоятельствах, таких как опасность в путешествии, евреи могли быть временно избавлены от требования ношения знака. Освобождались также некоторые лица, занимавшие видное положение или имевшие особую финансовую ценность для короны [36, с. 68].

Одно из первых в немецких землях упоминание некоего еврейского «значка» (*signa judaica*) — в контексте освобождения от его ношения — встречается

в документе архиепископа Майнца Герхарда для Эрфурта от 16 октября 1294 г. В 1318 г. майнцкий собор предписал иудеям обоего пола возобновить ношение знаков и одежды (*signa et habitum*), отличающей их от христиан. Необходимость регулярного напоминания на «родном языке» об исполнении постановления была возложена на приходских священников города и епархии [35, с. 88-90].

Что касается «колеса» (еще одним названием этого знака является т. н. «еврейское кольцо») [41, с. 15], то упоминание эмблемы в Германии впервые встречается в 1434 г. в Аугсбурге [42, с. 40]. Разрешение на это было запрошено двумя годами ранее у короля Сигизмунда Люксембургского на том основании, что одежду, которую носили евреи, путали с одеждой духовенства. Иконография желтого значка необычна, на нем изображено кольцо диаметром 19 см с юденхутом в центре. Предполагается, что шляпа была нарисована в качестве символа, чтобы уточнить функцию этого ранее неизвестного в регионе признака [38, с. 181-182]. В немецкоязычных регионах, Австрии и Богемии, постановления об обязательном ношении желтых значков не выходили вплоть до XV века. Ф. Зингерман связывает это с длительной правовой протекцией императора евреям как «слугам императорской казны» (*Kammerknechte*), возлагая в итоге ответственность инициативы на города. Городской хронист и юрист Иоганн Пургольд в «правовой книге» (*Rechtsbuch*) начала XVI в. сетовал на избавление евреев от ношения специфической одежды как знак того, что немецкими князьями «золото дороже чести Бога и христианства» [23, с. 298].

При сравнении с частотностью употребления других визуальных признаков, например, юденхутов, очевидно, что эмблемы долго не были главным идентифицирующим признаком в Германии, хотя распоряжения о необходимости их употребления начинают с большей периодичностью появляться во времена позднего Средневековья, например, в вышеупомянутом указе императора Сигизмунда (1434 г.) [15, с. 32]. Г. Киш связывает это в немалой степени с деятельностью и влиянием теолога Николая Кузанского [23, с. 299]. В 1451 г. он прибыл в Германию как папский легат для обеспечения исполнения церковных постановлений относительно евреев. Основываясь на решениях Базельского собора, Кузанец конкретизировал, чтобы мужчины отныне носили на груди хорошо видимое тканевое кольцо диаметром не менее пальца, а женщины — две синие полосы¹. Так возникла форма, существовавшая до XVIII в. Эти положения были обнародованы в местах, которые он посетил (Бамберге, Вюрцбурге, Магдебурге, Хильдесхайме, Миндене), указом «*Quoniam ex iniuncto*» [18, с. 242]. Отличительный знак рассматривается в указе вследствие необходимости искоренения ростовщической деятельности евреев [38, с. 184]. Кузанский сыграл важную роль в принятии нескольких поместными соборами правил, касающихся эмблемы, но просьба Фридриха III папе Николаю V об отзыве постановления о нагрудном знаке была исполнена [36, с. 68]. Иногда для «распатывания» социального статуса евреев

¹ До этого момента отличительные знаки для еврейских женщин почти не привлекали внимания властей.

ношение знака вводилось на короткий срок, а впоследствии упразднялось. Например, в Нюрнберге в 1452 г. отменялось обязательное употребление отличительных знаков, однако спустя некоторое время требование появилось вновь [18, с. 44]. В 1530 г. это постановление распространилось на все немецкие земли [15, с. 32], что является весьма поздней практикой по сравнению с другими регионами. В Венеции, например, дело обстояло совсем по-другому: в 1496 г. сенат заявил, что евреи часто скрывают этот знак под одеждой [5, с. 349]. Следовательно, нужно было заменить его на нечто более заметное, например, головные уборы. Наряду с юденхутом и кольцом существовали знаки, привязанные к определенному месту или региону. В Ротенбурге в 1422 г. мужчинам и женщинам предписывалось носить на груди знак из красной ткани [18, с. 243].

Позднее появление значков на одежде в немецких землях объясняется устойчивостью других отличительных признаков. Для выполнения указа IV Латеранского собора достаточно было обеспечить ношение евреями любого знака различия, а узаконить использование уже распространенного знака было гораздо проще, нежели ввести новый.

Важно подчеркнуть принципиальную связь внедрения отличительных знаков с городским пространством Германии. Во избежание изоляции после чумы 1349 г. и уничтожения более половины евреев Германии¹, обвиненных в ее начале, в поисках большей безопасности евреи со второй половины XIV в. в основном жили в городских районах. К этому периоду относится наибольшая часть постановлений, идентифицирующих ашкеназов в городах. Таким образом, введение и легитимация признаков находилось преимущественно в компетенции немецких городов и на городском уровне [38, с. 168-169].

О высокой степени распространения «еврейского кольца» в этот период, помимо многочисленных постановлений институтов власти, свидетельствует большое количество визуального материала. Некоторые примеры их употребления, а также форма, цвет и семантика «кольца» будут подробнее рассмотрены далее.

Согласно классификации М. Тамма, все отличительные знаки семиотически подразделяются на негативные, позитивные и нейтральные [43, с. 60]. Каждая из этих групп, в свою очередь, делится на три подгруппы: знаки вещественные, естественные и телесные (рис. 1). Тамм относит «еврейское колесо», наряду с желтым крестом еретиков, к группе негативных знаков материального характера, и если с интерпретацией обстоятельств возникновения знака полемизировать вряд ли имеет смысл, то негативный характер «кольца» представляется не столь однозначным.

Дискуссионным остается вопрос и о происхождении формы знака. Округлая конфигурация эмблемы может быть обусловлена как прагматическими, так и символическими соображениями, и первым приходит наиболее простое объяснение. Круг кажется весьма подходящей формой для того, чтобы вырезать ее из ткани ишить на одежду, однако подобная интерпретация вряд ли может в полной мере отразить мотивацию избрания именно такого вида.

---

¹ Накануне чумы количество мест проживания ашкеназов оценивается примерно в тысячу [38, с. 169].

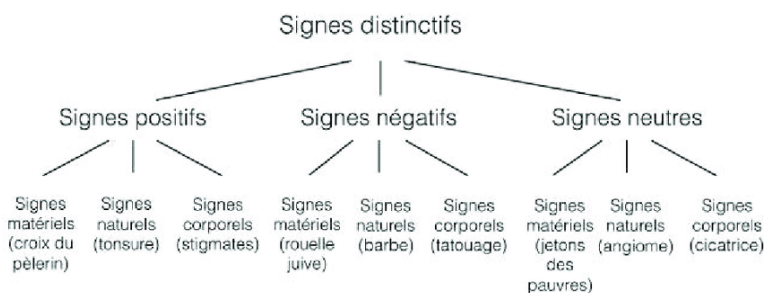

Рис. 1. Классификация знаков отличий, согласно М. Тамму [43, с. 62]

Fig. 1. Classification of insignia according to M. Tamm [43, p. 62]

Взгляды историков на семантику фигуры многочисленны и вариативны. Объясняется это дефицитом текстуальных «ключей» в культуре эпохи и множественностью контекстов социального бытия евреев. Уместной выглядит гипотеза о роли ветхозаветной префигурации Распятия, убийстве Каином Авеля как метафоры иудео-христианских отношений [15, с. 21]. В письме к графу Неверскому, написанному за семь лет до Латеранского собора, Иннокентий III провел прямую связь между знаменем Каина, наложенным Богом для предотвращения его убийства людьми (Бытие 4:11-16) и судьбой евреев, обреченных на изгнание и порабощение за братоубийство [26, с. 92-99]. Здесь уместно вспомнить теологическое представление о том, что евреи должны оставаться среди христиан в качестве живого напоминания о событиях, описанных в Новом Завете, вплоть до конца света. Б. Денек указывает, что это могло иметь решающее значение для введения знака [18, с. 247]. М. Тамм считает, что отличительные знаки часто выполняли функцию символа вины вынужденных их носить. Так, колесо могло представлять собой фигуру евхаристии, отвергнутой евреями [43, с. 73].

Весьма вероятно, что круглая форма, напоминающая монету, может указывать на экономическую сторону жизни евреев, занятие этически табуированным Церковью для христиан ростовщичеством [1], нередко весьма существенную роль в экономике. Эта мысль доносится итальянским поэтом XVI в. Баттистой Гуарини, объясняющим ношение литеры *O* местными евреями (впервые Венеция, 1394 г.):

«Осужденный на вечные муки, еврей несет это в знак своего горя;
Или, возможно, эта гласная используется как ноль, указывая на его ничтожество среди людей;
Или, ноль скоро евреи обретают богатство за счет ростовщичества, указывает на то, что они получают многое из ничего» [15, с. 42].

В средневековой Европе ноль нередко воспринимался как знак небытия, и сопровождался соответствующими фобиями. Пустота приравнивалась к злу как отсутствию Бога. Текст Гуарини относится к числу весьма немногочисленных текстуальных объяснений изображения, что является характерной чертой в истории средневековой эмблематики вообще. Поздняя относительно времени

появления признака попытка его символического осмысления свидетельствует более о прочности укоренившейся традиции, нежели признанности толкования.

Круглая форма также может быть связана с геральдикой, занявшей с XIV в. прочное место в литературе и мире воображаемого. Обычно конфигурация гербового щита была треугольной, но в живописи и художественных нарративах негативные персонажи — сарацины, бастарды, и цари-язычники наделялись гербами округлой формы. Такие гербы подчеркивали приниженное положение персонажа и его склонность к злу. Знак *O*, вероятно, относился к тому же фонду символических ассоциаций [30, с. 193-209].

Наряду с этическим контекстом следует рассмотреть и воображаемую телесность. В ряде итальянских городов, например Венеции, проституток отличал желтый знак. Согласно Д. Хьюз, законы Умбрии 1432 и 1436 гг. обязывали еврейских женщин носить круглые золотые серьги, что подчеркивало их сексуальную распушенность [22, с. 50-59]. По мнению Ф. Кассен, эта точка зрения может быть распространена и на мужчин, обязанных теми же законами к ношению значка *O*. Круглая форма и желтый цвет уподобляли серьги значку. Следовательно, его посредством еврейские женщины ассоциировались с девиантным сексуальным поведением иудеев [15, с. 45-46]. И. Резник подробно рассматривает христианские представления о коварном и ненасытном либидо мужчин-евреев (из-за чего их следовало обрезать) и связанную с ними веру в противостоительный переизбыток у них женских качества [33, с. 144-174]¹.

Наконец, была проведена аналогия между колесом и фигуративной репрезентацией звезды [28, с. 163-164]. В этом случае можно говорить о семантически нейтральном характере знака, отсылающем к еврейской идентичности в целом.

Важную роль играет и цветовое оформление «колеса». М. Пастуро отмечает, что отличительные знаки встречались только пяти цветов: белого, черного, красного, зеленого и желтого. Они могли действовать по-разному, либо одиночно, и тогда знак будет монохромным, либо в сочетании, бихромия является наиболее распространенным случаем. Встречаются все комбинации, но чаще всего красный и белый, красный и желтый, белый и черный, желтый и зеленый [8, с. 218-220]. Хроматически категоризируя отверженных, М. Тамм отметил, что желтый цвет был характерен в основном для фальшивомонетчиков, еретиков и евреев [43, с. 74].

Как правило, знак был желтый, но, в частности, во Франции предписывались разные цвета, в том числе сочетание красного и черного, а в XV в. даже зеленый [36, с. 68]. Иногда исследователи указывают на наличие белого цвета эмблем, например, на фреске Паоло Уччелло «Чудо оскверненной гостии» (1467-1469 гг.) [41, с. 15]². Судя по визуальным источникам и памятникам публично-правового характера, немецкие знаки чаще всего были именно желтого цвета. Это отличает их от юденхутов, для которых были характерны различные цвета, в том числе и белый [41, с. 15]. Впрочем, желтый цвет в любом случае является преобладающим. В отличие от хроматически близкого ему золотого (ношение золотых и серебряных тканей было за-

¹ О «девиантной» сексуальности как критерии маргинализации см.: [34].

² Вопреки Х. Шрекенбергу, авторы не обнаружили на изображениях белой роты.

прещено евреям), желтый в рассматриваемое время имел скорее отрицательные коннотации, и, ассоциируясь с таким смертным грехом, как зависть, оброс целым шлейфом негативных смыслов, от ревности до предательства¹. Именно поэтому он был характерен для иконографии Иуды [7, с. 49]. Цвет отличительного знака создавал эффект полихромии, который, по словам Д. Санси, подчеркивал его уничижительный характер в эпоху, когда одежда правящей элиты городов имеет тенденцию к большей строгости, усиливаемой темными и однотонными тонами [38, с. 186].

Желтое колесо встречается на ксилографии из «Всемирной хроники» Хартмана Шеделя, инкунабулы 1493 г., представляющей иллюстрированную историю человечества от сотворения мира, наиболее важном светском иллюстрированном раннепечатном памятнике XV в. Здесь изображены ритуальные пытка и убийство Симона Трентского итальянскими евреями, один из наиболее известных случаев «кровавого навета» в истории ([31]; о ранней истории сюжета см: [9]) (рис. 2). Все иудеи, представленные здесь в разноцветных одеждах, отмечены желтыми ротами. Знаки довольно крупного размера и расположены на одежде не на фиксированном месте, а таким образом, чтобы быть заметными зрителю, подчеркивая еврейскую идентичность действующих на гравюре лиц.

Рис. 2. Симон Трентский. Гравюра Михаэля Вольгемута, «Всемирная хроника» Хартмана Шеделя, Нюрнберг, 1493 г. [41, с. 278]

Fig. 2. Simon of Trent. Woodcut by Michael Wohlgemut in *the Chronicle of the World* by Hartmann Schedel, Nuremberg, 1493 [41, p. 278]

¹ К XV в. он стал в христианском мире цветом измены, преступности, скупости, зависти и лени [15, с. 45].

Еврейские кольца часто встречаются на образах, отсылающих либо к повседневным реалиям, либо репрезентирующих значимые для любого христианина события. Например, на ксилографии Ганса Вандерайзена (Нюрнберг, 1520 г.) изображен требующий от должника процентов ростовщик. Его еврейское происхождение легко идентифицируется благодаря круглой эмблеме на левом плече и псевдо-еврейским письменам на подоле одежды. Еще один атрибут, часто встречающийся в иконографии евреев — зажатый в руках кошель с деньгами, однозначный маркер ростовщичества [41, с. 308]. Визуальные нарративы демонстрируют образ современного автору мира, моделируя ситуацию, в которой теоретически мог побывать любой средневековый христианин.

Специальные визуальные признаки можно наблюдать на изображениях сцен из Библии, хотя они и встречаются там относительно редко. Подобный анахронизм типичен для средневековой картины мира, где иудей, вне зависимости от исторических реалий, мог помечаться особым знаком, связующим, таким образом, события Священного Писания и современность. На гравюре Урса Графа к «Страстям» гуманиста Матиаса Рингмана (1503 г.) изображен выходящий из храма Иисус, которому угрожают побитием камнями евреи (Ин. 8:59) с круглыми нашивками на одежде (рис. 3) [41, с. 152].

Изображение Самсона, побивающего тысячу филистимлян (Суд: 15: 15-15) является старейшей из найденной авторами визуализаций рот в немецкой традиции. Это достаточно редкий пример отмеченного признаком позитивного библейского персонажа, одного из ветхозаветных прообразов Христа, не отличающегося, впрочем, миролюбием последнего, свидетельствующий тем не менее о нейтральном характере кольца как средства выражения еврейской идентичности.

Следует рассмотреть и гендерный акцент употребления эмблем. Несмотря на то, что канон IV Латеранского собора предусматривал использование отличительных признаков представителями всех полов, в визуальных источниках практически не встречается женщин, на одежде которых можно было бы обнаружить роту. Одно из немногих свидетельств можно найти в уже упоминавшейся «Всемирной хронике» Хартмана Шеделя, на гравюре, воспроизводящей сюжет ритуального убийства Симона Трентского (рис. 2). В числе мучителей маленького мальчика выделяется женщина. На правой стороне ее груди нашит круглый знак желтого цвета, на поясе угадывается связка ключей, а в руках — свеча и гвозди. Гвозди подчеркивают ритуальное воспроизводство распятия Христа, обусловленное конфессиональной стигматизацией, а свеча, возможно, отсылает зрителя к эпизоду послеродового очищения Марии в храме. В средневековой традиции было распространено убеждение, что женщина после родов некоторое время остается нечистой и, следовательно, не должна входить в храм и прикасаться к чему-либо священному до совершения соответствующего обряда [25, с. 231]. Редкое употребление подобных знаков на женской одежде

можно объяснить иерархической установкой средневековой теологической мысли, согласно которой еврейка должна была подчиняться старшему мужчине в семье (см. подробнее: [13]). Итак, если женщина была полностью подвластна своему мужу, отцу или брату-еврею, имеет ли смысл особо указывать на ее происхождение, выделять его и подчеркивать соответствующим иконографическим атрибутом? Среди иных гендерных маркеров отметим постановление Зальцбургского собора (1418 г.) о колокольчиках на одеждах евреек, звук которых должен был объявлять об их приближении издали [42, с. 37].

Рис. 3. Гравюра Урса Графа, иллюстрация к труду Матиаса Рингмана «Passio Domini nostri», Страсбург, 1506 г. [41, с. 152]

Fig. 3. Woodcut by Urs Graf in the *Passio Domini nostri* of the humanist Matthias Ringmann, Strasbourg, 1506 [41, p. 152]

Рис. 4. Самсон, побивающий филистимлян. Ксилография из «Speculum salvationis», мастерская печатника Лукаса Брандиса, Любек, ок. 1475 г. [41, с. 118]

Fig. 4. Woodcut in a *Speculum salvationis* book from the workshop of the printer Lucas Brandis of Lübeck, c.1475 [41, p. 118]

Важно отметить, что «еврейские кольца» выступают одной из немногих однозначно интерпретируемых семиотических стратегий идентификации. Другие визуальные признаки не столь недвусмысленны и могут воспроизводиться для представителей иных групп Других. Например, юденхуты использовались при изображении различных чужеземцев восточного происхождения, в том числе монголов и сарацин [5, с. 63]. Особые телесные признаки, например физиогномика, в принципе характерны для изображения всего дьявольского, нечистого и греховного и никак не могут быть привязаны к определенной со-

циальной группе. Это касается даже на первый взгляд столь специфичных для евреев признаков, как крючкообразная форма носа [6, с. 27].

При этом с коммуникативной точки зрения роты сами по себе едва ли функционируют в качестве однозначно диффамационного признака, в отличие от той же *Judensau*. Они не являются способом указать на неправоту иудаизма, не подчеркивают религиозных заблуждений евреев, как, например, это делает повязка на глазах у аллегии Синагоги [37]. Это явствует из разнообразия контекстов, в которых изображаются евреи, будь то карикатура, высмеивающая алчность, или иллюстрация библейского сюжета.

Более того, в Англии XIII в. функционально аналогичная эмблема имела форму Скрижалей Завета. Чтимый и в христианстве символ с начертанными Десятью заповедями вряд ли мог служить маркером, отмечающим нечто греховное и дурное. Следовательно, неправомерно говорить о том, что роты носили исключительно негативный характер *a priori* и были введены для того, чтобы исключить евреев из средневекового христианского городского социума. Скорее, это была стратегия идентификации и контролируемой интеграции в общество одной из множества социальных групп. На всех проанализированных памятниках цель одна — распознавание персонажа. Естественно, общий смысл, транслируемый изображением, мог быть любым, от нейтрального до визуальной агрессии.

Письменные источники столь же недвусмысленно говорят о цели отличительных признаков — подчеркнуть происхождение, разграничить, предотвратить нежелательный контакт. Вряд ли здесь может идти речь о знаке позора. Впрочем, «еврейское колесо» могло исполнять функции диффамационного признака, но, как ни удивительно, не в случае с евреями. Известны примеры, когда подобные знаки носили монахи, уличенные в колдовстве [10, с. 60].

Заключение

Отличительные знаки, формально обязательные для ношения евреями, являлись средством социокультурной идентификации их как общности в христианском обществе Европы. Их появление следует рассматривать в общем контексте механизмов семиотического упорядочивания христианского мира, где евреям, как и всем иным группам, отводилось собственное место. Таким образом, представляется правомерным утверждать о диалектике двух функций, отражающих соответствующие социокультурные процессы: различения, подчеркивания еврейской идентичности и одновременно контролируемой интеграции иудеев в городское христианское общество. Семантически амбивалентный, контекстуально знак мог использоваться как пейоративным средством диффамации, так и позитивным или нейтральным маркером. Сам по себе знак лишь маркировал группу, важен характер его использования и вкладываемые акторами смыслы.

Особо отметим поздний относительно иных стран характер подобной практики в Германии и повсеместно весьма разный подход местных властей к исполнению нормативных предписаний церковных институтов. Использование

иудеями рассмотренных знаков никогда не отличалось устойчивостью ни хронологически, ни географически, и всегда обуславливалось конкретикой локальной ситуации. Лучшее относительно других стран положение евреев в Германии определялось как личной зависимостью от императора, так и политической децентрализацией, а следовательно, возможностью для евреев избрания нового места проживания при неблагоприятных условиях. Борьба за экономические ресурсы евреев явно превалировала над ситуативными всплесками антисемитизма. Ситуация меняется по мере централизации политического пространства, и здесь отметим важность имперского указа от 1530 г.

Рота — своеобразный индикатор, сейсмограф трансформации восприятия и отношения к евреям в христианском социуме. Их необходимо рассматривать в общем контексте канонического права и светского законодательства в отношении евреев, что является задачей дальнейших исследований. Для папства это был инструмент политики в отношении местных элит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов Д. И. Проклятые деньги Иуды Искариота / Д. И. Антонов, М. Р. Майзульс // Фетиш и табу: Антропология денег в России / сб. науч. статей; сост. А. С. Архипова, Я. М. Фрухтман. 2013. С. 413-434.
2. Бедос-Резак Б. М. Средневековая идентичность: знак и понятие [пер. с англ. Д. В. Байдужа] / Б. М. Бедос-Резак // Signum. Альманах Центра гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН. Вып. 5. М., 2010. С. 19-93.
3. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / М. Дуглас. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 288 с.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.
5. Майзульс М. Р. Воображаемый враг: иноверцы и еретики в средневековой иконографии / М. Р. Майзульс. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 436 с.
6. Майзульс М. Р. Стигма на лице: средневековые истоки «еврейского носа» / М. Р. Майзульс. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 5. С. 10-38.
7. Пастуро М. Желтый. История цвета / М. Пастуро. М.: Новое Литературное обозрение, 2022. 160 с.
8. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.
9. Роуз Э. М. Убийство Уильяма Норвичского. Происхождение кровавого навета в средневековой Европе / Э. М. Роуз. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 432 с.
10. Трахтенберг Д. Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом / Д. Трахтенберг. М.; Иерусалим: Издательство «Гешарим», 1998. 294 с.
11. Черных А. П. Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII в. / А. П. Черных // Средние века. 2013. Т. 3. Вып. 2 (10). С. 124-149.

12. Эклс О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / О. Г. Эклс. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 360 с.
13. Baumgarten E. Biblical Women and Jewish Daily Life in the Middle Ages / E. Baumgarten. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2022.
14. Cassen F. From Iconic O to Yellow Hat. Anti-Jewish Distinctive Signs in Renaissance Italy / F. Cassen // Fashioning Jews: Clothing, Culture, and Commerce / ed. by L. J. Greenspoon. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2013. P. 29-49.
15. Cassen F. Marking the Jews in Renaissance Italy. Religion, and the power of Symbols / F. Cassen. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2017. 225 p.
16. Constitutiones quarti Lateranensis una cum Commentariis glossatorum / ed. A. García García. Vatican, 1981. P. 107-108.
17. Cutler A. H. Innocent III and the distinctive clothing of Jews and Muslims / A. H. Cutler // Studies in Medieval Culture. Kalamazoo, Mich., 1970. Bd. 3. P. 92-116.
18. Deneke B. Die Kennzeichnung von Juden. Form und Funktion / B. Deneke // Visualisierung städtischer Ordnung. Zeichen — Abzeichen — Hoheitszeichen / Hrsg. H. Maué. Nürnberg, 1993. S. 240-252.
19. Geltner G. Social deviancy: A medieval approach / G. Geltner // Why the Middle Ages matter. Medieval light on modern injustice / eds. C. M. Chazelle, S. R. Doubleday, F. Lifshitz, A. G. Remensnyder. London [u.a.], 2012. P. 29-40.
20. Geremek B. Le marginal / B. Geremek // L'homme medieval / dir. J. Le Goff. Paris, 1989. P. 381-413.
21. Grayzel S. The Church and the Jews in the XIIIth century / S. Grayzel. New York: Hermon Press, 1966. 378 p.
22. Hughes D. O. Distinguishing Signs: Ear-Rings, Jews and Franciscan Rhetoric in the Italian Renaissance City / D. O. Hughes // Past and Present. 1986. Vol. 112. P. 3-59.
23. Kisch G. The Jews in medieval Germany. A study of their legal and social status / G. Kisch. New York: Ktav publishing house, 1970.
24. Kisch G. The Yellow Badge in History / G. Kisch // Historia Judaica. 1942. Vol. 4. P. 95-144.
25. Lipton S. Dark Mirror: The Medieval Origins of Anti-Jewish Iconography / S. Lipton. New York: Metropolitan Books, 2014. 416 p.
26. Mellinkoff R. The Mark of Cain / R. Melinkoff Berkeley, Calif. [u.a.], 1981.
27. Moore R. I. The Formation of a Persecuting Society. Authority and Deviance in Western Europe 950-1250 / R. I. Moore. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2007. 240 p.
28. Nemo-Pekelman C. Signum mortis: une nouvelle explication du signe de la rouelle? / C. Nemo-Pekelman // Jews in Early Christian law: Byzantium and the Latin West, 6th-11th centuries / éd. J. V. Tolan, N. R. M. De Lange. Turnhout, 2014. P. 153-166.
29. Nirenberg D. Communities of Violence: Persecution of Minorities in the Middle Ages / D. Nirenberg. Princeton: Princeton University Press, 1996. 301 p.
30. Pastoureau M. Figures et couleurs: études sur la symbolique et la sensibilité médiévales / M. Pastoureau. Paris, 1986.
31. Po-Chia Hsia R. Trent 1475. Stories of a Ritual Murder Trial / R. Po-Chia Hsia. New Haven; London: Yale University Press, 1992.
32. Resnick I. M. The Jews' Badge / I. M. Resnick // Jews and Muslims under the Fourth Lateran Council. Papers commemorating the octocentenary of the Fourth Lateran Council (1215) / eds. M. T. Champagne, I. M. Resnick. Turnhout: Brepols, 2018. P. 65-81.

33. Resnick I. M. *Marks of Distinction: Christian Perceptions of Jews in the High Middle Ages* / I. M. Resnick. Washington, DC: The Catholic University of America Press, 2012. 386 p.
34. Richards J. *Sex, dissidence and damnation: minority groups in the Middle Ages* / J. Richards. London [u.a.], 1991.
35. Robert U. *Les Signes d'infamie au MoyenÂge. Juifs, Sarrasins, hérétiques, lépreux, cagots et filles publique* / U. Robert. Paris: H. Champion, 1891.
36. Roth N. *Badge, Jewish* / N. Roth // *Medieval Jewish civilization. An encyclopedia* / ed. N. Roth. New York, 2003. P. 67-70.
37. Rowe N. *The Jew, the Cathedral and the Medieval City: Synagoga and Ecclesia in the Thirteenth Century* / N. Rowe. Cambridge University Press, 2011.
38. Sansy D. *Identifier les juifs dans l'espace urbain. Les signes distinctifs des juifs en terre d'Empire (XIII-XVe siècles)* / D. Sansy // *Rostros judíos del occidente medieval* / publ. J. Juaristi. Pamplona, 2019. P. 167-192.
39. Sansy D. *Marquer la différence: l'imposition de la rouelle aux XIIIe et XIVe siècles // Médiévales. №41. 2001. La rouelle et la croix. P. 15-36.*
40. Scheiner J. J. *Vom „Gelben Flicker“ zum „Judenstern“? Genese und Applikation von Judenabzeichen im Islam und christlichen Europa (841-1941)* / J. J. Scheiner. Frankfurt am Main, 2004. 169 s.
41. Schreckenberg H. *The Jews in Christian art* / H. Schreckenberg. New York: Continuum, 1996. 400 p.
42. Singermann F. *Die Kennzeichnung der Juden im Mittelalter. Ein Beitrag zur sozialen Geschichte des Judentums* / F. Singermann. Berlin, 1915.
43. Tamm M. *Naissance de la persecution sémiotique. La création des signes distinctifs des minorités sociales et religieuses dans l'Occident médiéval (XIIIe — XIVe siècles)* / M. Tamm // *Através do olhar do Outro Reflexões acerca da sociedade medieval europeia (séculos XII-XV)* / eds. J.A. Carreiras, G. Rossi Vairo, K. Toomaspoeg. Tomar, 2018. P. 57-78.
44. Toaff A. *The Jewish badge in Italy during the 15th century* / A. Toaff // *Die Juden in ihrer mittelalterlichen Umwelt* / hrsg. A. Ebenbauer, K. Zatloukal. Wien, 1991. S. 275-280.
45. Vincent N. C. *Two papal letters on the wearing of the Jewish badge: 1221 and 1229* / N. C. Vincent // *Jewish historical studies. 1994/96. Vol. 34. P. 209-224.*

Dmitrii V. BAIDUZH¹

Victoriia O. MEDVEDEVA²

UDC94(3)

**THE IMAGE OF THE OTHER: THE DISTINCTIVE SIGN
OF THE JEWS IN MEDIEVAL GERMANY (13th-16th CENTURIES)**

¹ Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of History and Global Politics,
University of Tyumen
d.v.bajduzh@utmn.ru

² Master Student,
Department of History and Global Politics, University of Tyumen
v.o.medvedeva@utmn.ru

Abstract

This paper studies the special distinguishing sign of the Jews in the Germany during the 13th-16th centuries. Since early 12th c., Europe saw a large-scale process of rethinking the place of existing social groups and the emergence of new ones, clearly expressed by a set of iconic practices. The legitimization of the Jews' emblems is its direct consequence. Using semiotic analysis, the authors consider visual signs in written and pictorial sources of various types as elements within the framework of a common sign system, as well as reveal the specifics of emblematic manifestations characteristic of Jewish identity. Most often, the signs were yellow and round. In Germany, the signs were used quite late relative to other European countries. In addition, Jews in Germany were in a better position because they depended on the emperor, and political decentralization had an impact on it. The authors conclude that the church prescription for Jews to wear specific signs was explained by the processes of streamlining the social organization of the Christian world. Finally, the authors state that the emblems were part of two strategies: the distinction between Jews and Christians, and the integration of Jews into the medieval urban space. In addition, the emblems could be a means of defamation or a positive, neutral sign.

Citation: Baiduzh D. V., Medvedeva V. O. 2022. "The image of the Other: the distinctive sign of the Jews in medieval Germany (13th-16th centuries)". Tyumen State University Herald. Humanitates Research. Humanitates, vol. 8, no. 4 (32), pp. 110-133.

Keywords

Jews, social history, semiotics, Germany, image of the Other, communication, badge, history of color, clothing, antisemitism.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-110-133

REFERENCES

1. Antonov D. I., Mayzuls M. R. 2013. "Judas Iscariot's Damned Money". In: Arkhipova A. S., Frukhtman Ya. M. (eds.). *Fetish and Taboo: The Anthropology of Money in Russia*, pp. 413-434. [In Russian]
2. Bedos-Rezak B. M. 2010. "Medieval Identity: A Sign and a Concept". Translated from English by D. V. Bajduzh. *Signum*, no. 5, pp. 19-93. [In Russian]
3. Douglas M. 2000. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. Moscow: Kanon-Press-Ts. 288 pp. [In Russian]
4. Lotman M. Yu. 2004. *Semiosphere*. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPB. 704 pp. [In Russian]
5. Mayzuls M. R. 2022. *An Imaginary Enemy: Gentiles and Heretics in Medieval Iconography*. Moscow: Alpina non-fikshn. 436 pp. [In Russian]
6. Mayzuls M. R. 2020. "Stigma on the face: the medieval origins of the 'Jewish nose'". *Vestnik RGGU*, no. 5, pp. 10-38. [In Russian]
7. Pastoureau M. 2012. *The Symbolic History of the European Middle Ages*. Saint-Petersburg: Aleksandriya. 160 pp. [In Russian]
8. Pastoureau M. 2022. *Yellow. History of Color*. Moscow: New Literary Observer. 448 pp. [In Russian]
9. Rose E. M. 2021. *The Murder of William of Norwich. The Origins of the Blood Libel in Medieval Europe*. Moscow: New Literary Observer. 432 pp. [In Russian]
10. Trahtenberg D. 1998. *Devil and Jews. Medieval Ideas about Jews and Their Connection with Modern Anti-Semitism*. Moscow; Jerusalem: Gesharim. 294 pp. [In Russian]
11. Chernykh A. 2013. "The appearance of coats of arms as a problem of heraldry and history of the 12th century". *Srednie veka*, vol. 3, no. 2 (10), pp. 124-149. [In Russian]
12. Oexle O. G. Die "Wirklichkeit" und das "Wissen". *Beiträge zur Sozialgeschichte des Mittelalters*. Translated from German by Yu. Arnautova. Moscow: New Literary Observer. 360 pp. [In Russian]
13. Baumgarten E. 2022. *Biblical Women and Jewish Daily Life in the Middle Ages*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
14. Cassen F. 2013. "From iconic O to yellow hat: anti-Jewish distinctive signs in Renaissance Italy". In: *Fashioning Jews: Clothing, Culture, and Commerce*, pp. 29-49. Indiana: Purdue University Press.
15. Cassen F. 2017. *Marking the Jews in Renaissance Italy. Religion, and the power of Symbols*. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press. 225 pp.
16. García García A. (ed.). 1981. *Constitutiones quarti Lateranensis una cum Commentariis glossatorum*, pp. 107-108. Vatican.
17. Cutler A. H. 1970. "Innocent III and the distinctive clothing of Jews and Muslims". In: *Studies in Medieval Culture*. Bd. 3, pp. 92-116. Kalamazoo, Mich.

18. Deneke B. 1993. "Die Kennzeichnung von Juden. Form und Funktion". In: Maué H. (ed.). *Visualisierung städtischer Ordnung. Zeichen — Abzeichen — Hoheitszeichen*, pp. 240-252. Nürnberg.
19. Geltner G. 2012. "Social deviancy: a medieval approach". In: Chazelle C. M., Doubleday S. R., Lifshitz F., Remensnyder A. G. (eds.). *Why the Middle Ages Matter. Medieval light on Modern Injustice*, pp. 29-40. London.
20. Geremek B. 1989. *Le marginal*. In: *L'homme medieval*. Dir. J. Le Goff, pp. 381-413. Paris.
21. Grayzel S. 1966. *The Church and the Jews in the XIIIth Century*. N. Y.: Hermon Press. 378 pp.
22. Hughes D. O. 1986. *Distinguishing Signs: Ear-Rings, Jews and Franciscan Rhetoric in the Italian Renaissance City. Past and Present*. Vol. 112, pp. 3-59.
23. Kisch G. 1942. *The Yellow Badge in History*. *Historia Judaica*. Vol. 4, pp. 95-144.
24. Kisch G. 1970. *The Jews in Medieval Germany. A Study of Their Legal and Social Status*. N. Y.: Ktav Publishing House.
25. Lipton S. 2014. *Dark Mirror: The Medieval Origins of Anti-Jewish Iconography*. N. Y.: Metropolitan Books. 416 pp.
26. Mellinkoff R. 1981. *The Mark of Cain*. Berkeley, Calif.
27. Moore R. I. 2007. *The Formation of a Persecuting Society. Authority and Deviance in Western Europe 950-1250*. Malden, MA: Blackwell Publishing. 240 pp.
28. Nemo-Pekelman C. 2014. "Signum mortis: une nouvelle explication du signe de la rouelle?". In: Tolan J. V., Lange N. R. M., De (eds.). *Jews in Early Christian Law: Byzantium and the Latin West, 6th-11th centuries*, pp. 153-166. Turnhout.
29. Nirenberg D. 1996. *Communities of Violence: Persecution of Minorities in the Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press. 301 pp.
30. Pastoureau M. 1986. *Figures et couleurs: études sur la symbolique et la sensibilité médiévales*. Paris.
31. Po-Chia Hsia R. 1992. *Trent 1475. Stories of a Ritual Murder Trial*. New Haven; London: Yale University Press.
32. Resnick I. 2018. "The Jews' Badge". *Jews and Muslims under the Fourth Lateran Council. Papers commemorating the octocentenary of the Fourth Lateran Council (1215)*, pp. 65-81. Turnhout: Brepols.
33. Resnick I. M. 2012. *Marks of Distinction: Christian Perceptions of Jews in the High Middle Ages*. Washington, DC: The Catholic University of America Press. 386 pp.
34. Richards J. 1991. *Sex, Dissidence and Damnation: Minority Groups in the Middle Ages*. London.
35. Robert U. 1891. *Les Signes d'infamie au Moyen Âge. Juifs, Sarrasins, hérétiques, lépreux, cagots et filles publique*. Paris: H. Champion.
36. Roth N. 2003. "Badge, Jewish". In: Roth N. (ed.). *Medieval Jewish Civilization. An Encyclopedia*, pp. 67-70. New York.
37. Rowe N. 2011. *The Jew, the Cathedral and the Medieval City: Synagoga and Ecclesia in the Thirteenth Century*. Cambridge University Press.
38. Sansy D. 2019. "Identifier les juifs dans l'espace urbain. Les signes distinctifs des juifs en terre d'Empire (XIII-XVe siècles)". In: *Rostros judíos del occidente medieval*, pp. 167-192. Publ. J. Juaristi. Pamplona.

39. Sansy D. 2001. "Marquer la différence: l'imposition de la rouelle aux XIIIe et XIVe siècles". *Médiévales*, no. 41, pp. 15-36.
40. Scheiner J. J. 2004. Vom „Gelben Flicken“ zum „Judenstern“? Genese und Applikation von Judenabzeichen im Islam und christlichen Europa (841-1941). Frankfurt am Main. 169 pp.
41. Schreckenberg H. 1996. *The Jews in Christian Art*. N. Y.: Continuum. 400 pp.
42. Singermann F. 1915. *Die Kennzeichnung der Juden im Mittelalter. Ein Beitrag zur sozialen Geschichte des Judentums*. Berlin.
43. Tamm M. 2018. "Naissance de la persecution sémiotique: la création des signes distinctifs des minorités sociales et religieuses dans l'Occident médiéval (XIIIe — XIVe siècles)". In: *À travers le regard de l'Autre Réflexions sur la société médiévale européenne (XIIe-XVe siècles)*, pp. 57-78. Europress, Lda.
44. Toaff A. 1991. "The Jewish badge in Italy during the 15th century. Ebenbauer A., Zatloukal K. (eds.). *Die Juden in ihrer mittelalterlichen Umwelt*, pp. 275-280. Wien.
45. Vincent N. C. 1994/96. "Two papal letters on the wearing of the Jewish badge: 1221 and 1229. *Jewish Historical Studies*, vol. 34, pp. 209-224.

Владимир Михайлович КОСТОМАРОВ¹
Кирилл Юрьевич КРЕСТЬЯННИКОВ²

УДК 913; 94

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ
РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ
XVII-XVIII ВВ. БАССЕЙНА Р. ТОБОЛ
В КОНТЕКСТЕ ЛАНДШАФТА (ОПТИКА ГИС)***

¹ кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
v.m.kostomarov@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-8667-3809

² аспирант кафедры истории и мировой политики,
преподаватель истории, гимназия
Тюменского государственного университета
k.y.krestyannikov@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6021-9459

Аннотация

Исследование затрагивает систему расселения русского населения в среднем и нижнем течении р. Тобол и ее притоках, которая сформировалась в первое столетие после покорения сибирских земель. Тема расселения рассматривалась в ряде работ, однако собственно ландшафтные парадигмы авторами упоминались лишь опосредованно. Целью исследования было изучение структуры расселения первопроходцев и автох-

---

* Данная статья была представлена как доклад на восьмой молодежной научно-практической конференции «Множественность интерпретаций: анализ данных в социальных и гуманитарных науках» (17 июля 2022 г., Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета).
Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (№ 20-05-00592).

Цитирование: Костомаров В. М. Пространственная характеристика системы расселения русских первопоселенцев Сибири XVII-XVIII вв. бассейна р. Тобол в контексте ландшафта (оптика ГИС) / В. М. Костомаров, К. Ю. Крестьянников // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 134-153. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-134-153

тонного населения в пространственном контексте. В ходе исследования ставилась цель выявить особенности ландшафтной и рельефной приуроченности поселков, которые известны по дошедшим до нас картографическим материалам С. У. Ремезова. Делается попытка не только оценки картоидов с источниковедческой и географической точек зрения, но и картирование событий и фактов, отраженных в исходных чертежах. Через исследование в среде ГИС (геоинформационных систем) сделана попытка указать на математически выделяемую гипотетическую «городскую округу», определены основные характеристики и паттерны размещения русских деревень и юрт автохтонного населения. Помимо этого, дается характеристика самому источнику через оптику работы с конкретной географической информацией.

Ключевые слова

Расселение, ландшафт, пространственная история, ГИС, С.У. Ремезов, рельеф, переселение, город, острог, Тюмень, Верхотурье, Ялуторовск.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-134-153

Введение

Исследование пространственной структуры расположения населенных пунктов является одной из основополагающих характеристик системы расселения любой группы. Через призму анализа ландшафтных, рельефных социокультурных и иных признаков, мы можем сформировать представление о протекающих исторических и культурных процессах. С приходом русского населения в Сибирь географический фактор стал ведущим при освоении фронтальных территорий. Исследование данной ситуации позволяет пролить свет не только на сам исторический ход заселения Сибири русскими первопроходцами в XVII в., но и обозначить некоторые тенденции в освоении ими жилого пространства, ландшафта, выбора стратегии урбанизации и создания пригородной округи. Все эти факторы важны для понимания комплекса исторических решений в исследуемый нами период, что актуально и в сегодняшнее время, когда человек за Уралом постоянно сталкивается с ситуацией выбора обустройства или создания населенного пункта, его дальнейшего развития и т. д.

Цель работы состоит в анализе системы взаимоотношения человека с природной средой, выраженной в физико-географических характеристиках ландшафта в период первоначального освоения Сибири.

Задачи исследования включают в себя: оценку историографии и подходов к исследованию системы расселения русских первопоселенцев; оценку источникового фонда и возможностей его обработки средствами ГИС; построение карты расселения и расположения всех населенных пунктов в Притоболье по материалам С. У. Ремезова; проведение ГИС-анализа полученных картографических данных; оценка путей и особенностей процесса урбанизации в контексте представленных материалов.

Историография

Процесс урбанизации Западной Сибири на его начальном этапе вызывает много споров среди исследователей. Многоукладный характер экономики, равно как и полифоничность населения не позволяют дать четких дефиниций относительно понятия город в дорусский период. Важно понимать, что размеры сибирских поселений среди местного населения не соотносились с понятием города достаточно долгое время. Лишь по мере оседания земля и поселения стали принимать иные интерпретации, в том числе заимствованные и трудно-объяснимые [27, с. 40-41].

Процесс освоения сибирских территорий русским населением был тесно связан с новым этапом развития урбанизации данного региона, который, впрочем, достаточно долго содержал в себе признаки предыдущего этапа. В частности, для Западной Сибири не было характерно жесткое деление на горожан и негорожан до конца XVII века [7, с. 95]. Тем не менее русские города являлись опорными пунктами для закрепления на местности и дальнейшего продвижения вглубь Сибири.

Проблематика освоения Сибири русскими поселенцами в контексте урбанизации имеет отражение в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Дореволюционная историография характеризуется в первую очередь накоплением фактического материала, а также его систематизацией. Обобщив массив имеющихся данных в своей «Истории Сибири», Г. Ф. Миллер впервые представил последовательный обзор возникновения и развития городов и острогов на территории Сибири, а также описал динамику развития торговых путей и особенности расселения сибирских крестьян [14-16].

Начиная с 90-х гг. XIX в. научный интерес к истории Сибири все больше усиливается главным образом за счет введения в научный оборот новых источников, которые способствовали дальнейшему изучению процессов расселения. Помимо расширения источниковой базы, данный отрезок времени характеризуется постановками программных задач по исследованию городов Сибири XVII в. Помимо этого, возрос интерес и к этнографическим исследованиям.

П. М. Головачев одним из первых высказался за необходимость разработки программы по исследованию городов, поскольку именно в городах «сконцентрировались элементы сибирского общества XVII в.», необходимые для понимания сибирской жизни в ту эпоху [24, с. 96].

Одной из первых работ, посвященных систематизации способов освоения Сибири русским населением принято считать труд Р. М. Кабо «Города Западной Сибири», опубликованный в 1949 году. В данной работе автора прежде всего интересовали причины расцвета и упадка городов Сибири в зависимости от их географического положения и функционального назначения до начала промышленного переворота в Российской Империи. Кабо отталкивался от влияния ландшафта на производительные силы первых русских городов в Западной Сибири. В виду различных природно-климатических, географических и конкретно-исторических условий, русские города в Сибири не могли быть

одинаковыми ни в социально-экономическом, ни в административно-политическом смысле. Вместе с тем Кабо делает вывод, что в исторической действительности первые русские города Сибири в своем становлении и развитии были полифункциональными и одновременно выполняли военные, административные, хозяйственные, культовые и культурные функции [7, с. 95]. Подобные замечания позволили пересмотреть привычную для того времени линейную концепцию эволюции сибирского города от военно-административного города-острога к торговому, а затем и к административно-экономическому центру [24, с. 97].

На рубеже 60-70-х гг. было окончательно сформировано историческое городоведение Сибири, которое подняло изучение проблематики первых русских городов данного региона на качественно новый уровень. Несмотря на некоторую, как отмечал О. Н. Вилков, «запоздалость», проблема возникновения и развития русских городов в Сибири конца XVI — начала XVIII вв. привлекала исследователей [24, с. 96]. Интенсивное накопление и осмысление новых источников, публикация тематических сборников, обращение к различным аспектам городской жизни, все это характеризует второй период развития советской историографии. Под редакцией уже упомянутого О. Н. Вилкова с 1974 по 1987 гг. выходит целая серия сборников «Города Сибири». Благодаря публикации данных сборников городская тематика в советском сибиреведении существенно расширилась. Стали прорабатываться вопросы причин возникновения и этапов развития русских городов в Сибири, их типология, социально-экономическое положение, административный и политический статус, а также духовная жизнь. Затрагивались вопросы градостроительства, источниковедения и историографии, а также методические и методологические подходы к изучению города [24, с. 96-97].

Отдельного внимания заслуживает творчество доктора исторических наук Л. А. Гольденберга. Исследователем проделана колоссальная работа по систематизации всех картографических и рукописных работ Ремезова и его сыновей. Введя в научный оборот множество ранее неопубликованных работ Ремезовых, Л. А. Гольденберг стал первым советским историком, обратившим внимание и обосновавшим проблему картографического источниковедения в своей докторской диссертации «С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII — начала XVIII вв.», защищенной в 1967 году. В дальнейшем ученый еще не раз обращался к проблемам истории картографии.

Серьезных успехов достигли советские исследователи и в вопросе взаимоотношений между сибирским городом и сибирской деревней. Сибирский город был первичен и породил собой деревню. Обращаясь к истории первых русских городов Сибири, известный советский архитектор и специалист по истории архитектуры В. И. Кочедамов подчеркивал, что для городов Сибири конца XVI — начала XVII вв. данная особенность не являлась чем-то уникальным, поскольку подобная практика применялась и на территории Центральной Рос-

сии [11, с. 10]. Дальнейшее развитие данная мысль получила в работах Д. Я. Резуна [21, 22].

Внимание современных исследователей направлено на теоретическое осмысление процесса освоения сибирских территорий в контексте формирования городской культуры. Ведутся активные дискуссии относительно таких понятий, как «город», «кремль», «острог», «крепость», «зимовье». М. П. Черная заложила в основу разделения данных понятий административно-функциональный и архитектурно-композиционный критерии. Под «острогом» М. П. Черная понимает объект рангом ниже «города». Тем не менее, с опорой на труды М. Г. Рабиновича, автор принимает во внимание факт того, что по мере возрастания социально-экономической и административной значимости острог становился городом [24, с. 6-8]. Закономерно, что в научной среде возникают вопросы относительно причин подобного «становления» городов. Подобные процессы являются комплексными и многофакторными. К вопросу о генезисе сибирского города Д. Я. Резун обратился через путь возрастания городов из сел и слобод. По мнению исследователя «сибирский» путь более значим, чем в Европейской России, но при этом, тезис о первичности сибирского города над селом и деревней не теряет своей актуальности [22].

Актуальными остаются и вопросы взаимодействия русского населения с коренными народами Сибири. В работах А. Ю. Конева представлены особенности административной политики Русского государства в Сибири на примере различных законодательных актов, регламентировавших правовые отношения с «инородцами» [9, с. 79-125]. В работе Л. Р. Павлинской, посвященной особенностям русской колонизации в XVII — начале XVIII вв., также проводится сравнительный анализ освоения Сибири с колонизацией Южной и Северной Америки на примере законодательных актов [19, с. 4].

В. В. Пестерев также рассматривал проблематику процесса организации населения в колонизируемом пространстве на материале Зауралья конца XVI — середины XVIII вв., посредством реконструкции механизмов пространственной организации отдельных поселений и поселенческих комплексов на локальном, субрегиональном и региональном уровнях [20].

На рубеже 2000-2010-х гг. исследователи активно обращаются к урбанизационным процессам в Сибири с междисциплинарных позиций. Внедряются новые типы источников, привлекаются данные о ландшафте и климате, внедряются данные палеозоологии и палеоботаники, используются методы абсолютного и точного датирования, картографирования и т. д. За авторством Т. Н. Жилиной в 2009 г. выходит монография, посвященная проблемам русской колонизации Западной Сибири в условиях малого ледникового периода. Как заключает автор, интенсивное заселение Сибири русскими на начальном этапе проходило в районах средней и южной тайги, что было обусловлено возможностью ведения земледельческого хозяйства. Значительная часть русских переселенцев были выходцами из северных уездов Русского государства, для которых суровость климата не была в диковину, однако определенные трудности адап-

тации русского населения в Сибири, несомненно, были. Для основания городов выбирались места по склонам долин на речных террасах и прибрежные луговые земли, что позволяло заниматься как земледелием, так и скотоводством. Данные особенности расселения в условия малого ледникового периода позволили русским успешно адаптироваться в новой обстановке и тем самым подготовить регион в качестве плацдарма для дальнейшего переселения на территорию лесостепи и Западного Алтая [5, с. 122-125].

В последнее десятилетие процесс урбанизации рассматривается и в контексте дорусской истории Сибири. Проблематика урбанизационных процессов на территории Зауралья и Западной Сибири нашла отражение в работах курганских и тюменских исследователей. О. М. Аношко, С. В. Берлина и С. И. Цембалюк обратили внимание на то, что начало урбанизации на территории Западной Сибири было положено еще в эпоху поздней бронзы. В ходе исторического развития городские поселения приобретали самые различные формы, последовательно сменявшие друг друга от крепостей до административных центров в золотоордынский период [1, с. 64-65].

По мнению Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябининой, продвижение русского населения на территорию Западной Сибири было вызвано, вероятнее всего, столкновением интересов за пушнину между Российским государством и Сибирским ханством и изначально не было частью целенаправленной внешней политики Москвы [12, с. 31]. Столкнувшись со значительными трудностями в системе административного контроля над приобретенными территориями и населением, Москва заложила ряд крепостей в непосредственной близости от татарских городов и поселений, что во многом позволило улучшить контроль над основными речными путями и обеспечить стабильный сбор ясака с местного населения.

Говоря об исследованиях в контексте исторической географии, стоит отметить работы Ф. С. Корандея и С. В. Рассказова, посвященные проблематике идентификации топонимов посредством критического сопоставления данных атласов С. У. Ремезова с путевыми описаниями XVII — XVIII вв. [10].

В целом для современной российской историографии Сибири характерно использование междисциплинарных подходов в изучении сибирского города с привлечением широкого круга источников, включая и цифровые данные.

Среди зарубежных исследователей особое внимание заслуживает фундаментальный труд Л. С. Багрова, посвященный комплексному изучению становления русской картографии, в том числе и на примере картографии Сибири XVII-XVIII вв. [2]. В 2006 г. опубликована монография американского историка Валери Кивельсон «Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века». В данной работе автором рассматривались вопросы пространства и пространственного воображения в России XVII в. Особенность данной работы заключается в том, что автор привлекает достаточно широкий круг картографических и летописных источников и обращается к проблематике понимания сибирского ландшафта, отличного от восточноевропейского, а также способов

его освоения. По мнению Кивельсон, карты С. У. Ремезова отражали представления составителей о Сибири как о пространстве, с помощью которого можно распространить Божью волю посредством строительства городов и церквей [8, с. 192]. Также, по мнению автора, быстрое развитие русской картографии в XVII в. может указывать на «зрелость» государства и общества, шагнувших в эпоху Нового времени [8, с. 35].

Таким образом, мы видим, что большинство источников так или иначе уже рассматривалось исследователями на протяжении многих лет. В такой ситуации будет корректно провести новое исследование с применением методик комплексного анализа с применением алгоритмов обработки пространственных данных, что, на наш взгляд, не только привнесит некоторую актуальность исследованию, но и выводит его на уровень географических обобщений.

Источники

За базовые источники для подобного рода исследований принимаются всевозможные картографические источники, так как именно в них можно получить искомые пространственные характеристики. Для формирования основных пространственных представлений об эпохе русского освоения Сибири наиболее подходящими являются карты С. У. Ремезова, которые фигурируют в ряде специализированных исследований [2, 8, 18]. Для анализа мы взяли несколько листов Хорографической книги Сибири (1697-1711) и Книги большого чертежу (1699-1701) [26, 27]. Данный выбор продиктован различием этих двух атласов по хронологии, стилистическими решениями и густотой репрезентируемой нагрузки, а также достаточно хорошими цифровыми копиями, что позволяет применять различные методы анализа.

Структурно «Чертежная книга Сибири» представлена выборкой из 205 населенных пунктов, находящихся в пределах Нижнего Притоболья и прилегающих территорий (рис. 1). Всего в «Чертежной книге Сибири» мы выявили пять центров, обладающих определенным приоритетом (Тобольск, Тюмень, Епанчин Град, Слобода Ялуторовска и Царево Городище), т. к. для них характерно особое обозначение данных населенных пунктов в сравнении с близлежащими поселениями, представленное в виде графического изображения стен и башен. Остальные населенные пункты мы разделили на деревни (173) и поселения (27), где разница между ними также представлена в графической форме. Для деревень характерно изображение в виде прямоугольника или круга с крестом в верхней его части, что может говорить о наличии в данном населенном пункте церкви. Стоит оговориться, что для более наглядного понимания статистической выборки, все русские сельские поселения обозначены в качестве деревни, даже если в них расположен храмовый комплекс. Тем не менее статистический учет поселений с культовыми сооружениями, обозначенными подобным образом также велся. Всего было выявлено 16 сельских населенных пунктов, в пределах которых находился храм. Понятием поселение в данной работе были обозначены населенные пункты, зафиксированные на карте в виде юрт.

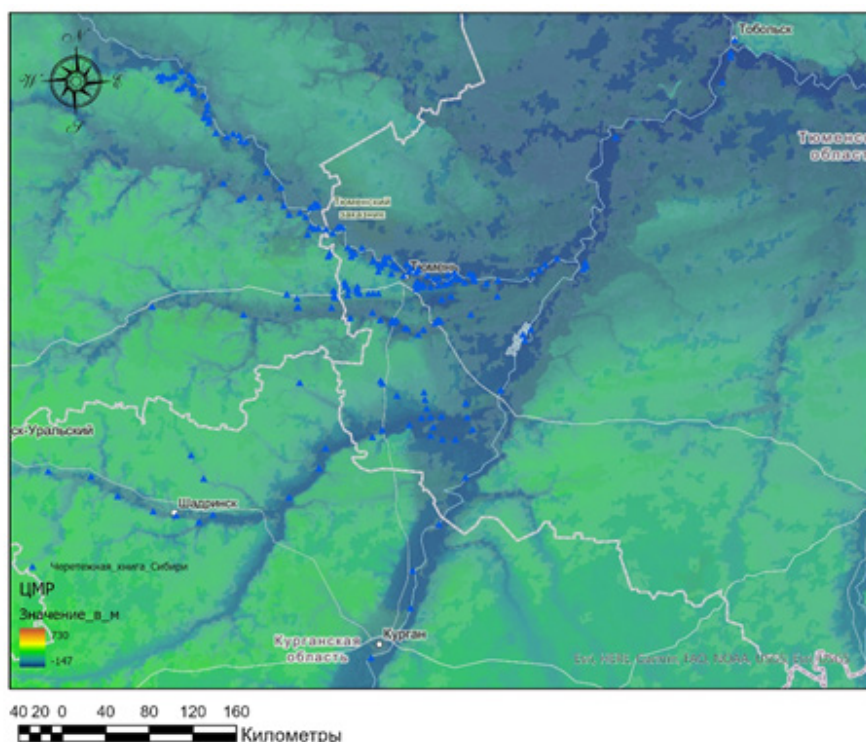

Рис. 1. Карта рельефной приуроченности населенных пунктов по материалам «Чертежной книге Сибири»

Fig. 1. The map of relief accessory of settlements according to the Chorographic Book of Siberia

Некоторые условные обозначения на карте, будь то запруда, пастбище или поле, обозначенные вблизи населенных пунктов, могут свидетельствовать о том или ином виде хозяйственной деятельности поселения. Подобные графические обозначения послужили критерием для дифференциации поселений по характеру ведения хозяйства. Некоторые поселения ввиду их расположения могут быть отнесены сразу к двум типам ведения хозяйства, поэтому для данной статистической выборки они были отнесены к отдельной статистической группе. Города также обозначены в качестве отдельной хозяйственной единицы, поскольку они концентрируют у себя все виды продукции, получаемой из сельских населенных пунктов.

Говоря о «Хорографической книге Сибири» стоит отметить, что она представлена несколько большей статистической выборкой. В границах Нижнего Притоболья нами выделено 295 населенных пунктов, которые были подразделены на группы аналогичным образом, что и при разборе «Чертежной книги» (рис. 2). Здесь также фигурирует пять городов (Тобольск, Тюмень, Град Туринский, Ялуторовск и Царево Городище). Как и в случае с «Чертежной книгой Сибири», города обозначены в виде крепостей, выделяющихся по размеру на

фоне остальных населенных пунктов. Для «Хорографической книги Сибири» характерна аналогичная дифференциация сельских поселений. В данном кейсе было выделено 254 деревни, в 39 из которых имелись церкви. В качестве поселений на карте было обозначено 36 населенных пунктов.

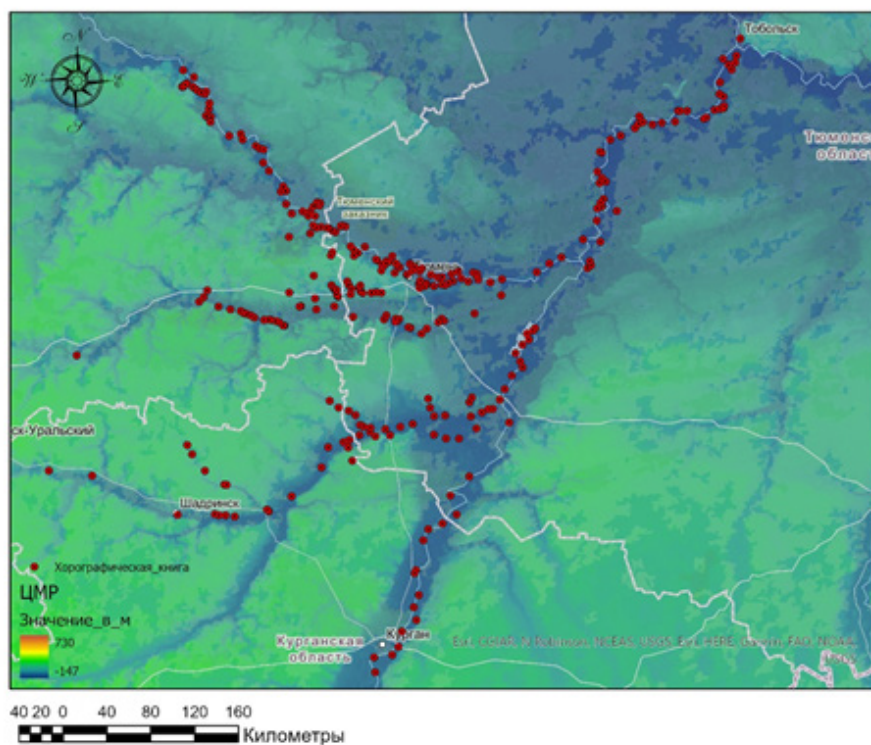

Рис. 2. Карта рельефной приуроченности населенных пунктов по материалам «Хорографической книги Сибири»

Fig. 2. The map of relief accessory of settlements according to the Drawing Book of Siberia

Кроме этого, были привлечены не только типичные исторические источники, но и результаты дистанционного зондирования земли (космоснимки и данные радарной съемки SRTM). Это позволило провести более детальную характеристику ландшафтного и рельефного окружения исследуемых объектов. Также мы взяли данные по расположению речных и озерных систем для локализации приуроченности к водным ресурсам, которые хорошо прорисованы как на картах Ремезова, так и присутствуют на современных картографических серверах, в частности компании ESRI.

Именно синтез сугубо исторической информации, современных технологий и данных позволяет провести дополнительное исследование, и понять, насколько исторический источник соответствует отображаемой реальности, а также уточнить его функцию.

Методология

Возвращаясь к историографии освоения Зауралья русскими поселенцами в контексте урбанизации можно проследить динамику в отношении основных подходов к изучению процесса урбанизации в целом. Принято считать, что историческая урбанистика возникает в начале XX столетия под сильным влиянием социологической науки, что во многом определило методологическую основу для изучения истории образования и развития городов. Именно труды немецкого социолога Макса Вебера повлияли на дальнейшее развитие исторической урбанистики как междисциплинарной области исторической науки [4]. Благодаря тесному сотрудничеству историков, социологов, географов и экономистов понятие урбанизация начинает активно проникать в научный оборот в середине XX века. В настоящее время наибольшее распространение в исторической науке получили два методологических подхода в изучении урбанизации — модернизационный и мир-системный.

Модернизационный подход рассматривает урбанизацию сквозь призму кардинальной перестройки общества — перехода от аграрной стадии к индустриальной, где подчеркиваются отличительные черты городских систем традиционных обществ от обществ урбанизованных. Только в условиях индустриализации города принимают новые функции и роли, тем самым способствуя модернизации. Таким образом, в понимании модернизационного подхода, урбанизация как исторический процесс начинается на рубеже XVIII-XIX вв., т. е. с началом Промышленной революции, но если мы обратимся к источникам, то можно выделять некоторый период, предшествующий данному процессу, который проиллюстрирован нашим исследованием.

В свою очередь мир-системный подход подразделяет урбанизацию на три стадии. Первая соотносится с процессом формирования государств в конце IV — начале III тыс. до н. э. и вплоть до конца XVIII в. Вторая стадия характеризуется быстрым ростом размеров и числа городов как результат процессов индустриализации. Третья стадия — централизация людей и богатства, а также политических, экономических и культурных учреждений общества в городах. Наше исследование как раз нацелено на изучение перехода от первой стадии ко второй, так как именно процесс закрепления русской государственности определялся развитием городской и пригородной инфраструктуры в Сибири.

Важнейшей методологической проблемой изучения урбанизации является сосредоточение внимания урбанистов исключительно на городах, отказ от признания комплексного характера урбанизации. Преодолеть этот перекоп позволяет комплексное изучение не только городской, но и сельской местности, также переживающей качественную перестройку в условиях урбанизации и меняющей свои качественные характеристики. Может быть, на этом пути системного анализа эволюции поселенческой сети в целом возможно решение изложенных выше проблем и достижение согласования основных подходов к изучению урбанизации.

Среди подходов к оценке ландшафта мы использовали терминологию и теоретическую рамку, предложенную Т. Ингольдом, который трактовал «ландшафт как мир в том виде, в котором он был известен и представлялся обитателям. Таким образом ландшафт — это образцы активности, трансформировавшиеся в пространственное расположение элементов, внешние формы моделей человеческой деятельности» [28, с. 156]. На наш взгляд, данный подход хорошо иллюстрирует систему реализации получения информации из картографического источника вне отрыва ее от исторического и географического контекста, однако мы должны оговориться, что не все положения исследователя нам близки.

В ходе исследования мы применили несколько методов которые относятся к географическим. Изначально была проведена попытка привязки планов Ремезова к существующей физико-географической карте, однако, как показал это опыт, полноценная привязка данного вида карт недееспособна из-за больших искажений как при аффинных преобразованиях, так и при методах гибкой привязки раstra. Вполне логичным в этом случае является использование картирования исторической информации на современной топооснове. При этом нужно учитывать, что большая часть населенных пунктов так или иначе сохранилась до наших дней и их идентификация не составляет труда, а малая часть достаточно хорошо локализуется по сравнительным характеристикам физико-географического облика современной эпохи. В каждом из файлов данных создавались атрибуты, не только связанные с поименованием, но и с возможной этнической принадлежностью поселков, с отношением к хозяйственному типу, а если удавалось получить достаточно информации, то и с окружающим ландшафтом. Сформированная файловая структура была проанализирована и стандартными методами классификации по уникальным значениям атрибута, и более сложными математическими алгоритмами для выявления особенностей и закономерностей распределения.

Для решения поставленных задач мы выбрали метод кластеризации, основанный на объединении нескольких групп населенных пунктов по признаку близости и затраченному времени. Применялся модуль Hot Spot analysis (Moran's I and getis-ord statistics) в программном комплексе ArcGIS Pro 2.8. Для решения задач в оценке рельефной приуроченности использовался модуль анализа цифровой модели рельефа, на основе полученного SRTM снимка с точностью съемки в 90 метров, что позволило представить размещение данных объектов.

Результаты и обсуждение

Итогом данного исследования стало несколько аналитических карт, которые показывают особенности расселений и формирования городской инфраструктуры региона.

Ландшафтный анализ с привлечением данных дистанционного зондирования земли на примере SRTM позволил получить данные о гидрологической сети региона. Согласно выборке «Чертежной книги Сибири» из 205 поселений по-

давяющее их число расположено в низовье бассейна реки Тура (рис. 1). Как правило, поселения находятся на правом верхнем берегу реки. Здесь же присутствует достаточно крупная группа поселений на левых притоках Пышмы, которые располагаются на том же уровне, что и поселения на речной террасе Туры. У истока Исети напротив, преобладают поселения, расположившиеся в поймах речных долин. Схожая ситуация с поселениями возле реки Тобол. Стоит, однако, отметить, что в «Чертежной книге» поселения на Тоболе крайне малочисленны, а потому говорить о том, что они расположены преимущественно в низине не совсем корректно.

«Хорографическая книга» с ее выборкой в 295 поселений дополняет информацию, рассмотренную выше. Значительная часть поселений располагается в поймах рек Туры, Пышмы и Исети. Аналогичная ситуация прослеживается и на всем протяжении реки Тобол. Большая в сравнении с «Чертежной книгой» выборка из поселений, запечатленных на страницах атласа, позволяет подтвердить тезис о преимущественном расположении населенных пунктов реки Тобол в низине. При детальном рассмотрении Ялуторовска и его спутников данная ситуация весьма показательная. Противоположная картина наблюдается по направлению на запад. Населенные пункты притоков Исети и Пышмы, как и поселения на правом берегу Туры, находятся на возвышенности вдоль речных террас, либо подале от речной поймы (рис. 1-2).

Помимо ландшафтного анализа была проведена кластеризация поселений с целью оценки заселенности Нижнего Притоболья на рубеже XVII-XVIII вв. Данная процедура позволила вычлнить пять групп объектов согласно материалам «Чертежной книги Сибири» (рис. 3). Первый кластер самый обширный и территориально связан с берегами рек Туры и Пышмы. Поселения данного кластера явно тяготеют к такому экономическому центру как Тюмень. Второй кластер в несколько раз меньше и расположен на месте впадения Туры в Тобол, где крупным экономическим центром по всей видимости выступает Тарханский острог, поскольку он фигурирует на ряде зарубежных атласов, но при этом нужно учитывать и положение Тюмени, которая находилась на основном транзите передвижения из Московии. Третий кластер еще меньше предыдущего и представлен четырьмя поселениями. Выявить экономический центр исходя из имеющихся сведений не представляется возможным ввиду малочисленности имеющихся данных. Четвертый кластер достаточно обширен и охватывает поселения, расположившиеся в низовье Исети. Вероятнее всего, что экономическим центром данного района являлся город Ялуторовск, поскольку он занимает достаточно выгодное положение на месте слияния Исети и Тобола, однако не исключено и временная роль Красногорского городка. Пятый кластер соразмерен четвертому и охватывает территорию верховья Туры, где крупным экономическим центром являлся город Епанчин.

Чертежная_книга_Сибири_DensityBasedClustering

Color ID

- 1 кластер отображается этим цветом
- 1 кластер отображается этим цветом
- 1 кластер отображается этим цветом
- 1 кластер отображается этим цветом
- 1 кластер отображается этим цветом
- Шум

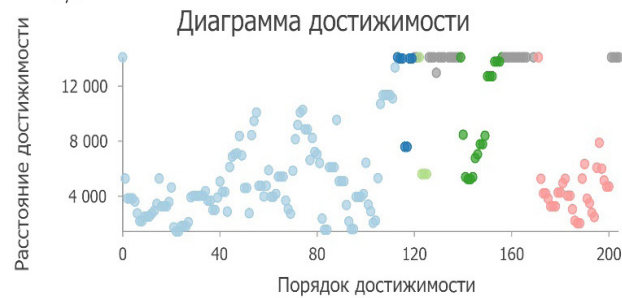

Рис. 3. Кластеризация населенных пунктов из материалов «Чертежной книги Сибири»

Fig. 3. The clustering of settlements according to the Drawing Book of Siberia

Среди объектов, отмеченных на картах «Хорографической книги Сибири» было выявлено 6 групп поселений (рис. 4). Первый кластер охватывает десятки поселений и занимает пространство от устья Туры до места слияния рр. Иртыша и Тобола, что свидетельствует о тяготении данной группы населенных пунктов к Тобольску. Второй кластер — самый крупный из представленной выборки и занимает пространство от Туринска на севере до места слияния рр. Туры и Тобола. В данном случае наблюдается динамика в сравнении с материалами «Чертежной книги». Туринск (он же Епанчин) теперь находится в орбите влияния такого крупного экономического центра, как Тюмень. Кроме того, четыре поселения, расположенные по берегам притоков Пышмы и образовывавшие в первом кейсе самостоятельный третий кластер, также тяготеют к Тюмени. Стоит отметить еще одно отличие между двумя кейсами. Третий кластер, охватывающий пространство низовья Пышмы и имеющий в качестве центра населенный пункт Червишево, в первом кейсе тяготел к Тюмени и не выделялся в качестве самостоятельного кластера. Четвертый кластер охватывает территорию между Исетью и Тоболом, где явным центром выступает Ялуторовск. Пятый кластер не совсем подлежит анализу, поскольку состоит из группы четырех поселений в пределах р. Исеть, но наиболее связан с современным Шадринском. Как и в случае с третьим кластером первого кейса, выявить экономический центр не представляется возможным. Шестой кластер расположен на самом юге и охватывает поселения, находившиеся по берегам Тобола, где экономическим центром выступало Царево Городище (современный Курган).

Заключение

Анализ картографических материалов с привлечением ГИС методов на примере работ С.У Ремезова позволил выделить некоторые закономерности в изучаемом процессе. Так, удалось определить основные центры притяжения, упоминание которых фиксируется как в картографических, так и в письменных источниках — это Тюмень, Тобольск, Епанчин городок, Ялуторовск, Курган, Шадринск, Тарханский и Красногорский городки. Привлечение данных цифровой модели рельефа и дистанционного зондирования позволило определить наиболее выгодные ландшафты и возможные пути сообщения в рамках определяемых нами географических кластеров, чаще всего это были реки. Была проведена попытка оценки демографической ситуации на территории Нижнего Притоболья на рубеже XVII-XVIII вв., что выразилось в изменении картографических характеристиках, отображаемых в источниках. Привлечение ГИС методов дает нам возможность поставить вопрос о назначении различных карт С. У. Ремезова, об их этапности и привлечении иных авторов для их создания. В целом, говоря о результатах исследования, стоит подчеркнуть, что были решены только некоторые вопросы относительно проблематики формирования городских территорий и близлежащих населенных пунктов в изменяющемся ландшафте, но вместе с тем возникли новые задачи, которые требуют детального рассмотрения и изучения в последующем.

Хорографическая_книга_DensityBasedClustering

Color ID

- 1 кластер отображается этим цветом
- 1 кластер отображается этим цветом
- 1 кластер отображается этим цветом
- 1 кластер отображается этим цветом
- 1 кластер отображается этим цветом
- Шум

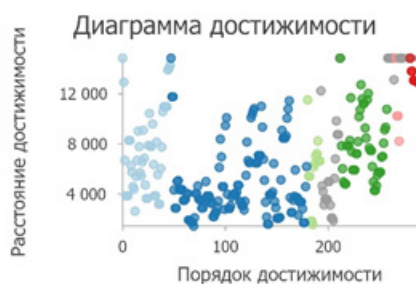

Рис. 4. Кластеризация населенных пунктов из материалов «Хорографической книги Сибири»

Fig. 4. The clustering of settlements according to the Chorographic Book of Siberia

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аношко О. М. От древних крепостей до первой столицы Сибири: Урбанизационные процессы в лесостепном Зауралье / О. М. Аношко, С. В. Берлина, С. И. Цембалюк // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул, 2017. С. 64-65.

2. Багров Л. История русской картографии / Л. Багров / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 208 с.
3. Вилков О. Н. Очерки социально-политического развития Сибири конца XVI — начала XVIII вв. / О. Н. Вилков. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.
4. Вебер М. Город / М. Вебер. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 158 с.
5. Жилина Т. Н. Западная Сибирь в Малый ледниковый период: природа и русская колонизация (1550-1850 гг.) / Т. Н. Жилина. Томск: Оптимум, 2009. 162 с.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука, 1968. Т. 2. 540 с.
7. Кабо Р. М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX вв.) / Р. М. Кабо. М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. 225 с.
8. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значение в России XVII века / В. Кивельсон. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
9. Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX вв.) / А. Ю. Конев. М.: РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1995. 220 с.
10. Корандей Ф. С. Историко-географический атлас Юго-Западной Сибири: опыт картографирования Тюменско-Верхотурской дороги (1666-1771) / Ф. С. Корандей, С. В. Рассказов // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 1. С. 137-146.
11. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири / В. И. Кочедамов. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
12. Маслюженко Д. Н. Московское государство и Тюменское / Сибирское ханства: основные этапы внешнеполитических отношений / Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябина // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. № 7. С. 24-33.
13. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.
14. Миллер Г. Ф. История Сибири. / Г. Ф. Миллер. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. I. 630 с.
15. Миллер Г. Ф. История Сибири. / Г. Ф. Миллер. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири. / Г. Ф. Миллер. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. Т. III. 598 с.: ил., карты.
17. Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века / В. Г. Мирзоев. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 187 с.
18. Оглоблин Н. Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова / Н. Н. Оглоблин. Санкт-Петербург: ред. журн. «Библиограф» (Н. М. Лисовского), 1891. 12 с.
19. Павлинская Л. Р. Особенности русской колонизации Сибири (XVII — начало XVIII в.) / Л. Р. Павлинская // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.): сборник научных статей / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб., 2014. С. 3-67.
20. Пестерев В. В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI — середины XVIII вв. / В. В. Пестерев. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. 237 с.
21. Резун Д. Я. К истории изучения сибирского города XVII в. в русской дореволюционной исторической науке (к постановке вопроса) / Д. Я. Резун // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 143-163.

22. Резун Д. Я. Слободы как протогорода Сибири / Д. Я. Резун // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX в. Барнаул, 2005. С. 71-92.
23. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова (1697-1711) / С. У. Ремезов. Тобольск: Фонд «Возрождение Тобольска», 2019. 341 с.
24. Черная М. П. Сибирский город конца XVI — начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) / М. П. Черная // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3 (7). С. 95-112.
25. Черная М. П. Томский кремль середины XVII-XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации / М. П. Черная. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 184 с.
26. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. (2003): в 2 т. / ред. А. А. Дрожнюк. М.: Картография.
27. Ярков А.П. Города и городки: о генезисе образов и поселений на примере Singui~Цынгитурь~Тюмени / А. П. Ярков // Тюменский исторический сб. Вып. XVIII. Тюмень, 2016. С. 40-48.
28. Ingold T. The Temporality of the Landscape / T. Ingold // World Archaeology, Conceptions of Time and Ancient Society. 1993. Vol. 25. No. 2. Pp. 152-174.

Vladimir M. Kostomarov¹
Kirill Yu. Krestyannikov²

UDC 913; 94

SPATIAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN PIONEERS' SETTLEMENT SYSTEM IN SIBERIA OF THE 17TH — 18TH CENTURIES OF TOBOL RIVER BASIN IN THE CONTEXT OF LANDSCAPE (GIS OPTICS)*

¹ Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor,
Department of History and World Politics, University of Tyumen
v.m.kostomarov@utmn.ru ORCID: 0000-0002-8667-3809

² Postgraduate Student, Department of History and World Politics, University of Tyumen;
History Teacher, University of Tyumen Gymnasium
k.y.krestyannikov@utmn.ru ORCID: 0000-0001-6021-9459

Abstract

The paper studies the settlement system of the Russian population in the middle and lower reaches of Tobol and its tributaries, which was formed in the first century after the Russian conquest of Siberia. The issue of settlement was described in several works, but the landscape paradigms were mentioned only indirectly. The article aims to study the settlement structure of the pioneers and the autochthonous population in a spatial aspect. The features of the landscape and relief confinement of settlements were studied using the cartographic materials by S. U. Remezov. The authors evaluated not only “cartoids” from the point of view of source study and geography, but also the mapping of the events and facts reflected in Remezov’s maps. Moreover, having used GIS (geographic information system), a mathematically distinguished “urban area” was indicated, in addition to the main characteristics and settlement patterns

---

* This article was presented as a paper at the 8th Research Conference “Conference on Text Interpretation: Data Analysis in the Social Sciences and Humanities” (17 July 2022, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen).
The study was supported by RFBR (No. 20-05-00592)

Citation: Kostomarov V. M., Krestyannikov K. Yu. 2022. “Spatial characteristics of Russian pioneers’ settlement system in Siberia of the 17th — 18th centuries of Tobol river basin in the context of landscape (GIS optics)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 4 (32), pp. 134-153. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-134-153

---

of Russian villages and autochthonous population's yurts. The source itself is characterized through analysis of working with specific geographic information.

Keywords

Settlement, landscape, spatial history, GIS, S.U. Remezov, relief, migration, city, ostrog, Tyumen, Verkhoturys, Yalutorovsk.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-134-153

REFERENCES

1. Anoshko O. M., Berlina S. V., Tsembalyuk S. I. 2017. "From ancient fortresses to the first capital of Siberia: Uralization processes in the forest-steppe Trans-Ural". Proceedings of the 5th (11th) All-Russian Archeological Congress. Edited by A. P. Derevyanko and A. A. Tishkin. Pp. 64-65. Barnaul. [In Russian]
2. Bagrov L. 2005. History of Russian Cartography. Translated from English by E. V. Lamanova. Moscow: Tsentrpoligraf. 208 pp. [In Russian]
3. Vilkov O. N. 1990. Essays on the Socio-Political Development of Siberia in the late 16th — early 18th c.. Novosibirsk: Nauka. 368 pp. [In Russian]
4. Veber M. 2021. City. Moscow: Yurayt. 158 pp. [In Russian]
5. Zhilina T. N. 2009. Western Siberia in the Little Ice Age: nature and Russian colonization (1550-1850). Tomsk: Optimum. 162 pp. [In Russian]
6. Okladnikov A. P. (ed.). 1968. History of Siberia from the Most Ancient Times to the Present Day in 5 vols. Vol. 2. Leningrad: Nauka. 540 pp. [In Russian]
7. Kabo R. M. 1949. Cities of Western Siberia. Essays on Historical and Economic Geography (17th — early 19th c.). Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoy literatury. 225 pp. [In Russian]
8. Kivelson V. 2012. Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 360 pp. [In Russian]
9. Konev A. Yu. 1995. Indigenous Peoples of Northwestern Siberia in the administrative system of the Russian Empire (18th — early 20th c.). Moscow: RAN, Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya. 220 pp. [In Russian]
10. Korandei F. S., Rasskazov S. V. 2017. "Historical and Geographical Atlas of South-Western Siberia: Experience of Mapping the Tyumen-Verhoturye Road, 1666-1771". Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya, no. 1, pp. 137-146 [In Russian]
11. Kochedamov V. I. 1978. First Russian Cities in Siberia.. Moscow: Stroyizdat. 190 pp. [In Russian]
12. Maslyuzhenko D. N., Ryabinina E. A. 2015. "Moscow state and Tyumen/Siberian khanate: the main stages of foreign policy relations". Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva, no. 7, pp. 24-33. [In Russian]
13. Maslyuzhenko D. N., Sitdikova A. G., Khayrutdinova R. R. (eds.). 2018. Tyumen and Siberian Khanates. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta. 560 pp. [In Russian]
14. Miller G. F. 1999. Siberian History. Vol. 1. 2nd edition, revised. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. 630 pp.; ill. [In Russian]

15. Miller G. F. 2000. *Siberian History*. Vol. 2. 2nd edition, revised. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. 796 pp.; ill. [In Russian]
16. Miller G. F. 2005. *Siberian History*. Vol. 3. 2nd edition, revised. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. 598 pp.; ill. [In Russian]
17. Mirzoev V. G. 1960. *The Annexation and Development of Siberia in the Historical Literature of the 17th c.* Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury. 187 pp. [In Russian]
18. Ogloblin N. N. 1891. *Sources of the Drawing Book of Siberia by Semen Remezov*. Saint Petersburg: redaktsiya zhurnala Bibliograf (N. M. Lisovskogo). 12 pp. [In Russian]
19. Pavlinskaya L. R. 2014. "Features of Russian colonization of Siberia (17th — early 18th c.)". In: Pavlinskaya L. R. (ed.). *Siberia in the Context of the Russian Colonization Model (17th — early 18th c.)*, pp. 3-67. Saint Petersburg. [In Russian]
20. Pesterev V. V. 2005. *Population Organization in the Colonized Space: Essays on the History of Colonization of Trans-Uralia in the late 16th —mid 18th c.* Kurgan: Izdatelstvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 237 pp. [In Russian]
21. Rezun D. Ya. 1978. "To the history of the study of the Siberian city of the 17th c. in Russian pre-revolutionary historical science (to the statement of the question)". In: *Siberian Cities (The Epoch of Feudalism and Capitalism)*, pp. 143-163. Novosibirsk. [In Russian]
22. Rezun D. Ya. 2005. "Slobodas as prototowns in Siberia". In: *Modern Historical Siberian Studies of the 17th — early 20th c.*, pp. 71-92. Barnaul. [In Russian]
23. Chernaya M. P. 2009. "Siberian city of the late 16th — early 18th c. in the historical and archaeological reflection (historiographic aspect)". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (7), pp. 95-112. [In Russian]
24. Chernaya M. P. *The Tomsk Kremlin in the mid 17th — 18th c.: The Problems of Reconstruction and Historical Interpretation*. Tomsk: Izdatelstvo TGU. 184 pp. [In Russian]
25. Yarkov A. P. 2016. "Cities and towns: the genesis of images and settlements in the case of Singui~Tsyngi-Tury~Tyumen". In: *Tyumen Historical Anthology*. Vol. 18, pp. 40-48. Tyumen. [In Russian]
26. Remezov S. U. 2019. *Chorographic Drawing Book of Siberia by S. U. Remezov (1697-1711)*. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobolska. 341 pp. [In Russian]
27. Drazhnyuk A. A. (ed.). 2003. *The drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar son Semyon Remezov in 1701 (2003) in 2 vols*. Moscow: Kartografiya. [In Russian]
28. Ingold T. 1993. "The Temporality of the Landscape". *World Archaeology, Conceptions of Time and Ancient Society*, vol. 25, no. 2, pp. 152-174.

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES
2022. Том 8. № 4 (32)

Редактор	<i>В. Е. Суслов</i>
Перевод	<i>Е. В. Новокрещенных, Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>И. А. Штоль</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Дата выхода в свет 27.12.2022
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard EC
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
13,48 усл. печ. л., 10,78 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 476

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
тел./факс: +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81
vestnik-humanitaries-r@utmn.ru